

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО:
ДОКТРИНА, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО,
ПРАКТИКА

*Тезисы докладов и сообщений
международной
научно-практической конференции
(4–5 декабря 2025 г.)*

Омск
ОМА МВД России
2025

УДК 343.1(063)
ББК 67.629.3+67я54
У26

Редакционная коллегия:

А. В. Павлов — кандидат юридических наук, доцент (председатель);
Е. Е. Коробкова — кандидат юридических наук, доцент,
(заместитель председателя);
Б. Б. Булатов — доктор юридических наук, профессор;
А. С. Дежнев — доктор юридических наук, профессор;
Л. А. Пупышева — доктор юридических наук, доцент;
А. А. Бондаренко — кандидат юридических наук
(ответственный секретарь)

**Уголовное судопроизводство: доктрина, законодательство,
У26 практика :** тезисы докладов и сообщений междунар. науч.-практ.
конф. (4–5 декабря 2025 г.) / пред. редкол. А. В. Павлов. — Омск :
Омская академия МВД России, 2025. — 208 с.

ISBN 978-5-88651-897-9

В сборнике представлены научные труды, подготовленные профессорско-преподавательским составом Омской академии МВД России, иных образовательных организаций и практикующими юристами. Рассматриваются актуальные проблемы уголовно-процессуальной науки и практики применения уголовно-процессуального законодательства.

Предназначено для профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, адъюнктов образовательных организаций, а также практических работников правоохранительных органов.

УДК 343.1(063)
ББК 67.629.3+67я54

ISBN 978-5-88651-897-9

© Омская академия МВД России, 2025

РАЗДЕЛ I. ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

А. Н. Ахпанов

Начальный этап досудебного расследования: теоретические и прикладные вопросы

Проблемы начала досудебного расследования никогда не теряли своей актуальности на всем протяжении становления и развития уголовного процесса ввиду дисгармонии баланса публично-правовых интересов и прав граждан, юридических лиц. Такое положение объяснялось тем, что ранее российское законодательство, положения которого действовали и на территории Республики Казахстан (далее — РК), предусматривало одностадийное построение досудебного производства (начиная с УПК РСФСР 1923 г. и вплоть до принятия УПК Казахской ССР 1959 г.), возбуждение уголовного дела было начальным моментом уголовного процесса, не являясь самостоятельной стадией [1, с. 145, 192].

Поэтому в теории уголовного процесса вопрос о процессуальной защите прав и законных интересов личности на данном этапе расследования даже не обсуждался [2]. Попытки обосновать правовую природу, правоотношений, возникающих на начальном этапе среди юристов оценивались негативно [3, с. 80].

И только с наделением дознания процессуальной формой предварительного расследования проверка оснований к возбуждению уголовного дела стала приобретать характер самостоятельной стадии. В науке стала превалировать точка зрения о том, что указанная стадия должна рассматриваться как необходимый барьер, ограждающий свободу и неприкосновенность личности от бесконтрольности в применении мер государственного принуждения [4, с. 29–31]. В результате были сформулированы определенные уголовно-процессуальные стереотипы начала досудебного расследования, действующие и поныне в российском уголовном процессе [5, с. 178; 6, с. 221].

Подобное положение концептуально сохранялось и в УПК Казахской ССР 1959 г., и в УПК РК 1997 г. вплоть до принятия УПК РК 2014 г. После начала досудебного расследования стало связываться с официальной регистрацией соответствующего повода либо с проведенным по времени первым следственным действием.

При этом был рецепирован опыт европейских и некоторых постсоветских государств, пошедших по пути отказа от стадии возбуждения уголовного дела (Эстония, Латвия, Украина, Грузия и др.). Например, в Австрии и ФРГ сбор доказательственной информации путем производства следственных действий предусмотрен непосредственно после получения информации о правонарушении [7, с. 53–54]. В США производство по конкретному делу датируется с момента получения информации о преступлении и ее регистрации. Это является основанием для допросов, ареста подозреваемого, опознания и ряда других действий, результаты которых впоследствии могут служить доказательством в суде [8, с. 39–45]. Аналогичным образом этот вопрос регламентируется в законодательстве Франции, Нидерландов и других европейских стран [9].

В теории уголовно-процессуального права постсоветских государств стали превалировать две позиции:

- стадия возбуждения уголовного дела – это обязательный атрибут, первая и обособленная стадия уголовного процесса [10–13];
- необходимость в начальной стадии отсутствует, поскольку для начала досудебного расследования достаточно регистрации соответствующего повода о правонарушении [14, с. 11–16].

После внесения соответствующих новелл в УПК РК вновь изменилось стадийное построение отечественного судопроизводства. Сегодня досудебное производство предпочтительно рассматривать как целостную, единую стадию, которая включает три ключевых этапа: инициирование досудебного расследования, производство следственных и иных процессуальных действий в рамках дознания и предварительного следствия, завершение досудебного производства.

Данный подход отличается от устоявшихся теоретических концепций, которые продолжают доминировать в Российской Федерации и в некоторых других постсоветских странах. Учитывая это, актуальна возможность разработки системы и дифференциации оснований для начала досудебного расследования, а также внедрение новых механизмов их проверки, принимая во внимание специфические особенности родовой подследственности выявляемых уголовных нарушений.

Действующий УПК РК 2014 г. не содержит обязательного императива о необходимости проверочных действий, подтверждающих наличие признаков уголовного правонарушения, так как начало производства связано не с вынесением официального акта, а с процедурой, скорее, технического свойства. Это — регистрация правонарушения в Едином реестре досудебных расследований (далее — ЕРДР) или проведение первого неотложного следственного действия (ч. 1 ст. 179 УПК РК). С другой стороны, отказ от требования проведения доследственной проверки для определения правовых оснований начала досудебного расследования и создание системы, которая препятствует началу деятельности, не связанной с уголовными делами, привел к исчезновению института отказа в возбуждении уголовного дела [15, с. 64–67].

В результате внесенных изменений процесс отказа на начальной стадии досудебного расследования теперь регулируется не основным законодательным актом, а подзаконным документом. Приказ Генерального прокурора РК № 89 от 19 сентября 2014 г. установил Правила приема и регистрации обращений и сообщений о правонарушениях (далее — Правила), а также ввел ЕРДР.

При наличии основания для начала досудебного расследования, вопреки ч. 4 ст. 179 УПК РК, вместо трех суток повод должен быть зарегистрирован в ЕРДР в течение суток со дня его поступления (п. 8 Правил). Согласно п. 14 Правил, если отсутствуют основания для начала досудебного расследования, с одобрения руководителя органа дознания обращение остается без рассмотрения и подлежит исключению из документации [16, с. 13–14].

Тем самым констатируется отказ от юридического значения принимаемого решения и, следовательно, возможности дальнейшего расследования даже в условиях отсутствия судебной перспективы.

Изложенное позволяет констатировать, что в рассматриваемой ситуации речь может идти только о единой структуре досудебного расследования в границах одной, а не двух стадий. Для стадийного разграничения необходимо наличие такого обязательного критерия, как вынесение итогового решения, позволяющего судить о выполнении стоящих перед стадией задач и возможности перехода в следующую стадию либо об отказе в дальнейшем производстве.

Полагаю, что в данной ситуации следует использовать такой термин, как этапность расследования, например, как это было предусмотрено в дореволюционном российском розыском процессе, который состоял из общего расследования, суммарного производства и специального расследования [17; 18].

Применительно к действующему у нас законодательству следует рассматривать:

- начальный этап досудебного расследования;
- этап собирания, проверки и предварительной оценки доказательств;
- этап окончания досудебного расследования.

Отказ от обязательности доследственной проверки с целью определения юридического основания для производства досудебного расследования и создания конструкции, препятствующей началу деятельности, не связанной с уголовными правонарушениями, вынудили законодателя внести некоторые дополнения в УПК РК. Они предусматривают исключения, позволяющие не только не регистрировать правонарушение, но и отсрочить этот момент в нестандартных ситуациях, когда публичный интерес государства превалирует над интересом частным и нужно провести ряд проверочных действий, способных подтвердить или опровергнуть наличие признаков правонарушения в полученном источнике информации.

Подобные и иные обстоятельства возникают при совершении правонарушений, отнесенных к подследственности:

а) органов национальной безопасности, когда закон во избежание обвинения должностных лиц в укрытии уголовного правонарушения допускает отсрочку регистрации повода в ЕРДР (ч. 1 ст. 185 УПК РК) с учетом проведения активных мероприятий, специфики легализации материалов оперативно-розыскной, контрразведывательной деятельности; модель работы: от лица к гипотетическому преступлению;

б) органов внутренних дел — по так называемым общеуголовным очевидным правонарушениям, наоборот, важно незамедлительное реагирование на них, с тем чтобы сохранить следы, противодействовать их утрате, уничтожению и раскрыть преступление по «горячим следам»; модель работы: от совершенного преступления к лицу;

в) органов службы экономических расследований, антикоррупционной службы (за исключением, как правило, взяточничества с личным) — в условиях цейтнота сложность быстрого выявления признаков уголовного правонарушения при вероятном объеме недостаточной информации; необходимость проактивного физического оперативного прикрытия и сопровождения зон и групп риска; применение упреждающего негласного технического контроля; совершенствование допроцессуального механизма выявления и замораживания преступно приобретенных активов; при относительно небольшом количестве уголовных правона-

рушений, но с большим материальным ущербом, мотивация непроцессуальными целями (показатели, коррупция и т. п.); модель работы: от лица к совершаемому преступлению.

В ситуациях, предусмотренных пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 179 УПК РК, в регистрационных документах производится соответствующая запись с уведомлением заявителя о перенаправлении его жалобы для разрешения по существу в другую компетентную инстанцию, с одновременным разъяснением его права на разрешение правового спора в порядке гражданского судопроизводства. Установление достоверности подобных претензий по медицинским уголовным правонарушениям (ст. ст. 317, 318, 320, 322, 323 УК РК) возлагается на соответствующие органы здравоохранения путем проведения ведомственных проверок и принятия других мер, позволяющих дать заключение о противоправности выявленных обстоятельств, с уведомлением об этом правоохранительных органов и временной передачей всех материалов.

Законом от 5 июля 2024 г. № 113-VIII ч. 1 ст. 179 УПК РК дополнена п. 3 — о фильтрах при регистрации фактов уклонения от уплаты налога и (или) других обязательных платежей в бюджет. Легитимен только акт налоговой проверки специалиста органов государственных доходов, в котором должны содержаться достаточные данные, указывающие на наличие признаков уголовного правонарушения. До регистрации в ЕРДР с данным актом вправе ознакомиться стороны и акт может быть обжалован в досудебном порядке в прокуратуру, а также в три судебных инстанции. Также до ЕРДР представляется возможность полностью погасить начисленные суммы налогов и (или) других обязательных платежей в бюджет и пени за определенными исключениями: признаки ОПГ, фиктивные сделки и нарушение обязательных правил декларирования.

Между тем вызывает опасения тот факт, что в настоящее время для начала досудебного расследования достаточно заключения любых специалистов, в качестве которых могут выступать как представители правоохранительных органов, так и частные лица, которые, не обладая специальными познаниями, выносят заключения о хищениях. Давая заключения, они используют вероятностные субъективные умозаключения о возможном ущербе. В результате у бизнеса и граждан фактически отсутствуют действенные механизмы обжалования таких заключений, так как они не предусмотрены законодательством и зачастую становятся известны после начала досудебного расследования.

В этой связи в принятом 28 мая 2025 г. во втором чтении Мажилисом (нижняя Палата Парламента РК) проекте Закона РК «О внесении измене-

ний и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам оптимизации Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов» предлагается дополнить ч. 1 ст. 179 УПК РК следующими пунктами, не подлежащими регистрации заявления, сообщения или рапорт об уголовном правонарушении:

- основанные на заключении специалиста уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа с неподтвержденными признаками наличия ущерба, существенного вреда либо незаконного дохода, полученного субъектом предпринимательства, когда их наличие является обязательным признаком уголовного правонарушения;

- по которым имеется гражданско-правовой спор, рассматриваемый в соответствии с законодательством Республики Казахстан.

Выводы и предложения.

1. На первоначальном этапе досудебного расследования, принимая во внимание особенности уголовно-процессуальных правоотношений, важно:

- сохранить действующую модель начального этапа стадии досудебного расследования;

- привести в соответствие с нормой УПК РК срок регистрации в ЕРДР повода к началу досудебного расследования, увеличив его до трех суток, необходимых для выявления признаков уголовного правонарушения;

- установить основания для официального отказа в регистрации поступившего повода к началу досудебного расследования путем вынесения соответствующего постановления (*ныне: списание в наряд*);

- предусмотреть ответственность прокурора за необоснованную отмену решения следователя (дознателя) об отказе в регистрации заявления (сообщения) и начале досудебного расследования при отсутствии явных признаков уголовного правонарушения.

2. По аналогии с ч. 1 ст. 185 УПК РК, в зависимости от категории уголовного правонарушения (сложные в установлении оснований для начала расследования налоговых, экономических, финансовых и иных смежных уголовных правонарушений), с целью определения достаточности признаков состава преступления, необходимо установить параметры для отложения регистрации в ЕРДР соответствующего повода, который запускает досудебное расследование.

3. С учетом предлагаемого пересмотра некоторых подходов к Закону РК «Об оперативно-розыскной деятельности» вернуть (в редакции ст. 130 УПК РК от 16 марта 2001 г.) и законодательно усилить роль

оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам, особенно на этапах предупреждения, обнаружения, выявления, легализации и документирования признаков состава преступления экономических, финансовых, налоговых и иных смежных уголовных правонарушений, отнесенных к подследственности службы экономических расследований и антикоррупционной службы.

4. Рекомендовать предварительное, до регистрации поводов в ЕРДР, проведение целевой, глубоко законспирированной и длительной оперативной разработки зон и групп повышенного риска, фигурантов и объектов оперативного интереса по направлениям деятельности службы экономических расследований и антикоррупционной службы.

5. Заинтересованным ведомствам правоохранительной системы совместно с учебными заведениями, научными учреждениями и практическими подразделениями рекомендовать разработку частной криминалистической методики производства начального этапа досудебного расследования по конкретным составам экономических, финансовых, налоговых и иных смежных уголовных правонарушений, отнесенных к подследственности службы экономических расследований и антикоррупционной службы.

6. Принимая во внимание, что начальный этап досудебного расследования включает аналог прежнего производства по отказу в возбуждении уголовного дела, которое ныне возлагается исключительно на следователей и дознавателей (нагрузка возросла многократно), необходимо перераспределить в их пользу штатные единицы органов внутренних дел, к подследственности которых относится около 95% регистрируемых уголовных правонарушений.

Список источников

1. *Вышинский А. Я.* Курс уголовного процесса. М., 1927.
2. *УПК РСФСР.* Официальный текст с изменениями на 1 февр. 1956 г. и с приложением постатейно систематизированных материалов. М., 1957.
3. *Балабанович О.* О доследственной проверке // Соц. законность. 1939. № 6.
4. *Кудин Ф. М.* Охрана прав личности и уголовно-процессуальное принуждение // Гарантии прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Свердловск, 1975.
5. *Уголовный процесс : учебник для бакалавриата юридических вузов / под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко, А. Г. Тузова.* Ростов н/Д, 2015.

6. *Уголовный процесс* : учебник / отв. ред. А. В. Гриненко. 2-е изд., перераб. М., 2009.
7. *Филимонов Б. А. Основы уголовного процесса Германии*. М., 1994.
8. *Гуценко К. Ф. Основы уголовного процесса США*. М., 1993.
9. *Боботов С. В. Правосудие во Франции*. М., 1994.
10. *Возбуждение уголовного дела: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты* : учебное пособие / отв. ред. Н. А. Данилова, В. А. Шиплюк. СПб., 2011.
11. *Уголовный процесс* : учебник / С. В. Зуев, К. И. Сутягин. Челябинск, 2016.
12. *Уголовный процесс* : учебник для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2013.
13. *Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс* : учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 2008.
14. *Ахпанов А. Н., Хан А. Л. Преобразование первоначальной стадии уголовного процесса в Республике Казахстан: анализ новелл законодательства // Современные проблемы криминалистики : мат-лы междунар. круглого стола, посвященного 60-летию профессора кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Казахского гуманитарно-юридического университета К. В. Ким. Астана, 2015.*
15. *Ахпанов А. Н., Хан А. Л. О процессуальной форме отказа к началу досудебного расследования // Вестник Института законодательства РК. 2017. № 4(49).*
16. *Шульгин Е. П. Правовые и организационные основы деятельности органов досудебного расследования МВД РК, осуществляющих производство в электронном формате : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.*
17. *Чельцов-Бебутов М. А. Курс советского уголовно-процессуального права*. СПб., 1995.
18. *Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб., 1996.*

А. М. Баранов

Виды мер пресечения

Вопрос об объеме, видах, сроках принуждения в уголовном судопроизводстве был, есть и будет всегда предметом внимания общества, политиков, граждан, правоприменителя и ученых. Особо выделяются: меры пресечения, применяемые к подозреваемым и обвиняемым, законность, обоснованность их применения; возможность достижения целей

уголовного процесса без применения мер пресечения, связанных с содержанием под стражей. По этой причине общество и представители юридической науки ведут дискуссии и исследования о новых видах мер пресечения, не связанных с лишением свободы лиц, обвиняемых в преступлении.

Не углубляясь далеко в историю, проанализируем, как изменились виды мер пресечения за последние 60 лет.

УПК РСФСР предусматривал следующие виды мер пресечения: 1) ст. 93 (подписка о невыезде); 2) ст. 94 (личное поручительство); 3) ст. 95 (поручительство общественной организации); 4) ст. 96 (заключение под стражу); 5) ст. 99 (залог); 6) ст. 100 (наблюдение командования воинской части); 7) ст. 394 (отдача несовершеннолетнего под присмотр).

До начала судебной реформы в 1992 г. только заключение под стражу применялось с санкции прокурора. Остальные меры пресечения дознавателем и следователем применялись самостоятельно. Право лица, производящего дознание, и следователя самостоятельно применять меры пресечения вытекало из доктрины процессуальной самостоятельности лиц, осуществляющих дознание и предварительное следствие.

До реформы 1992 г. практика применения мер пресечения вытекала из проводимой государством уголовной политики. По многочисленным исследованиям, в конце 80-х и первой половине 90-х годов практика применения мер пресечения складывалась следующим образом. Примерно к 30% обвиняемых избиралась мера пресечения заключение под стражу, около 70% их — подписка о невыезде и 1% составляли иные меры пресечения. В разные годы, в зависимости от роста тяжких преступлений и повторного совершения преступлений обвиняемыми в период привлечения к уголовной ответственности, менялось соотношение заключения под стражу и подписки о невыезде. Эти изменения носили незначительный характер и не влияли на общую практику применения мер пресечения. Для полноты восприятия практики применения мер пресечения в тот период необходимо отметить, что в обществе существовало совсем иное понимание и отношение к свободе вообще и к праву на личную свободу. В стране практически не было внутренней миграции, не говоря уже об эмиграции.

С началом реформ в 1992 г. и распадом СССР начались масштабные миграционные перемещения. В обществе стало меняться восприятие личной свободы. Изменились политика государства и законодательство с доктрины ограничения на обеспечение права на свободу. Соответствующие изменения произошли и в регулировании мер пресечения.

Действующий УПК РФ в ст. 98 предусматривает следующие виды мер пресечения: 1) подписка о невыезде; 2) личное поручительство; 3) наблюдение командования воинской части; 4) присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; 5) запрет определенных действий; 6) залог; 7) домашний арест; 8) заключение под стражу.

Напомним, что по действующему УПК РФ меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, запрета определенных действий избираются по судебному решению. Иные меры пресечения применяются самостоятельно дознавателем и следователем. Практика применения мер пресечения: личное поручительство, наблюдение командования воинской части и присмотр за несовершеннолетним обвиняемым количественно существенно не изменилась. Из мер пресечения, наиболее часто избираемых самостоятельно дознавателем и следователем, как и прежде, является подписка о невыезде.

При сравнении двух списков мер пресечения обнаруживаем, что была исключена мера пресечения в виде поручительства общественной организации, а на смену ей пришли две новые — запрет определенных действий и домашний арест. Будем исходить из того, что законодатель отказался от поручительства общественной организации как меры пресечения ввиду ее не востребоваемости на практике, в том числе и по причине социальных изменений в обществе.

Для оценки эффективности и востребованности закрепленных в УПК мер пресечения обратимся к статистике их применения в досудебном производстве. Для наглядности практика применения мер пресечения заключение под стражу, домашний арест, залог, запрет определенных действий приведена вместе со значениями количества лиц, осужденных по приговорам, вступившим в законную силу, и лиц, осужденных к реальному лишению свободы. Для сравнения применения мер пресечения был охвачен исследованием период с 2017 г. по 2022 г. (табл. 1).

Внимательный анализ применения мер пресечения позволяет сделать вывод о том, что заключение под стражу применяется в отношении 15–16% лиц, осужденных судом, и в пределах 52–57% лиц, осужденных к лишению свободы. Домашний арест, запрет определенных действий и залог вместе в пределах 2% от числа всех осужденных и не более 6% лиц, осужденных к лишению свободы. Следовательно, принимая во внимание ничтожное количество случаев применения мер пресечения в виде личного поручительства, наблюдения командования воинской части и присмотра за несовершеннолетним, в отношении примерно 78% лиц, осужденных судом, применяется мера пресечения в виде подписки о невыезде,

**Таблица 1. Применение закрепленных в УПК РФ мер пресечения
в период с 2017 г. по 2022 г.**

Год	Осуждено по приговорам, вступившим в законную силу	Осуждено к реальному лишению свободы	Заключение под стражу	Домашний арест	Залог	Запрет определенных действий
2017	697 054	200 225	113 269 % от Осуж 16,25 % от ЛишСвоб 56,57	6442 % от Осуж 0,92 % от Лиш Своб 3,21	133 % от Осуж 0,019 % от Лиш Своб 0,065	0
2018	658 291	190 325	102 205 % от Осуж 15,52 % от ЛишСвоб 53,70	6329 % от Осуж 0,96 % от Лиш Своб 3,32	108 % от Осуж 0,016 % от Лиш Своб 0,056	0
2019	598 207	175 117	94 632 % от Осуж 15,81 % от ЛишСвоб 54,03	6038 % от Осуж 1,0 % от Лиш Своб 3,44	77 % от Осуж 0,012 % от Лиш Своб 0,043	0
2020	530 998	149 681	84 919 % от Осуж 15,99 % от ЛишСвоб 56,73	6949 % от Осуж 1,3 % от Лиш Своб 4,64	244 % от Осуж 0,045 % от Лиш Своб 0,16	1850 % от Осуж 0,348 % от Лиш Своб 1,23
2021	565 523	158 923	87 905 % от Осуж 15,54 % от ЛишСвоб 55,31	6828 % от Осуж 1,2% % от Лиш Своб 4,29	25 % от Осуж 0,004 % от Лиш Своб 0,015	2565 % от Осуж 0,453 % от Лиш Своб 1,61
2022	578 774	167 188	87 687 % от Осуж 15,15 % от ЛишСвоб 52,44	7407 % от Осуж 1,27 % от Лиш Своб 4,43	71 % от Осуж 0,012 % от Лиш Своб 0,042	3085 % от Осуж 0,53 % от Лиш Своб 1,84

а в отношении, осужденных к лишению свободы подписка о невыезде применялась около 40% случаев.

Безусловно, в сравнении с советской эпохой, снижение почти в два раза (15% вместо 30%) количества лиц, к которым на досудебном производстве применяется мера пресечения в виде заключения под стражу,

довольно значимое изменение. Но произошло ли оно в связи с появлением домашнего ареста и запрета определенных действий, весьма сомнительно, поскольку почти на 10% возросло применение меры пресечения в виде подписки о невыезде. По нашему мнению, на произошедшее изменение практики применения мер пресечения следователями и дознавателями в большей степени повлияло общее смягчение уголовной политики: увеличение с двух до трех лет лишения свободы в санкции наказания за преступление как условие применения заключения под стражу, а также уменьшение срока наказания либо его отмена в виде лишения свободы, исключающая возможность применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Совсем незначительное влияние оказало усложнение порядка избрания данной меры пресечения по судебному решению.

За последние шестьдесят пять лет, в период действия УПК РСФСР и УПК РФ, невзирая на существенное смягчение уголовной политики, изменение порядка применения, существенных изменений в экономике, мировоззрения общества в досудебном производстве по уголовным делам востребованными выступают всего две меры пресечения — заключение под стражу и подписка о невыезде.

Нельзя не признать факта, что в 2023–2024 гг. произошел существенный рост (в абсолютных цифрах) применения домашнего ареста и запрета на определенные действия. Из доклада председателя Верховного Суда РФ И. Подносовой, в ходе совещания судей, в 2024 г. домашний арест был применен в отношении 16 000 лиц. Запрет на определенные действия был установлен 5000 граждан. В российские суды поступило 97 000 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, 88% из них были удовлетворены [1].

Каким же может быть совершенствование применения мер пресечения в досудебном производстве? Замминистра юстиции В. В. Федоров предложил расширить практику применения мер пресечения, альтернативных заключению под стражу, в частности, в виде залога [2].

Статистика эпохи развитого социализма и современного российского капитализма показывает, что мера пресечения в виде залога не отвечает правосознанию и ценностям российского общества, а потому не востребована у правоприменителя.

Анализ научных публикаций по данной теме показывает, что большинство предложений по совершенствованию УПК РФ почему-то сводятся к усложнению порядка производства, увеличению видов мер процессуального воздействия.

Однако в диссертации Е. Ю. Замуруевой предложено сокращение числа мер пресечения. Она предложила оставить: 1) личное поручительство; 2) залог; 3) подписку о невыезде; 4) запрет определенных действий; 5) домашний арест; 6) заключение под стражу [3, с. 239].

Исходя из сложившегося правоприменения, по нашему убеждению, мер пресечения должно быть всего две: заключение под стражу и запрет определенных действий. Попробуем привести аргументы. Залог как мера пресечения фактически не применяется. В ряде стран залог не существует в виде самостоятельной меры пресечения, а выступает дополнительной гарантией надлежащего поведения лица при применении к нему меры пресечения, не связанной с заключением под стражу. Меры пресечения в виде поручительства, наблюдения командования, присмотра родителей абсолютно неэффективны. Запрет определенных действий своим содержанием фактически поглощает такие меры пресечения, как домашний арест и подписка о невыезде. При применении этой меры можно возложить на лицо ограничения, которые входят в содержание домашнего ареста и подписки о невыезде.

В законе должен быть установлен единый судебный порядок применения обеих мер пресечения [4, с. 119, 120, 130, 174]. Как правило, такое предложение вызывает недоумение, что дознаватель и следователь лишаются возможности самостоятельно применять принуждение к обвиняемому с целью обеспечения его надлежащего поведения до постановления приговора судом. В распоряжении лиц, осуществляющих досудебное производство, остается мера принуждения в виде обязательств о явке. Это самая распространенная мера пресечения. В одних случаях ее заменит запрет определенных действий. В тех же случаях, когда не будет оснований для избрания меры пресечения, вполне будет достаточно применить к лицу обязательство о явке.

Список источников

1. *Данные* судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 05.07.2025).

2. *Андроник Н. А.* Меры пресечения, избираемые судом по ходатайству органов предварительного расследования: проблемы правоприменения и законодательного регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2023.

3. *Ахметгалеев В. Р.* Тактико-криминалистические особенности применения мер пресечения в процессе предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2025.

4. Замуруева Е. Ю. Общие условия применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2023.

В. Н. Борков, Б. Б. Булатов, А. В. Павлов

Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты заключения под стражу (Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации)

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ» от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ скорректировано правовое регулирование меры пресечения в виде заключения под стражу. 27 мая 2025 г. Пленум Верховного Суда РФ принимает постановление «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 „О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий“» (далее — постановление ПВС РФ № 1). Мы рассмотрим наиболее значимые, по мнению авторов, положения действующего законодательства и его разъяснения в постановлении ПВС РФ № 1.

Постановлением Пленума ВС РФ № 1 преамбула постановления ПВС РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 дополнена положением о том, что, исходя из взаимосвязанных положений чч. 1–2 ст. 108 УПК РФ, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу возможно в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении лишь такого преступления, за которое ему с учетом санкции соответствующей нормы Особенной части и положений Общей части, в частности, ч. 1 ст. 56 и ч. 6 ст. 88 УК РФ может быть назначено наказание в виде лишения свободы. В соответствии с новой редакцией п. 4 постановления ПВС РФ № 1 в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести без применения насилия или угрозы его применения избрать меру пресечения в виде содержания под стражу можно лишь в исключительных случаях. Для этого необходимы: а) основания, предусмотренные ст. 97 УПК РФ; б) одно из обстоятельств, указанных в подпунктах «а»–«г» п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ (подозреваемый или обвиняемый не имеет места жительства или места пребывания на территории РФ; его личность не установлена; им нарушена ранее избранная мера пресечения; он скрылся от органов предварительного расследо-

вания или суда). В пункте 4.2 постановления ПВС РФ № 1 обращается внимание судов на то, что при разрешении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу следует во всех случаях обсуждать вопрос о возможности применения иной, более мягкой меры пресечения, даже при наличии какого-либо из указанных выше обстоятельств.

В пояснительной записке отмечено, что внесение изменений в уголовно-процессуальный закон имело целью «способствовать исключению случаев содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, не представляющих большой общественной опасности, когда они не препятствуют предварительному расследованию и рассмотрению уголовного дела и не занимают иной противоправной деятельностью» [1]. Законодатель ограничил круг преступлений, обвинение в совершении которых допускает заключение под стражу в качестве меры пресечения. Изменения произошли на уровне посягательств средней тяжести, наказание за совершение которых предусмотрено свыше трех лет лишения свободы (ч. 3 ст. 15 УК РФ). Арестными они могут быть только в случае, если совершены с применением насилия или угрозой его применения.

Допустив возможность применения ареста только к обвиняемым в преступлении «средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения», законодатель, помимо уточнения направленности посягательств, исключил возможность использования этой меры при неосторожных преступлениях указанной категории. Вместе с тем санкция за совершение неосторожных преступлений средней тяжести может достигать десяти лет лишения свободы. К таковым относятся, например, нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц (ч. 5 ст. 264 УК РФ), а также повлекшая смерть двух и более лиц халатность (ч. 3 ст. 293 УК РФ). Ранее действующая редакция ареста в таких случаях не исключала. В этой связи уместно обратиться к высказыванию А. В. Победкина, который отметил, что адекватная реакция государства на любые преступления важна с точки зрения как частной, так и общей превенции преступлений. На такую реакцию вправе рассчитывать и потерпевший, которому вряд ли удастся убедительно объяснить, что поскольку преступление небольшой (средней) тяжести, пусть даже не насильственное, не будет большой бедой, если обвиняемый скроется, воспрепятствует производству, уничтожит доказательства или продолжит совершать преступления» [2, с. 83].

Признание арестными только умышленных преступлений средней тяжести вытекает из определения в ч. 1 ст. 108 УПК РФ особого способа их совершения — «с применением насилия или угрозой его применения». По мнению Л. В. Головки, в контексте внесенных изменений деление преступлений на насильственные и ненасильственные имеет весьма спорный характер [3]. Указанный и любой другой способ избирается субъектом для достижения преступного результата и свидетельствует о желании наступления общественно опасных последствий, т. е. об умышленной форме вины. Даже с учетом расширительной трактовки понятия «преступление, совершенное с применением насилия» и отнесения к таковым не только посягательства, в которых насилие применяется, например, для облегчения хищения, причинения вреда общественному порядку, нормальному функционированию государства или порядку управления, а и случаев, когда преступное намерение самим по себе насилием и ограничивается, арестными в смысле ч. 1 ст. 108 УПК РФ, в границах средней тяжести, остаются только умышленные преступления. Так, объективная сторона причинения смерти по неосторожности (ч. 1 ст. 109 УК РФ) может выражаться в насильственных действиях, но за данное преступление предусмотрено наказание до двух лет лишения свободы. Между тем, как отмечает А. В. Победкин «аксиомой, о которой можно прочесть практически в любом учебнике уголовного процесса, является положение о том, что меры процессуального принуждения применяются не в качестве ответственности за завершённое деяние, а для того, чтобы установить лицо, его совершившее и, конечно, другие значимые по уголовному делу обстоятельства» [2, с. 84].

С учетом внесенных изменений арест при отсутствии исключительных обстоятельств (п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ) не может быть применен, например, к лицам, обвиняемым в совершении групповой и «карманной» кражи (п. «а» и п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ), вымогательства под угрозой уничтожения имущества или распространения позорящих сведений (ч. 1 ст. 163 УК РФ), нецелевого расходования бюджетных средств в особо крупном размере (п. «б» ч. 2 ст. 285¹ УК РФ), посредничества во взяточничестве (ч. 1 ст. 291¹ УК РФ), фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ).

При этом ст. 108 УПК РФ дополнена частью 1², содержащей перечень норм, предусматривающих ответственность за ненасильственные преступления средней тяжести, обвинение в совершении которых может сопровождаться заключением под стражу (например: публичные призывы к террористической (ч. 1 ст. 205² УК РФ), экстремистской деятель-

ности (ч. 1 ст. 280 УК РФ), деятельности, направленной против безопасности РФ (ч. 1 ст. 280⁴ УК РФ), распространение фейков (ст. 207³ УК РФ) и дискредитация Вооруженных Сил и других государственных органов (ч. 1 ст. 280³ УК РФ), должностное превышение (ч. 1 ст. 286 УК РФ)). Не имея насилия в качестве признака объективной стороны, данные преступления обладают разрушительным потенциалом, создают угрозу и иницируют посягательства на жизнь и здоровье граждан. В части 1² ст. 108 УПК РФ перечислены и нормы о ненасильственных преступлениях небольшой тяжести, допускающих арест при наличии таких исключительных обстоятельств, когда у лица отсутствует место жительства на территории Российской Федерации и (или) он скрылся от органов следствия и суда. Указанные противоправные деяния посягают на анти-террористическую, экологическую и информационную безопасность, а также на защищенность государства в сфере охраны сведений, составляющих государственную тайну.

Кроме того, ограничена возможность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении определенной категории лиц. Так, в п. 10 постановления ПВС РФ № 1 разъясняется, что к несовершеннолетнему, беременной женщине, женщине, имеющей малолетнего ребенка, мужчине, являющемуся единственным родителем малолетнего ребенка, единственному родителю, усыновителю, опекуну или попечителю ребенка-инвалида, подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления небольшой или средней тяжести, мера пресечения в виде заключения под стражу, по общему правилу, избираться не может. Называются условия и основания, при наличии которых рассматриваемая мера принуждения применяется в исключительных случаях.

В части 2¹ ст. 108 УПК РФ установлен запрет на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого (обвиняемого), страдающего тяжелым заболеванием, включенным в Перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей, утвержденных Правительством РФ [4]. ПВС РФ разъясняет (п. 12.2), что данное положение Закона действует в отношении лица, страдающего указанным заболеванием, независимо от категории преступления, в совершении которого подозревается или обвиняется такое лицо, и наличия обстоятельств, предусмотренных подпунктами «а»–«г» п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ. Обращается внимание судов на необходимость тщательной проверки представленных медицинских документов, подтверждающих наличие или отсутствие такого заболевания. В случае необходимости

предлагается истребовать дополнительные документы, привлекать к участию в рассмотрении ходатайств соответствующих специалистов, в том числе представителей медицинского учреждения или лиц, выдавших такие документы.

Список источников

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями : проект федерального закона № 381316-8 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 15.06.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Победкин А. В. Мера пресечения — не наказание (о проекте федерального закона по ограничению применения заключения под стражу // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова (16 февраля 2024 г.). Омск, 2024.

3. Выступление Л. В. Головки 27 июня 2024 г. на сессии ПМЮФ-2024 «Наказание» до приговора: есть ли альтернатива заключения под стражу? URL: <https://fparf.ru/news/fpa/na-pmyuf-2024-obsudili-problemy-izbraniya-mer-presecheniya/> (дата обращения: 14.06.2025).

4. О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений (вместе с «Правилами медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений») : постановление Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А. С. Дежнев

Защита имущественных интересов потерпевшего при прекращении уголовного преследования

К одному из важных направлений деятельности следователя, дознавателя при производстве по уголовным делам можно отнести сферу защиты имущественных интересов потерпевшего. Данное обстоятельство обусловлено требованиями, вытекающими из положений ст. 52

Конституции РФ, которые предусматривают обязанность государства обеспечивать потерпевшим не только доступ к правосудию, но и компенсацию причиненного ущерба. Эффективная работа указанных должностных лиц в этом направлении оказывает благоприятное влияние не только на социальную оценку правоохранительной системы, но и способствует восстановлению нормального оборота имущества. Такого рода вопросы проявляются в разных аспектах уголовного судопроизводства. К одному из них можно отнести особенности прекращения уголовного преследования, предусмотренные ст. 28² УПК РФ. Их реализация может создать препятствия реализации имущественных интересов потерпевшего.

Проблема состоит в том, что при прекращении уголовного преследования на основании ст. 28² УПК РФ вопросы, связанные с возмещением вреда, причиненного противоправными действиями лиц, освобождаемых от уголовной ответственности и наказания, разрешаются в порядке гражданского судопроизводства по ч. 4 ст. 213 УПК РФ. Данная норма в содержании УПК РФ появилась относительно недавно [1]. С одной стороны, желание законодателя передать многочисленные споры имущественного характера в сферу гражданского судопроизводства оправданно. Отчасти это связано с необходимостью разгрузить органы предварительного расследования от исследования обстоятельств, выходящих за рамки уголовно-процессуальных отношений. С другой, возмещение вреда, причиненного потерпевшему в связи с совершением преступления, в рамках иной правовой процедуры не всегда может быть обеспечено.

В УПК РФ отсутствует механизм передачи материалов уголовного дела в гражданский процесс при прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Законодатель говорит лишь о том, что при принятии соответствующего решения потерпевшему, гражданскому истцу разъясняется право предъявить гражданский иск в порядке гражданского судопроизводства (ч. 4 ст. 213 УПК РФ). При таком ограниченном нормативном регулировании защита имущественных интересов указанных участников уголовного процесса существенно усложняется. Они уже не могут рассчитывать на помощь следователя, дознавателя в собирании необходимого объема доказательств, подтверждающих наличие имущественного вреда. Кроме того, окончание производства по делу автоматически влечет необходимость освобождения имущества обвиняемого, подозреваемого от ареста. Данное обстоятельство может привести к утере имущественного обеспечения гражданского иска, существовавшего

в рамках уголовного дела. Далеко не всегда оно может быть восстановлено в рамках гражданского судопроизводства.

В сложившейся ситуации подозреваемый, обвиняемый при заключении контракта о прохождении военной службы в условиях, предусмотренных ст. 28² УПК РФ, фактически получают потенциальную возможность освобождения как от уголовной, так и имущественной ответственности за совершенное преступление. К тому же предусмотренные ст. 28² УПК РФ законодательные установления не учитывают мнение потерпевшего, гражданского истца на прекращение уголовного преследования. Достаточно лишь получения согласия руководителя следственного органа или прокурора, в зависимости от формы предварительного расследования.

Помимо сказанного, нельзя исключать и того, что разрешение имущественных споров в гражданском процессе неизбежно будет сталкиваться с необходимостью изучения обстоятельств преступного события, его влияния на характер и размер имущественных претензий потерпевшего, гражданского истца. Между тем согласно ч. 4 ст. 61 ГПК РФ правила преюдиции связываются лишь с судебными решениями по уголовному делу. Собранные следователем, дознавателем доказательства неизбежно будут требовать дополнительной проверки в рамках гражданского судопроизводства.

На этом настраивает и судебная практика. В одном из своих постановлений Конституционный Суд РФ обратил внимание на то, что согласно ч. 1 ст. 67 и ч. 1 ст. 71 ГПК РФ данные предварительного расследования должны быть приняты судом в качестве письменных доказательств. Они, наряду с другими имеющимися в деле доказательствами, оцениваются судом по своему внутреннему убеждению, основанному на их всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании [2].

Перечисленные обстоятельства приводят к выводу о существовании законодательной неопределенности в части защиты имущественных интересов потерпевшего, гражданского истца при прекращении уголовного преследования по основаниям, предусмотренным ст. 28² УПК РФ. Требуется разработки механизм не только передачи материалов уголовного дела в гражданский процесс, но и определения их правового значения, легитимности принимаемых ранее решений и полученных на их основе сведений. Помимо этого обоснована необходимость создания межотраслевой процедуры обеспечения имущественных интересов потерпевшего, гражданского истца при прекращении уголовного дела или преследования для последующего разрешения правового спора в гражданском про-

цессе. Она позволит минимизировать материальные потери указанных участников уголовного процесса в контексте реализации конституционного права на компенсацию причиненного ущерба.

Список источников

1. *О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ* : федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Ю. Глазкова и В. Н. Степанова* : постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2017 г. № 4-П // Рос. газета. 2017. 13 марта.

В. В. Кальницкий

Принуждение после истечения срока давности нуждается во взвешенной регламентации

Если иметь в виду, что производство по уголовному делу после истечения срока давности регламентируется совместными взаимодополняющимися подходами Конституционного Суда РФ и законодателя, то полный запрет на избрание после истечения срока давности меры пресечения (ч. 3 ст. 97 УПК РФ) можно рассматривать как эксцесс законодателя. В столь категоричной форме высокий Суд не высказывался. Получилось радикально, эффективно, однако, осмелимся сказать, не жизненно и вряд ли безупречно с позиций основных положений УПК РФ.

Действительно, в законе появилась новая реальность в виде, как склонны называть, особенного предварительного расследования, которое не может привести к наступлению уголовной ответственности. На специфику расследования после истечения срока давности сначала обратил внимание Конституционный Суд РФ [1]. Он признал, что расследование в условиях, когда преследуемое лицо не дает согласия на прекращение уголовного дела по данному основанию, не может продолжаться неопределенно долго, и ограничил его двенадцатью месяцами. Кроме того, согласно выработанной позиции, по завершении этого временно-го периода уголовное дело либо направляется в суд либо прекращается по нереабилитирующему основанию безотносительно позиции обвиняемого с предоставлением лицу возможности оспорить решение в суде

в порядке ст. 125¹ УПК РФ. Законодатель позволил себе существенную корректировку данной позиции, в частности дифференцировал время расследования за пределами срока давности в зависимости от категории преступления, установил, что уголовное дело, не направленное в суд, во всех случаях подлежит прекращению по реабилитирующему основанию (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ), а также инициативно закрепил интересующее нас положение о невозможности, по общему правилу, избрания меры пресечения.

Особенный характер досудебного производства за пределами срока давности еще предстоит детально исследовать, с обозначением его цели, специфики статуса участвующих лиц, порядка исчисления установленного срока расследования, пределов применяемого принуждения и других нюансов. Для такого расследования надлежит сформулировать эксклюзивный баланс публичного и частного интереса. Налицо существенные расхождения в этом вопросе позиций Конституционного Суда РФ и законодателя. На самом деле: прекращать не направленное в суд производство по п. 3 ч. 1 ст. 24 или п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ — принципиальное различие. В первом случае преобладает публичный подход, во втором — публичное начало минимально. Норма, запрещающая избрание меры пресечения, очевидно, находится в русле формально-либерального взгляда на производство, не учитывающего интерес стороны обвинения и установления истины по делу в целом. Запрет на применение меры пресечения породил неофициально высказываемую позицию, согласно которой защите следует заявить об отказе от прекращения уголовного дела, по возможности затянуть расследование, в том числе уклонением от явки, и получить желаемое постановление о прекращении уголовного преследования в связи с непричастностью к преступлению.

Запрет на избрание меры пресечения в ходе расследования за пределами сроков давности предопределен простой логикой: мера пресечения не может быть строже грозящего наказания, и если наказание стремится к нулю, то нет и меры пресечения. На протяжении многих лет в литературе ведется дискуссия о природе принудительного потенциала, сосредоточенного в мерах принуждения. Это — авансированное проявление уголовной ответственности или сугубо процессуальное воздействие, имеющее автономные от ответственности истоки [2]. В рамках тезисов нет возможности детально проанализировать изложенные подходы, но, представляется, полный запрет на избрание мер пресечения после истечения срока давности не является единственно возможным вариантом регламентации отношений. Абсолютный отказ от контроля за поведе-

нием обвиняемого не учитывает ситуации, связанные с его уклонением от сотрудничества и прямым противодействием расследованию.

Расследование после истечения сроков давности, несмотря на специфику, направлено на достижение назначения уголовного судопроизводства в целом. Пусть и несовершеннообразом (имеется в виду отсутствие прямого указания на обеспечение интересов государства и общества в преодолении преступности), но в назначении провозглашены как защита интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Государство и общество, потерпевшие, а в некоторых случаях и преследуемые лица заинтересованы в том, чтобы по результатам расследования за пределами сроков давности обстоятельства содеянного были установлены в соответствии с реальностью. Нормативно установленной цели исключить реабилитирующее основание завершения производства (несмотря на возможную ведомственную заинтересованность в этом) у государства нет, то есть добавочное расследование должно вестись объективно. Безвольное ожидание истечения установленного срока расследования для формального прекращения уголовного дела в связи с непричастностью преследуемого лица к преступлению не соответствует принципу публичности. Установление истины важно, например, для гражданского судопроизводства, в котором постановление о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности, содержащее описание содеянного, рассматривается в качестве вновь открывшегося обстоятельства [3]. В случае передачи уголовного дела в суд в судебном заседании также должны быть установлены подлинные обстоятельства преступления, без чего невозможно вынесение обвинительного приговора с освобождением от наказания. Из этого вытекает, что государство не может быть безучастно к возможному ненадлежащему поведению преследуемого лица. Считаем, что если установление истины не обеспечено гарантиями, объем и содержание которых соответствует особенностям ведущегося производства, тогда не требуется дополнительное время для расследования, и логично прекратить уголовное дело в момент истечения срока давности.

Оценивая новеллу, запрещающую применение мер пресечения по истечении срока давности, обратим внимание на обстоятельства, по нашему мнению, свидетельствующие о том, что законодатель поверхностно коснулся вопроса о принудительном потенциале «добавочного» расследования. Во-первых, не можем согласиться с необходимостью оговорки, что данное общее правило не применяется, если лицо

подозревается или обвиняется в совершении преступления, наказуемого смертной казнью или пожизненным лишением свободы. Согласно ч. 4 ст. 78 УК РФ вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, наказуемое смертной казнью или пожизненным лишением свободы, решается судом. Это означает, что для следователя истечение пятнадцати лет с момента совершения такого преступления не является юридическим фактом, обязывающим объявить преследуемому лицу об истечении срока давности его преследования и испрашивать согласие на прекращение уголовного преследования. Это просто истечение пятнадцати календарных лет, и не более того. Известно, что в досудебном производстве невозможна ситуация, когда расследование переходит из обычного режима в добавочный, где введено ограничение на применение мер пресечения. Во-вторых, непродуктивно выглядит ч. 3 ст. 91 УПК РФ, устанавливающая запрет на применение задержания после истечения срока давности, также за исключением случаев, если лицо подозревается или обвиняется в совершении преступления, наказуемого смертной казнью или пожизненным лишением свободы. Задержание в порядке ст. 91 УПК РФ представляет собой меру принуждения в виде краткосрочного внесудебного ареста, обеспечивающую судебную процедуру рассмотрения ходатайства о заключении под стражу. Поскольку содержание под стражей невозможно, то естественным образом без какого-то дополнительного указания в законе исключается также и задержание. Кроме того, беспредметна оговорка о неприменимости задержания к особо тяжким преступлениям. В-третьих, комплексный подход требует определиться со спецификой использования других мер процессуального принуждения. В частности, предметом внимания Конституционного Суда РФ стал вопрос о конституционности норм, допускающих применение за пределами срока давности обязательства о явке [4].

Обнародованное истолкование ситуации оставляет простор для суждений. Разъяснено, что указанная мера принуждения применяется в отношении перечисленных в законе лиц «лишь при необходимости, притом что такие лица сами принимают на себя соответствующие обязательства». Одновременно сказано, что «лицу разъясняются последствия нарушения обязательства». Применительно к подозреваемому и обвиняемому к таким последствиям в литературе относят в том числе применение меры пресечения, причем более строгой, чем подписка о невыезде [5, с. 139–144]. В условиях, когда избрание меры пресечения исключено, правоприменитель задастся справедливым вопросом о том, как ему обеспечить установление обстоятельств содеянного при явном противодей-

ствии этому (приводом, наложением денежного взыскания). Эти меры принуждения не рассчитаны на длительное гарантирование надлежащего поведения, к тому же вопрос об их применимости в добавочном расследовании также остается открытым. Нет однозначных рекомендаций по применению или недопустимости этого относительно наложения ареста на имущество и временного отстранения от должности.

Сбрасывание со счетов поиска истинных обстоятельств совершенного преступления ставит под сомнение принудительный потенциал следственных действий. Вызывают вопросы основания, на которых государство производит изъятие предметов и документов, ограничивает чьи-то конституционные права, привлекает лиц к свидетельствованию под угрозой наступления ответственности, применяет уголовно-процессуальное принуждение к широкому кругу участников процесса. Невозможность осуждения и наказания лица перечеркивает все традиционные типичные отношения участников предварительного расследования, его общие условия и частные положения. На наш взгляд, недопустимо перестроить один фрагмент добавочного расследования (имеем в виду институт мер пресечения), не скорректировав производство в целом, не рассмотрев его системно.

Возможные подходы к решению проблемы: смягчить ограничение на применение меры пресечения, запретив только заключение под стражу и домашний арест. Общий подход желательно подчинить правилу: нельзя, но при таких-то условиях можно. Законодателю надлежит оптимизировать статус лиц, в отношении которых срок давности уголовного преследования истек, дополнив его обязанностями не препятствовать расследованию, несоблюдение которых выступает условием применения принуждения. Либо, обратившись к позиции Конституционного Суда РФ, предусмотреть, что уклонение лица от расследования влечет прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию с предоставлением возможности обжалования в суд в порядке ст. 125¹ УПК РФ. Аргументы не соответствуют принципу правовой определенности, чреваты злоупотреблениями. На протяжении последних лет мы выстраиваем уголовно-процессуальное регулирование исходя из презумпции недобросовестности представителей правоохранительных органов, да и государства в целом. Это порочный подход, от которого настало время избавляться. Расследование за пределами срока давности привлечения к уголовной ответственности должно привести к установлению реальности и завершиться тем решением, которое соответствует собранным доказательствам.

Удивляет, с какой легкостью преодолеваем позиции Конституционного Суда РФ, не беря на себя труд задуматься о предпосылках их формирования. На наш взгляд, мудрость правовой позиции как раз в том, что установлен баланс публичных и частных интересов. Сама возможность завершения добавочного расследования императивным прекращением по нереабилитирующему основанию выступает хорошим стимулом для обвиняемого к сотрудничеству, гармонизации отношений с властными участниками процесса, поиску истины, при сохраняющейся возможности обратиться за окончательным решением в суд.

Список источников

1. *По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова* : постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2022 г. № 33-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Муравьев К. В.* Меры процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография. Омск, 2017.

3. *По делу о проверке конституционности статьи 390¹⁴ и части третьей статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. В. Вишнякова, Н. М. Волокитиной, М. З. Каримова и Н. Н. Наливайко* : постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2025 г. № 1-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Савиной О. В. на нарушение ее конституционных прав пунктом «а» части первой статьи 78, статьей 86 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью второй статьи 112 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* : определение Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2024 г. № 3545-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. *Булатов Б. Б.* Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.

Р. В. Костенко

Синтетические доказательственные данные в уголовном процессе: постановка проблемы их появления и дуализма использования

Стремительный технологический прогресс в области искусственного интеллекта (далее — ИИ), в частности развитие генеративных моделей, создает новую реальность для уголовно-процессуального доказывания. Появление синтетических данных — материалов, созданных или модифицированных с использованием алгоритмов ИИ, ставит перед правовой наукой и практикой ряд фундаментальных вызовов. Традиционная парадигма доказательственного права исходит из презумпции, что уголовно-процессуальные доказательства представляют собой отражение реальных событий и явлений, связанных с совершенным преступлением. Однако синтетические материалы нарушают эту презумпцию, создавая новую категорию информации, которая может как искажать действительность, так и помогать в ее понимании и реконструкции. С одной стороны, технологии генеративного ИИ предоставляют беспрецедентные возможности для создания убедительных фальсификаций — так называемых *deepfakes* (подделок) [1]. Такие материалы способны имитировать голос, лицо и движения реальных людей, создавать явления материального и виртуального мира с высокой степенью реалистичности. С другой стороны, те же технологии открывают перспективы для усовершенствования процесса доказывания путем создания наглядных реконструкций, визуализаций и моделей, позволяющих более полно и точно представить события преступления на основе имеющихся доказательственных сведений. Этот дуализм предопределяет необходимость переосмысления базовых подходов к уголовно-процессуальным доказательствам и уголовно-процессуальному доказыванию.

На наш взгляд, синтетические доказательственные данные как феномен современного уголовного судопроизводства представляют собой особую категорию информации, требующую серьезного доктринального осмысления. В рамках настоящего исследования под синтетическими доказательственными данными предлагаем понимать материалы, созданные или существенно модифицированные посредством алгоритмов ИИ, которые могут быть использованы в качестве сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также иных обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела.

Ключевым отличием синтетических доказательственных данных от традиционных уголовно-процессуальных доказательств выступает их генезис: если традиционные доказательства возникают как прямой результат или отражение реального события преступления, то синтетические данные создаются искусственно, в результате алгоритмической обработки исходной информации. В этой связи принципиально важно провести дифференциацию синтетических доказательственных данных, исходя из целей их создания и характера воздействия на уголовно-процессуальное доказывание.

1. «Деструктивные» синтетические данные — искусственно созданные материалы, направленные на искажение фактических обстоятельств уголовного дела, создание ложного впечатления о событиях, действиях лиц или существовании доказательств, которых в действительности не было. К данной категории относятся различные варианты *deepfake*-технологий, включая подделку аудио- и видеозаписей, создание не существовавших документов, модификацию цифровых следов, и т. д. Негативный аспект (потенциал) использования синтетических доказательственных данных связан прежде всего с развитием технологий *deepfake*, позволяющих создавать высокореалистичные подделки аудио- и видеоматериалов. Современные алгоритмы ИИ обладают потенциалом для генерации аудиовизуальных материалов, атрибутирующих субъекты действия или вербальные акты, не имевшие места в объективной реальности, причем перцептивные характеристики таких записей достигают степени аутентичности, не позволяющей дифференцировать их от подлинных даже при экспертном анализе. В контексте уголовного судопроизводства эти технологии создают беспрецедентные возможности для фальсификации доказательств. Так, потенциально возможно создание видеозаписи, на которой подозреваемый якобы признается в совершении преступления, или аудиозаписи разговора, содержащего инкриминирующую информацию. Подобные материалы могут оказать значительное психологическое воздействие на участников уголовного судопроизводства, даже если впоследствии будет установлена их «фиктивная» природа. При этом особую опасность представляет технологическая доступность инструментов для создания *deepfake*-материалов. Если ранее качественная подделка видеозаписи требовала значительных ресурсов и специальных навыков, то современные нейросетевые алгоритмы позволяют относительно быстро создавать убедительные фальсификации при минимальных исходных данных (например, несколько фотографий человека и образец его голоса). При этом технологии вы-

явления деструктивных синтетических материалов развиваются медленнее, чем технологии их создания. Это создает асимметрию, когда производство подделки требует меньших ресурсов, чем ее разоблачение. В результате возникает риск как ложного формулирования обвинения на основе сфабрикованных доказательств, так и подрыва доверия к подлинным доказательствам под предлогом их возможной синтетической природы.

2. «Конструктивные» синтетические данные — материалы, созданные с помощью ИИ на основе достоверных исходных доказательств в целях их визуализации, реконструкции или более наглядного представления. Такие данные не противоречат имеющимся доказательствам, а служат средством их более полного исследования и демонстрации. К этой категории можно отнести, например, виртуальные реконструкции места происшествия, компьютерное моделирование механизма причинения повреждений, восстановление частично утраченных вещественных доказательств и других данных.

В противовес рискам, связанным с деструктивным применением технологий ИИ, следует отметить значительный позитивный потенциал конструктивных синтетических материалов в уголовном судопроизводстве. Данные технологии способны существенно повысить эффективность уголовно-процессуального доказывания и наглядность представления доказательственной информации при условии их надлежащего (законного) применения [2]. Прежде всего, алгоритмы ИИ позволяют создавать детализированные виртуальные реконструкции места происшествия на основе фактических данных. В отличие от традиционных способов реконструкции (схем, макетов), такие модели обеспечивают высокую степень точности, возможность интерактивного взаимодействия и исследования различных гипотез в контролируемых условиях. Такие реконструкции могут учитывать физические законы, баллистические расчеты, биомеханические параметры и другие научно обоснованные факторы, что повышает их объективность.

Существенной ценностью для уголовно-процессуального доказывания обладает способность генеративных алгоритмов к восстановлению частично утраченных данных. Например, при работе с поврежденными видеозаписями, размытыми изображениями или фрагментированными документами ИИ может реконструировать недостающие элементы на основе имеющейся информации и статистических закономерностей. При этом важно подчеркнуть, что такая реконструкция не является произвольной фабрикацией, а представляет собой научно обоснованную аппроксимацию, основанную на вероятностных моделях.

Перспективным направлением выступает использование синтетических данных для визуализации сложных причинно-следственных связей. Алгоритмы моделирования позволяют наглядно продемонстрировать, например, механизм причинения повреждений, траекторию движения транспортных средств, распространение пожара и другие динамические процессы, имеющие значение для уголовного дела. Это особенно ценно при рассмотрении сложных технических, медицинских или естественно-научных аспектов уголовно-процессуального доказывания.

Генеративные технологии ИИ могут применяться для создания демонстрационных материалов на основе показаний свидетелей, потерпевших или обвиняемых. Визуализация вербального описания повышает полноту восприятия информации и позволяет выявить возможные несоответствия или неточности в показаниях.

Представленная дихотомия синтетических доказательственных данных имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку определяет принципиально различные подходы к правовой оценке и их возможной регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве.

Нормативная архитектура действующего УПК РФ характеризуется отсутствием специализированного регулирования правового статуса синтетических доказательственных данных, что создает существенный нормативный вакуум в условиях экспоненциального развития генеративных технологий. Более того, уголовно-процессуальное законодательство России характеризуется существенным пробелом в регулировании даже базовых аспектов работы с цифровыми сведениями в целом. В статье 164¹ УПК РФ регламентируются лишь отдельные аспекты изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации, не затрагивая фундаментальных вопросов достоверности и допустимости цифровых данных, в том числе созданных с применением ИИ. При этом ст. 74 УПК РФ, определяющая понятие и разновидности доказательств, не предусматривает отдельной категории для материалов, созданных с использованием ИИ. В существующей системе видов доказательств синтетические материалы могут быть формально отнесены к вещественным доказательствам (п. 4 ч. 2 ст. 74 УПК РФ) или иным документам (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), однако это не отражает их специфической природы и связанных с ней особых требований.

Отдельной проблемой является недостаточная техническая компетентность участников уголовного судопроизводства в вопросах, связанных с ИИ-технологиями. Профессиональные участники (следователи, прокуроры, судьи, адвокаты) зачастую не обладают необходимыми зна-

ниями для критической оценки синтетических материалов, что повышает вероятность как необоснованного доверия к фальсификациям, так и скептического отношения к легитимным реконструкциям.

Компаративный анализ зарубежных уголовно-процессуальных юрисдикций свидетельствует о формативной стадии правового регулирования синтетических доказательственных материалов, при этом наблюдается дифференциация регуляторных подходов в различных правовых системах, обусловленная как особенностями правовых традиций, так и вариативностью технологической готовности на практике.

Так, в США судебная система рассматривает возможность введения специальных стандартов надежности для доказательственных сведений, созданных с использованием ИИ [3], аналогичных критериям допустимости экспертных заключений (на примере *стандарта Дауберта*) [4, с. 115–148].

В Китае [5] в настоящее время действует требование обязательной маркировки синтетического контента, что облегчает его идентификацию в уголовно-процессуальном контексте [6].

Европейский союз в рамках Регламента об ИИ (AI Act) [7] разработал правила для систем, способных генерировать синтетический контент, включая требования по их прозрачности и отслеживаемости в уголовном судопроизводстве [8, с. 87–113].

Таким образом, появление и дуализм использования синтетических доказательственных данных представляют собой серьезные вызовы для уголовного судопроизводства. Решение этих проблем потребует комплексного подхода, включающего как разработку фундаментальной доктринальной платформы, так и совершенствование уголовно-процессуального законодательства, способного адаптироваться к меняющимся технологическим реалиям без ущерба для концептуальных ценностей правосудия.

Список источников

1. Судебные дипфейки: как подделки проникают в сферу права // Юридический портал Сфера. URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/sudebnye-dipfeiki-kak-poddelki-pronikayut-v-sferu-prava> (дата обращения: 16.06.2025).
2. *Предугадать* поведение маньяка и вычислить дипфейк: как ИИ меняет работу следователей // Право.ру. URL: <https://pravo.ru/story/254219/>.
3. *US judicial panel advances proposal to regulate AI-generated evidence* // Reuters. May 2, 2025. URL: <https://www.reuters.com/legal/government/us-judicial-panel-advances-proposal-regulate-ai-generated-evidence-2025-05-02/> (дата обращения: 16.06.2025).

4. McClure D. AI-Generated Evidence and the Daubert Standard: Challenges and Solutions for Modern Courts // Stanford Law & Technology Review. 2024. Vol. 27.
5. Provisions on the Management of Deep Synthesis Internet Information Services // Cyberspace Administration of China, December. 2022. URL: http://www.cac.gov.cn/2022-12/11/c_1673197032687277.html. (дата обращения: 16.06.2025).
6. Lutkevich B., Tucci L. China regulates deepfakes, synthetic media // TechTarget, January 2023. URL: <https://www.techtarget.com/searchenterpriseai/news/252528786/China-regulates-deepfakes-synthetic-media> (дата обращения: 16.06.2025)
7. Regulation of the European Parliament and of the Council on laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // European Parliament, 2024. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0126_EN.html. (дата обращения: 16.06.2025).
8. Hildebrandt M., Timan T. EU AI Act and Its Implications for Digital Evidence in Criminal Proceedings // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice, 2024. Vol. 32(2).

В. С. Латыпов

Размышления о влиянии технологий искусственного интеллекта на уголовно-процессуальный институт ходатайств и жалоб

Последние десятилетия ознаменованы широкой цифровизацией сфер государственной деятельности и социальной коммуникации, что естественным образом повлияло на правовую систему и, в частности, на уголовное судопроизводство. Особое место в этой трансформации занимает внедрение технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ), получивших быстрое распространение в области процессуальных обращений. Проведенное исследование посвящено анализу сущности этих изменений и оценке их последствий для института ходатайств и жалоб в контексте уголовного процесса России.

Государством предприняты попытки создания нормативной правовой основы для обеспечения поэтапного комплексного перехода к цифровому государственному управлению. К числу стратегических источников следует отнести следующие: «Стратегия научно-технического развития Российской Федерации», утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 [1], «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», утвержденная

Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 [2]. Как следствие, повсеместной цифровизации общества, цифровые доказательства все чаще становятся ключевым элементом доказательственной базы в уголовных делах.

В последние годы в России реализуется программа развития электронного правосудия, предусматривающая возможность подачи документов через специализированные порталы (госуслуги, порталы судов). ИИ участвует в обработке и подтверждении документов, ускоряя их постановку в очередь и обеспечивая автоматическую рассылку уведомлений сторонам процесса.

Кроме того, ИИ позволяет повысить качество и скорость разрешения многочисленных процессуальных обращений от участников уголовного судопроизводства, применяемых по стандартным шаблонам, что особенно актуально при рассмотрении дел с большим числом участников или в судах субъектов с высокой загруженностью.

Отметим, что еще в феврале 2024 г. Президент Российской Федерации оценил успешность внедрение цифровых технологий в российское правосудие, отметив поступление 9 млн электронных документов в суды [3].

В свою очередь Верховный Суд Российской Федерации в июле 2024 г. анонсировал применение технологий ИИ при назначении обвиняемым наказания, акцентируя внимание на возможность снижения количественного показателя допускаемых судебных ошибок [4].

В настоящее время растет количество исследований различного уровня, посвященных цифровизации уголовного судопроизводства, анализу применения ИИ в уголовном процессе, выявлению возможных проблем и поиску путей их решения [5–11].

Вместе с тем полагаем, что особого внимания требует вопрос о процессуальном равенстве сторон, поскольку применение сложных ИИ-платформ может стать недоступным для малообеспеченных участников или лиц из регионов России, где не обеспечен достаточный уровень цифровизации и интернет-доступа. Это подчеркивается в аналитике Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека [12].

В связи с этим возникает задача формирования правовых механизмов и государственных программ, обеспечивающих доступ к технологиям ИИ и стандартным цифровым сервисам, в том числе на этапе подготовки ходатайств и жалоб.

Вместе с тем широкое внедрение технологий ИИ в подготовку процессуальных документов актуализирует несколько серьезных рисков.

1. Передача информации сторонним разработчикам или облачным сервисам может нарушить положения Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» и правила адвокатской тайны (ст. 8 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

2. Недостаточная верификация механизмов искусственного интеллекта и полное отсутствие юридической ответственности разработчиков программ, что, как следствие, может привести к угрозе несоответствия процессуальных документов действующему уголовно-процессуальному законодательству.

3. Особую опасность, на наш взгляд, представляет использование технологий ИИ при составлении ходатайств и жалоб с целью затянуть процесс расследования. В соответствии с действующим УПК РФ заинтересованные лица не ограничены в ни в сроках, ни в количестве заявлений, жалоб и ходатайств, которые в обязательном порядке должны быть рассмотрены и разрешены должностными лицами. На основе проведенного анализа процессуального документа или группы документов технологии ИИ позволяют сгенерировать любое мотивированное процессуальное обращение (жалобу или ходатайство) с необходимым количеством пунктов, подлежащих исполнению со ссылками на нормы закона в считанные секунды.

Эти риски требуют разработки стандартов сертификации программных продуктов и четкого правового регулирования оборота и хранения данных, а также внедрения технологий ИИ для подготовки мотивированных ответов сотрудниками правоохранительных органов на заявленные обращения.

Учитывая стремительное развитие искусственного интеллекта и его интеграцию в уголовный процесс, необходимо последовательно совершенствовать законодательство и судебную практику с акцентом на обеспечение баланса между технологической эффективностью и фундаментальными принципами уголовного процесса.

Предлагаются конкретные направления модернизации.

1. Законодатель должен установить критерии допуска и эксплуатации программного обеспечения, используемого для составления и подачи ходатайств и жалоб. Стандартизация позволит обеспечить юридическую значимость документов, минимизировать технические и смысловые ошибки, а также позволит суду доверять структуре и содержанию обращений, подготовленных с помощью ИИ [13].

2. Государство должно создать единую цифровую платформу или сервисы, интегрированные с Единым порталом государственных и му-

ниципальных услуг, через которые лица смогут формировать и направлять ходатайства и жалобы, используя сертифицированные алгоритмы ИИ под контролем человека в соответствии со ст. 5 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [14].

3. В соответствии со ст. ст. 6, 7, 123 УПК РФ о равенстве участников уголовного процесса и доступе к правосудию целесообразно в уголовно-процессуальном законодательстве нормативно закрепить бесплатный доступ к технологиям ИИ, в том числе при подготовке ходатайств и жалоб для социально незащищенных слоев населения, лиц с ограниченными возможностями здоровья и регионов с недостаточно развитой цифровой инфраструктурой. Полагаем, это позволит выйти на новый уровень обеспечения права на защиту и доступа к правосудию данной категории лиц.

4. Вместе с тем следует ввести нормы, прямо предусматривающие ответственность операторов ИИ за конфиденциальность, целостность и безопасное хранение информации. Возможна интеграция специальных защитных модулей, реализующих принципы «privacy by design» — механизмов защиты данных на этапе проектирования и разработки информационных систем.

5. При этом важно отметить, что ИИ должен рассматриваться исключительно как вспомогательный инструмент, оказывающий содействие сторонам и суду. Итоговое процессуальное решение по факту и обоснованию доводов ходатайства или жалобы должно оставаться в ведении должностных лиц, а не алгоритма.

Анализ современного этапа развития уголовного процессуального права показывает, что ИИ становится важным инструментом повышения эффективности института ходатайств и жалоб. Его применение позволяет автоматизировать работу, повысить качество процессуальных документов и расширить доступ к правосудию для различных категорий граждан.

Внедрение ИИ в сферу подготовки и рассмотрения ходатайств и жалоб должно оставаться под контролем человека с учетом интересов сторон и неотъемлемых прав участников. Новый этап цифровизации позволит значительно повысить качество и скорость уголовного судопроизводства, при условии строгого соблюдения правовых гарантий и человеческого контроля над функционированием технологий искусственного интеллекта.

Список источников

1. *Стратегия* научно-технического развития Российской Федерации : указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы* : указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Путин назвал успешным внедрение цифровых технологий в российское правосудие*. URL: <https://lenta.ru/news/2024/02/06/putinnninf/> (дата обращения: 23.05.2025).

4. *ИИ может помочь снизить число ошибок при назначении наказания: Верховный Суд Российской Федерации*. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/33763/ (дата обращения: 23.05.2025).

5. *Гладышева О. В., Семенцов В. А., Лошкобанова Я. В.* Искусственный интеллект и цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве // *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024. № 1.

6. *Бахин С. А.* Цифровые доказательства: правовая природа, особенности обращения, процессуальные гарантии // *Российский судья*. 2023. № 6.

7. *Гаврилов Б. Я.* Проблемы использования цифровых следов в доказывании по уголовным делам // *Право и цифровизация*. 2024. Т. 2, № 1.

8. *Зув С. В., Зазулин А. И.* Цифровой УПК: новая концепция развития права // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2024. № 1(40).

9. *Колганов И. В.* Цифровизация уголовного процесса: проблемы законодательного регулирования // *Закон и право*. 2023. № 11.

10. *Чурикова А. Ю.* Искусственный интеллект в уголовном процессе: возможные риски использования // *Информационное право*. 2023. № 4(78).

11. *Латыпов В. С., Гуськова А. Б.* Примириение сторон в уголовном судопроизводстве с применением технологий искусственного интеллекта // *Закон и право*. 2024. № 2.

12. *Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации в 2023 г.* URL: <https://report2023.oprf.ru/> (дата обращения: 23.05.2025).

13. *О техническом регулировании* : федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // *Собрание законодательства РФ*. 2002. № 52 (ч. 1), ст. 5140.

14. *Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации* : федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

Актуализация некоторых направлений уголовного судопроизводства Республики Таджикистан

Актуализация некоторых авторских суждений, вынесенных в заглавие настоящей статьи, относительно современного состояния уголовного судопроизводства Республики Таджикистан, были проработаны в контексте подготовки и защиты диссертационного исследования [1]. Следует отметить, что в течение последних трех лет значительно были усовершенствованы основы уголовно-процессуальной политики государства, но наши предложения, несмотря на ряд заметных достижений, все еще нуждаются в тщательном переосмыслении. Мы не утверждаем об их истинности, но, как нам представляется, современное состояние и примерные перспективы уголовно-процессуальной реальности свидетельствуют о подготовке к планируемой коренной реформе основ уголовной политики нашего государства.

Вместе с тем для вышеуказанных наших позиций существует ряд обоснований, которые диктуют актуальность и своевременность разработки соответствующих мер по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства. Постараемся их подробнее изложить.

1. В связи с разработкой и принятием проектов Уголовного кодекса Республики Таджикистан и Кодекса исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан с учетом внедряемых новых институтов (новые виды наказаний, пробация, досудебное соглашение о сотрудничестве и др.) из-за длительного переноса дат по их принятию также влияет на внесение целого пакета изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РТ. Также прогнозируется принятие всех трех кодексов в новой редакции или совсем новых отраслевых кодексов.

2. Стабильный рост количества регистрируемых преступлений. Независимо от создания соответствующих условий для общества совершение преступлений остается одной из самых актуальных проблем для судебных и правоохранительных органов. Официально высшим руководством страны было подчеркнуто, что за последнее десятилетие преступность в Таджикистане выросла в два раза, а в Государственной программе противодействия преступности на 2021–2030 гг. уровень преступности за последние пять лет в целом оценивается положительно, но также утверждается существование темпа прироста преступности в целом по республике и по отдельно взятым преступлениям (пп. 8, 12) [2].

Данные по росту и снижению зарегистрированной преступности в Таджикистане во многом также свидетельствуют о дисбалансе уго-

ловной статистики и учетно-регистрационной дисциплины. Это направление также нуждается в системной модернизации порядка сбора и агрегации данных о преступлениях органами внутренних дел с учетом современных тенденций их совершения.

3. Всевозможный охват трансформации общественных отношений в цифровых платформах, от которого также не свободна уголовно-процессуальная среда. Цифровизация, как современный тренд, также затрагивает ряд направлений уголовно-процессуального законодательства, к которым можем отнести дистанционный допрос только потерпевшего и свидетеля, а также признание в качестве источника доказательств скрытых записей; прослушанных и зафиксированных телефонных разговоров; электронных, видео- и аудиозаписей наблюдения. В этом контексте также заметным достижением системы МВД Республики Таджикистан является проект «Электронная книга учета преступлений», который поэтапно внедряется в территориальные органы внутренних дел в областях и городах республики.

4. В последние несколько лет высшим руководством страны уголовно-процессуальная деятельность отечественных судебных и правоохранительных органов остро критикуется в последнее время [3–7], в основном из-за жалоб граждан, а также в результате проводимых мониторингов со стороны как государственных, так и негосударственных организаций и структур [8, с. 228–316; 9; 10].

В рамках вышеприведенных встреч руководством страны даются конкретные поручения, указывается на ряд направлений, которые нуждаются в системном обновлении. Особое место в ряде выступлений уделяется подготовке, переподготовке и повышению квалификации молодых кадров, а также ведущих специалистов-профессионалов, которые имеют возможность и обязаны в настоящее время подготавливать высококвалифицированные кадры для нужд судебных и правоохранительных органов республики.

В рамках проведенного нами диссертационного исследования, помимо теоретических обоснований, также были разработаны научно-практические рекомендации, которые нацелены на исправление системных недостатков функционирования уголовного судопроизводства Республики Таджикистан.

1. Обсуждение и принятие разработанных авторских проектов законодательных актов, к которым относятся законопроект «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан»; проект Закона Республики Таджикистан «О внесении дополнений в Закон Республики Таджикистан „Об оперативно-

розыскной деятельности“»; проект Закона Республики Таджикистан «О внесении изменений в Закон Республики Таджикистан „О милиции“»; проект Закона Республики Таджикистан «О внесении изменений в Закон Республики Таджикистан „Об адвокатуре и адвокатской деятельности“»; проект постановления Правительства Республики Таджикистан «О Стратегии реформирования деятельности органов расследования Республики Таджикистан на период до 2030 года» и проект Указа Президента Республики Таджикистан «О Концепции совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан до 2030 года».

2. Организация и проведение комплексной научно-практической экспертизы Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан на предмет выявления рассогласованности терминологии на таджикском и русском языках.

3. Обобщение судебной практики в контексте разработки и опубликования актуальных постановлений Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан, связанных с уголовно-процессуальной деятельностью судебных и правоохранительных органов республики.

4. Систематизация и унификация всех статистических данных о совершенных правонарушениях на территории Республики Таджикистан с указанием точных показателей в дезагрегированном варианте с последующим возможным доступом для использования.

5. Обобщение республиканской судебно-следственной практики судебных и правоохранительных органов с обязательным опубликованием специального бюллетеня расследования и рассмотрения уголовных дел за определенный отчетный период.

6. Организация, проведение и издание ежегодного мониторинга уголовного судопроизводства со стороны компетентной рабочей группы из числа ученых-процессуалистов, сотрудников судебных и правоохранительных органов, представителей адвокатуры, неправительственных организаций и др.

7. Поэтапный переход к цифровизации уголовно-процессуальной деятельности судебных и правоохранительных органов в контексте оказания высококвалифицированных и качественных государственных услуг населению.

8. Подготовка и издание научно-практического комментария Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан на таджикском и русском языках, соответственно, других законов, регламентирующих уголовно-процессуальную деятельность.

9. В контексте сближения науки и практики уголовного судопроизводства необходимо поэтапно издавать соответствующую учебную и научную литературу, практические материалы на таджикском и русском языках.

10. В рамках подготовки, переподготовки и повышения квалификации будущих и действующих сотрудников судебных и правоохранительных органов необходимо разработать учебный план-проспект с максимальным охватом современных тенденций науки и практики уголовного судопроизводства.

Список источников

1. *Рахмаджонзода Р. Р.* Учение об уголовном преследовании в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан : дис. ... д-ра юрид. наук. Душанбе, 2023.

2. *Государственная* программа противодействия преступности в Республике Таджикистан на 2021–2030 гг. : постановление Правительства Республики Таджикистан от 30 июня 2021 г. № 265 // Центролизованый банк правовой информации Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0».

3. *Выступление* на встрече с работниками органов прокуратуры (г. Душанбе, 13 марта 2018 г.) // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. URL: <https://president.tj/ru/node/17272> (дата обращения: 13.04.2018).

4. *Торжественное* собрание по случаю Дня таджикской милиции (г. Душанбе, 10 ноября 2018 г.) // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. URL: <https://www.president.tj/node/18876> (дата обращения: 11.11.2018).

5. *Речь* на встрече с работниками судебных органов (г. Душанбе, 21 ноября 2019 г.) // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. URL: <https://www.president.tj/node/21842> (дата обращения: 25.04.2020).

6. *Выступление* на церемонии открытия Государственного учреждения по подготовке высококвалифицированных военных кадров в Душанбе // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. URL: <https://www.president.tj/event/news/48511> (дата обращения: 29.10.2024).

7. *Выступление* Президента Республики Таджикистан, Лидера нации Эмомали Рахмона на встрече с работниками судебных органов // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. URL: <https://www.president.tj/event/news/49166> (дата обращения: 22.12.2024).

8. *Юлдошев Р. Р., Махмадиев Х. Х., Акбарзода А. А.* Отчет «Исследование по латентной преступности и уровня доверия граждан к милиции», прове-

денный НПО «Социолог». Преступность в Таджикистане (1991–2016 гг.) : науч.-практ. пособие. Душанбе, 2018.

9. *Преступность* и эффективные меры противодействия по нему в Республике Таджикистан: общественное мнение и экспертные оценки : обращение Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан от 22 ноября 2019 г. № 13/27-5024 к Президенту Республики Таджикистан.

10. *Уровень* и качество предварительного расследования в деятельности правоохранительных органов Республики Таджикистан за период 2016–2020 гг. и 10 месяцев 2021 г. : обращение Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан от 28 декабря 2021 г. № 13/27-6200 к Президенту Республики Таджикистан.

В. Ю. Стельмах

Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения: реальность и перспективы

Избрание меры пресечения является одним из важнейших процессуальных решений по уголовному делу. Именно мера пресечения выступает наиболее действенным инструментом обеспечения должного поведения обвиняемого на протяжении предварительного расследования и судебного разбирательства.

Мера пресечения, по общему правилу, избирается в отношении обвиняемого. Избрание меры пресечения в отношении подозреваемого допускается в исключительных случаях, до предъявления обвинения, при этом на сравнительно краткий срок (10 или 45 суток).

Для избрания меры пресечения следователь обязан учесть несколько групп обстоятельств, наличие которых исходит из содержания УПК РФ:

— общие условия избрания меры пресечения, то есть факты, предшествующие выбору и делающие возможным само избрание меры пресечения. К таким общим условиям относятся: а) наличие возбужденного уголовного дела; б) наличие у лица процессуального статуса обвиняемого и подозреваемого (причем в случае избрания меры пресечения в отношении подозреваемого статус придается именно фактом избрания меры пресечения);

— основания избрания меры пресечения, то есть предусмотренная законом вероятность ненадлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого), требующая ограничения его возможностей путем применения к нему меры пресечения [1, с. 8–10];

— частные условия избрания некоторых мер пресечения. Например, частными условиями для заключения под стражу выступают размер наказания инкриминируемого деяния (наличие в санкции статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) лишения свободы) и невозможность избрания менее строгой меры пресечения, для домашнего ареста, запрета выхода из жилого помещения в рамках запрета определенных действий, подписки о невыезде и надлежащем поведении — наличие у лица места жительства;

— данные, характеризующие личность обвиняемого и особенности его участия в совершении преступного деяния.

В целом данная совокупность подлежащих учету факторов носит системный характер, представляет собой последовательную и достаточно завершенную конструкцию и позволяет избрать наиболее адекватную меру пресечения. Однако эта система не оптимальна, поскольку содержит ряд существенных пробелов.

Наиболее спорным вопросом являются основания избрания меры пресечения. Это исчерпывающий перечень обстоятельств, предполагающих такое поведение обвиняемого, которое будет нарушать интересы установления истины по уголовному делу, а также посягать на конкретные права других лиц. Во-первых, хотя такое поведение присуще лицу, привлекаемому к уголовной ответственности, в последнее время часто ставится вопрос о доказанности этих действий. Разумеется, доказать их совершение невозможно, поскольку их осуществление — не имеющаяся реальность, а всего лишь вероятность, предположение. Во-вторых, и это достаточно тесно связано с первым соображением, утверждается, что при отсутствии оснований мера пресечения вообще не должна избираться, а должное поведение обвиняемого может быть гарантировано по-другому, например, путем отобрания у него обязательства о явке. Однако отсутствие у обвиняемого меры пресечения — крайне рискованное состояние, поскольку аморфное и не подкрепленное никакой принудительной силой обязательство о явке не в состоянии повлиять на поведение обвиняемого, вынудить его отказаться от действий, противоречащих интересам расследования. Не случайно мера пресечения избирается практически стопроцентно, а ее отсутствие характерно лишь для крайне специфических ситуаций, когда избрание меры пресечения невозможно по объективным причинам, а не в силу каких-то особо положительных характеристик обвиняемого (например, когда на продолжении производства по делу настаивают родственники умершего обвиняемого).

Важным является вопрос о месте и значении того обстоятельства, которое в настоящее время в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) именуется «обоснованность подозрения». Сейчас оно логически и сугубо текстуально расположено в законе вслед за основаниями избрания мер пресечения. Таким образом, нарушается методологический алгоритм — вначале оценивается мера возможного негативного поведения лица, и лишь затем – его связь с преступным деянием.

С учетом изложенного требуется несколько видоизменить состав и последовательность обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения. При этом эти обстоятельства должны представлять собой систему, то есть упорядоченную и непротиворечивую группу факторов, и располагаться в определенной последовательности, обусловленной как материально-правовыми, так и сугубо процессуальными причинами.

Начальной группой обстоятельств должна стать связь лица с преступлением. Это общее выражение, а само обстоятельство выражается в двух аспектах: наличие преступления и причастность лица к его совершению. Наличие преступления подтверждается решением о возбуждении уголовного дела, а причастность лица к совершению преступного деяния — привлечением лица в качестве обвиняемого. Привлечение в качестве обвиняемого, в свою очередь, подразумевает наличие достаточной совокупности доказательств, подтверждающих факт совершения лицом преступления, опровержение альтернативных версий произошедшего, отсутствие предусмотренных законом оснований прекращения уголовного преследования.

Таким образом, основанием избрания меры пресечения должно стать привлечение лица в качестве обвиняемого, это означает, что мера пресечения должна быть избрана в отношении каждого обвиняемого.

Предъявление обвинения само по себе вынуждает предполагать недолжное поведение обвиняемого, которое находится в основе его правового положения как лица, привлекаемого к уголовной ответственности и стремящегося избежать ее наступления.

Сам по себе факт предъявления обвинения выступает достаточным основанием ограничения прав лица путем избрания в отношении него меры пресечения. Иными словами, мера пресечения — пропорциональный и обоснованный инструмент применения к лицу процессуального принуждения, как бы прилагающийся к предъявлению обвинения и выступающий его объективным и обязательным последствием.

Принципиально то, что мера пресечения, независимо от степени строгости, может быть избрана только при подтвержденности причастности лица к совершению преступления [2, с. 269–270].

Признание основанием избрания меры пресечения приобретение лицом статуса обвиняемого (подозреваемого) позволит решить ряд проблемных вопросов.

Во-первых, получит объяснение избрание меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. В настоящий момент в практической деятельности в постановлениях следователей об ее избрании либо указывается, что обвиняемый не может скрыться от предварительного расследования, то есть мера пресечения избирается без оснований, либо отмечается, что «обвиняемый может скрыться от расследования», что делает необъяснимым, как данная мера пресечения может помешать этому, либо констатируется лишь наличие у обвиняемого места жительства, а основания сознательно игнорируются.

Помимо общего основания избрания меры пресечения существует и специальное — запрос из иностранного государства об экстрадиции лица. Это обстоятельство предусмотрено УПК РФ в настоящее время, нет причин отказываться от него в будущем. Специальное основание избрания меры пресечения отличается от общего тем, что в его основе лежит не привлечение лица в качестве обвиняемого национальными следственными органами Российской Федерации, а принятые на себя Россией обязательства участвовать в международном сотрудничестве по уголовным делам. По сути, Российская Федерация не имеет к лицу каких-либо претензий уголовно-правового характера, а избирает меру пресечения в интересах другого государства, на период решения вопроса об экстрадиции лица в это государство.

Второй группой обстоятельств следует считать те, что в настоящий момент являются основаниями избрания меры пресечения. В предлагаемой конструкции они будут выступать не основаниями, а обстоятельствами, позволяющими дифференцировать меру пресечения в зависимости от меры общественно опасности обвиняемого, измеряемой как опасностью инкриминируемого ему деяния, так и личностными свойствами субъекта.

Третьей группой обстоятельств необходимо считать особые (специальные) условия, законодательно предусматриваемые для избрания отдельных мер пресечения, либо прямо не обозначенные в законе, но с очевидностью вытекающие из природы той или иной меры пресечения (например, для избрания подписки о невыезде и надлежащем поведении, запрета выхода из жилого помещения, домашнего ареста — наличие у обвиняемого (подозреваемого) соответствующего места проживания). Эти факторы, по сути, «привязаны» к определенной мере пресечения и позволяют применить ее к конкретному субъекту.

Четвертая группа обстоятельств включает в себя факторы, относящиеся непосредственно к личности обвиняемого (подозреваемого), которые в настоящее время закреплены в ст. 99 УПК РФ. Эти моменты призваны дополнительно оценить характер совершенного преступления в разрезе непосредственной опасности, характеризующей конкретного субъекта.

Таким образом, определенный перенос акцента в учете обстоятельств, подлежащих учету при избрании меры пресечения, позволит:

- обеспечить обязательное избрание меры пресечения к каждому обвиняемому (подозреваемому), что приведет нормативные положения в соответствие со сформировавшейся практикой;

- логически правильно установить последовательность обстоятельств при избрании меры пресечения.

Список источников

1. Цоколова О. И. Проблемы совершенствования оснований применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Российский следователь. 2005. № 5.

2. Победкин А. В. Основания для избрания меры пресечения: реабилитация доказывания // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 3(94).

П. В. Фадеев

К вопросу о хранении вещественных доказательств при производстве по уголовному делу

В юридической литературе отмечается, что «хранение вещественных доказательств — это возникающий на основании процессуального решения следователя (дознателя) процесс реализации обязанным субъектом возложенных на него обязанностей по обеспечению в пространстве и времени сохранности вещественных доказательств» [1, с. 71].

В целях обеспечения сохранности вещественных доказательств при производстве по уголовному делу нормы уголовно-процессуального закона Российской Федерации (далее — УПК РФ) регулируют их хранение до вступления приговора в законную силу либо до истечения срока обжалования постановления или определения о прекращении уголовного дела.

Вместе с тем лица, осуществляющие уголовно-процессуальную деятельность, испытывают серьезные трудности в работе с веществен-

ными доказательствами при определении процедуры их хранения, уничтожения, реализации или возвращения законным владельцам [2, с. 6]. Анализ правоприменительной деятельности показывает, что нередко остаются без внимания длительные сроки и ненадлежащее хранение вещественных доказательств, в том числе крупногабаритных, находящихся вне камер хранения, автотранспортных средств, ценностей и денежных средств, древесины, этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Как отмечается в обзоре законности и обоснованности изъятия в ходе досудебного производства предметов (документов), имеющих доказательственное значение, основными причинами такого положения являются ненадлежащая фиксация в процессуальных документах состояния имущества при его изъятии, а также при передаче на хранение или возврате собственнику; несвоевременная передача на хранение изъятых имущества; несоблюдение порядка передачи на хранение изъятых имущества; определение ненадлежащих мест его хранения, а также хранение в непредназначенных для этого местах; и др. [3]

По нашему мнению, одной из причин такого положения является несовершенство правового регулирования этой деятельности. В первую очередь это относится к нормам уголовно-процессуального закона.

Так, анализ ст. 82 УПК РФ, а также чч. 3 и 4 ст. 81 УПК РФ, чч. 3 и 4 ст. 81¹ УПК РФ, показывает, *во-первых*, отсутствие системного подхода при формировании норм уголовно-процессуального закона, регулирующих порядок и условия хранения различных видов вещественных доказательств; *во-вторых*, наличие множественности не только способов хранения вещественных доказательств, в том числе в исключительных случаях, но и бланкетных нормативных правовых актов, регулирующих порядок и условия их хранения (подпункты «а» и «в» п. 1, пп. 1¹–3¹, пп. 4¹–10 ч. 2, чч. 2¹ и 3 ст. 82 УПК РФ).

Следует отметить, что согласно ч. 2 ст. 81 УПК РФ порядок хранения вещественных доказательств определяется ст. ст. 81 и 82 УПК РФ. Однако анализ показывает, что предложенные в этих статьях способы и условия хранения вещественных доказательств имеют крайне обобщенный и нефункциональный характер.

Так, согласно ч. 1 ст. 82 УПК РФ, основным местом хранения вещественных доказательств является их нахождение при уголовном деле. С точки зрения русского языка это словосочетание может быть разъяснено как «нахождение вещественных доказательств в безопасности и целостности около, возле уголовного дела» [4, с. 475]. На наш

взгляд, под это разъяснение подпадает нахождение вещественных доказательств в камере хранения или специализированных хранилищах соответствующих органов, осуществляющих производство по уголовному делу.

В то же время законодатель предусматривает ситуации, когда предметы «не могут храниться при уголовном деле» (п. 1 ч. 2 ст. 82 УПК РФ), так как могут быть реализованы, уничтожены или переданы третьим лицам. В частности, при производстве по уголовному делу в досудебном производстве предусмотрен особый порядок сохранения предметов, которые в силу громоздкости или иных причин не могут храниться при уголовном деле. В их числе: 1) большие партии товаров, хранение которых затруднено или издержки по обеспечению специальных условий хранения которых соизмеримы с их стоимостью (пп. 1 и 1¹ ч. 2 ст. 82 УПК РФ); скоропортящиеся товары и продукция, а также подвергающееся быстрому моральному старению имущество, хранение которых затруднено или издержки по обеспечению специальных условий хранения которых соизмеримы с их стоимостью (п. 2 ч. 2 ст. 82 УПК РФ).

В этом случае законодатель предлагает различные способы сохранения таких вещественных доказательств: а) передать на ответственное хранение владельцу; б) реализовывать с последующим зачислением денежных средств на депозитный счет; в) уничтожить с согласия владельца. В целях сохранения доказательственных свойств и признаков вещественных доказательств к материалам уголовного дела приобщаются их фотографии, видео- или киноплёнка, документ о месте их нахождения, образец вещественного доказательства, достаточный для сравнительного исследования (подп. «а» п. 1 ч. 2 ст. 82 УПК РФ).

Обращает на себя внимание наличие большого количества исключительных случаев, когда вещественные доказательства передаются для хранения третьим лицам, иногда фактически теряя связь с уголовным делом.

Так, анализ ст. 82 УПК РФ показывает, что законодатель предусматривает следующие случаи хранения вещественных доказательств, имеющие исключительный характер: 1) разрешение спора о праве на имущество, являющееся вещественным доказательством (ч. 1 ст. 82 УПК РФ); 2) возвращение их законному владельцу, если это возможно без ущерба для доказывания (подп. «б» п. 1, подп. «а» п. 2, подп. «б» п. 9 ч. 2 ст. 82 УПК РФ); 3) реализация вещественных доказательств с зачислением полученных денежных средств на депозитный счет соответствующего органа (подп. «в» п. 1, п. 7, подп. «г» п. 9, п. 10 ч. 2 ст. 82 УПК РФ); 4) пе-

передача на ответственное хранение владельцу (п. 1¹ ч. 2 ст. 82 УПК РФ); 5) передача для технологической переработки, уничтожения, утилизации (подп. «в» пп. 2, 3, 6, 7, 7¹, 8, 10 ч. 2 ст. 82 УПК РФ); 6) передача безвозмездно для содержания и разведения животных, физическое состояние которых не позволяет возвратить их в среду обитания (подп. «в» п. 9 ч. 2 ст. 82 УПК РФ); 7) иные случаи, предусмотренные Правительством Российской Федерации (ч. 3 ст. 82 УПК РФ).

На наш взгляд, такой подход законодателя, в большей мере носящий бланкетный и отсылочный характер, не способствует объективному пониманию и эффективному применению норм уголовно-процессуального закона. В большинстве случаев порядок, условия, а также места хранения вещественных доказательств, а также их передачи, реализации, переработки или уничтожения при производстве по уголовному делу регулируются нормативными правовыми актами общего характера¹.

Таким образом, целесообразность совершенствования нормативных правовых актов, регулирующих вопросы хранения вещественных доказательств по уголовному делу, не вызывает сомнений. В этих целях необходимо систематизировать нормы уголовно-процессуального закона так, чтобы были определены основания классификации порядка хранения различных видов вещественных доказательств. Данное обстоятельство позволит разграничить основные виды и порядок хранения вещественных доказательств при уголовном деле, а также подлежащих передачи физическим и юридическим лицам в установленных законом случаях, в том числе для реализации, утилизации, уничтожения или сохранения с учетом их особенностей.

¹ См. напр.: *Об утверждении Правил учета и хранения изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов и документов до признания их вещественными доказательствами по уголовным делам или до их возврата лицам, у которых они были изъяты, и арестованного имущества, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, а также возврата вещественных доказательств по уголовным делам в виде денег их законному владельцу и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельного положения акта Правительства РФ : постановление Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2023 г. № 1589 ; О порядке передачи на реализацию предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено, и их уничтожения» (вместе с «Положением о порядке передачи на реализацию предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено, и их уничтожения») : постановление Правительства РФ от 23 августа 2012 г. № 848. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

Список источников

1. *Валов С. В.* Правовой режим обращения с вещественными доказательствами в досудебном производстве : учеб. пособие. М., 2021.
2. *Муратов К. Д.* Вещественные доказательства в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2023.
3. *О хранении* вещественных доказательств : распоряжение Следственного департамента МВД России за № 17/2–42879 от 28 октября 2021 г. Архив Следственного департамента МВД России.
4. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М., 1988.

РАЗДЕЛ II.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ — ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПРАКТИКИ

Е. Г. Васильева

Уточнение судом фактических обстоятельств уголовного дела

В настоящее время судебная практика складывается таким образом, что суды по-разному оценивают возможность уточнения фактических обстоятельств дела непосредственно в судебном разбирательстве. В частности, некоторые из них полагают, что любое уточнение (за исключением сужения) в суде первой инстанции фактических обстоятельств инкриминированного подсудимому деяния относительно предъявленного ему обвинения является нарушением положений уголовно-процессуального закона о пределах судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ).

Так, например, по делу в отношении П., осужденного по ч. 4 ст. 111 УК РФ, апелляционная инстанция изменила приговор с указанием на нарушение судом первой инстанции требований ст. 252 УПК РФ на том основании, что суд при описании преступления указал о нанесении П. потерпевшему ударов по голове металлической решеткой от холодильника, тогда как в обвинительном заключении и постановлении о привлечении П. в качестве обвиняемого, было указано, что эти удары были нанесены им неустановленным предметом по типу металлической решетки от холодильника [1].

По делу в отношении Я., осужденного по ч. 1 ст. 318 УК РФ, апелляционная инстанция отменила приговор, указав в том числе на то, что суд первой инстанции, в нарушение требований ст. 252 УПК РФ при описании преступного деяния Я. установил иное место преступления — дом № 14/1, от которого он не защищался, поскольку органом следствия в обвинительном заключении и предъявленном обвинении было установлено, что Я. совершил инкриминируемое ему преступление по адресу — дом № 1/1 [2].

Такое формирование судебной практики приводит к тому, что не дословное изложение в приговоре фабулы преступления, описанного в обвинительном заключении, дает стороне защиты основание обжалования судебного решения по мотиву нарушений требований ст. 252 УПК РФ, притом что дословное изложение фабулы, приведенной в обвинительном заключении, оценивается той же стороной защиты, как уход суда от возложенной на него функции самостоятельного установления фактических обстоятельств дела (вынесение «флеш-приговора»).

В результате становится неясно, какова же в конечном счете задача суда: «технически» утвердить обвинительное заключение, при необходимости вычеркнув ненужное (ст. 252 УПК РФ), или все-таки описать то преступное деяние, которое он сам признал доказанным на основе непосредственно исследованных им в судебном заседании доказательств (п. 1 ст. 307 УПК РФ), соблюдая при этом права обвиняемого на защиту и не ухудшая его положение.

На наш взгляд, каких-либо правовых оснований для толкования положений ст. 252 УПК РФ как устанавливающей абсолютный запрет на уточнение фактических обстоятельств непосредственно судом, собственно как и существенных преимуществ такого толкования, для стороны защиты не имеется.

В частности, анализ показывает, что возвращение уголовного дела прокурору для формального перепредъявления обвинения в целях его уточнения не приводит к тому, что сторона защиты получает какие-либо новые возможности или новые полномочия, которые были бы осуществимы ею исключительно в связи с возвращением дела прокурору.

Так, процедура уточнения фактического обстоятельства без возвращения уголовного дела прокурору выглядит следующим образом. Государственный обвинитель, с учетом выяснившегося в судебном заседании нового обстоятельства, выносит постановление об уточнении фабулы обвинения, которое вручается стороне защиты. Сторона защиты, в присутствии которой были установлены соответствующие уточняющие обстоятельства, имеет возможность оспорить их путем инициирования тех судебных действий, которые считает необходимыми. По ходатайству стороны защиты ей может быть предоставлено время для подготовки в связи с указанными обстоятельствами, кроме того, она не лишается права довести до суда свою позицию относительно уточняемого обстоятельства.

Ровно те же возможности будут у стороны защиты и в том случае, если уголовное дело для уточнения обвинения будет возвращено проку-

рору. Однако достигается это со значительными процессуальными перегрузками – повторным сбором доказательственной базы, несмотря на то, что сведения уточняющего характера уже были получены непосредственно судом, проведением повторных процессуальных действий, связанных с предъявлением обвинения, составлением обвинительного заключения, прохождением процедуры его утверждения, повторным судебным разбирательством, значительным увеличением сроков уголовного судопроизводства, а иногда и вообще истечением сроков уголовного преследования.

В связи с изложенным полагаем, что само по себе уточнение обвинения, под которым мы понимаем такое его изменение, которое существенным образом не увеличивает объем обвинения и не меняет квалификацию деяния (например, уточнение предмета, используемого в качестве оружия, как в приведенном выше примере с металлической решеткой; уточнение количества нанесенных ударов; уточнение адресов, дат, фамилий и т.п.) вполне возможно в суде первой инстанции без снижения гарантий права обвиняемого знать, в чем он обвиняется, а также без ограничения его процессуальных возможностей по использованию конкретных процессуальных средств защиты. Иное, на наш взгляд, свидетельствовало бы о недопустимой формализации уголовного судопроизводства и избыточности уголовно-процессуальных процедур.

Таким образом, полагаем правильным подход тех судов, которые не признают уточнения фактических обстоятельств дела судебными ошибками, как, например, в деле в отношении П., по которому судебная коллегия по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции признала несостоятельными доводы жалобы о том, что суд изменил место совершения преступления, указав, что поскольку согласно полученным из администрации городского поселения сведениям, магазин М. расположен по адресу: <...>, суд уточнил адрес в приговоре, что не может быть признано нарушением права осужденного на защиту [3].

Список источников

1. *Апелляционное определение* Челябинского областного суда от 18 октября 2019 года по делу № 10-5506/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Апелляционное постановление* Московского городского суда от 2 октября 2024 года по делу № 10-19868/2024. Архив Кузьминского районного суда г. Москвы.
3. *Определение* Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19 ноября 2020 г. № 77-2375/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Д. В. Накиб

Анализ института частного обвинения и проблем его применения при особом порядке судебного производства

Институт частного обвинения представляет собой специфический механизм уголовного преследования, при котором инициатива возбуждения дела исходит от самого потерпевшего. В отличие от дел публичного характера, в которых функция обвинения возложена на органы государственной власти, в этом случае все процессуальные полномочия обвинителя переходят частному лицу. Такая особенность нередко порождает значительные трудности в процессуальной плоскости, поскольку потерпевший, как правило, не обладает необходимыми юридическими познаниями и навыками, связанными со сбором и представлением доказательств.

Особую актуальность приобретают проблемы, возникающие при рассмотрении дел частного обвинения мировыми судьями в порядке, установленном ч. 1 ст. 314 УПК РФ. Этот механизм предполагает упрощенное производство, которое, несмотря на свою формальную упорядоченность, может иметь негативные последствия для участников процесса, особенно для обвиняемого.

При отсутствии стадии предварительного расследования по данным категориям дел, суду вменяется в обязанность разъяснение обвиняемому его прав, включая право ходатайствовать о применении особого порядка разбирательства [1, с. 14–19].

Согласно позиции, выраженной в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» (п. 8), данное ходатайство может быть подано в период между вручением копии заявления потерпевшего и моментом назначения судебного заседания.

Особый порядок предполагает вынесение приговора без исследования представленных доказательств по существу, а итоговое решение суда включает лишь описание обстоятельств инкриминируемого деяния. Таким образом, если обвиняемый признает вину, приговор основывается преимущественно на изложенных в заявлении данных, не проходящих проверки на допустимость, достоверность и относимость [2, с. 49–52]. В подобных условиях суд фактически опирается на позицию частного обвинителя, без полноценного анализа материалов дела.

Кроме того, в силу отсутствия в главе, регулирующей особый порядок, норм, аналогичных ч. 5 ст. 217 УПК РФ, на мирового судью возлагается обязанность информировать обвиняемого как о возможности за-

явления ходатайства, так и о правовых последствиях его подачи. Однако положения чч. 3–6 ст. 319 УПК РФ не дают четкого алгоритма действий мирового судьи в подобных ситуациях, что создает дополнительную неопределенность в правоприменительной практике [3, с. 47–55].

Дополнительно стоит отметить, что обвиняемый часто не получает времени на анализ поступившего заявления и формирование позиции по поводу возможности рассмотрения дела в упрощенной форме. Отсутствие юридической подготовки у большинства участников подобного разбирательства лишь усугубляет проблему.

Анализ судебной практики в Краснодарском крае показывает стабильность поступления уголовных дел в порядке частного обвинения в суды первой инстанции: 218 дел в 2024 г. (220 — в 2023 г., 221 — в 2022 г., 193 — в 2021 г.). При этом около 60% дел возбуждаются по заявлениям граждан: 132 дела — в 2024 г., 134 — в 2023 г., 155 — в 2022 г. Количество осужденных за 2024 г. составило 64 человека, оправдано — 26, прекращено по реабилитирующим основаниям — 16, по иным основаниям — 92 дела. В порядке особого производства судебного разбирательства за 2024 г. рассмотрено 11 дел (17 — в 2023 г., 9 — в 2022 г., 14 — в 2021 г.), что указывает на ограниченное применение данной формы разбирательства [4].

Пленум Верховного Суда от 5 декабря 2006 г. № 60 устранил ранее существовавшую неопределенность, подтвердив возможность применения особого порядка к делам частного обвинения. Однако даже при наличии формального согласия подсудимого недостаток осознания последствий упрощенного разбирательства может привести к нарушению его процессуальных прав [5, с. 49–53].

Таким образом, при рассмотрении уголовного дела частного обвинения в особом порядке судебного разбирательства и в отсутствие полного понимания у подсудимого того факта, зачем его вызвал суд, лишает его права на всестороннее, полное и объективное рассмотрение дела.

В связи с чем, с учетом ограниченного применения особого порядка по делам частного обвинения, сложности с обеспечением состязательности, а также общего низкого уровня правовой грамотности участников, целесообразным представляется отказ от использования особого порядка в рамках частного обвинения [6, с. 65–69].

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что институт частного обвинения должен сохраняться как самостоятельный элемент уголовно-процессуального механизма, в отсутствие «особой» формы рассмотрения дел. Основные черты указанного института – возбуждение дела исклю-

чительно по инициативе потерпевшего и прекращение производства в случае примирения сторон — имеют важное значение. Вместе с тем реформирование требует устранения излишних формальных требований к содержанию заявления и предоставления возможности перенаправления данной категории дел в органы предварительного расследования в случаях, когда это необходимо для защиты прав участников процесса.

Список источников

1. *Минулин Р. М.* Институт частного обвинения: упразднить нельзя реформировать // *Мировой судья*. 2022. № 6.
2. *Титов П. М.* Частное обвинение: необходимость ликвидации или совершенствования? // *Администратор суда*. 2021. № 3.
3. *Муллахметова Н. Е.* Обеспечение прав и законных интересов потерпевших по делам частного обвинения на стадии возбуждения уголовного дела // *Виктимология*. 2021. Т. 8. № 1.
4. *Краткая характеристика сводных статистических сведений деятельности мировых судей за 2020–2023 год* // Управление судебного департамента в Краснодарском крае. URL: <https://usd.krd.sudrf.ru/modules.php?name=stat&xrid=2/> (дата обращения: 15.05.2025).
5. *Гильманов И. М.* Суды первой инстанции по уголовным делам Республики Казахстан: вопросы подсудности и дел частного обвинения // *Теория и практика общественного развития*. 2019. № 9(139).
6. *Кузнецова Е. В.* Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон по делам частного обвинения // *Молодежный научный форум : мат-лы CCLXXV студенческой междунар. науч.-практ. конф., Москва, 27 ноября 2024 г. М., 2024.*

Е. В. Поддубная, С. В. Супрун

Поручение производства уголовно-процессуальной деятельности начальником органа дознания дознавателю органов внутренних дел: проблемы правового регулирования

Понятие «дознаватель» относится к основным понятиям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). Его содержание законодателем раскрывается в ч. 7 ст. 5 УПК РФ. В науке уголовного процесса содержание данного понятия вызывает споры

среди ученых-процессуалистов. А. П. Рыжаков предлагает понятие «дознатель» конкретизировать через его полномочия. По его мнению, «дознатель — это должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительную проверку заявлений (сообщений) о преступлении; неотложные следственные действия, предварительное расследование в форме дознания, а также исполнять поручения (указания) прокурора, начальника следственного отдела, следователя, руководителя (члена) следственной группы, органа дознания, начальника органа дознания или другого дознавателя» [1, с. 94].

Предложенное А. П. Рыжаковым толкование понятия «дознатель» представляется избыточным: перечисление всех его полномочий в определении, на наш взгляд, не требуется. В содержании понятия «дознатель» представляется целесообразным указать его основные сущностные элементы.

О. В. Мичурина предлагает более лаконичную формулировку понятия «дознатель». По ее мнению, дознаватель — это «должностное лицо органа дознания, уполномоченное проводить дознание в полном объеме и осуществлять другие полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом» [2, с. 330].

М. М. Кузембаева соглашается с законодателем и утверждает, что дознавателем является «должностное лицо органа дознания, правомочное или уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания или иные полномочия, предусмотренные УПК РФ» [3, с. 69].

А. С. Есина обоснованно полагает, что процессуальный статус дознавателя «может быть предоставлен любому должностному лицу, которому начальник органа дознания поручил производство дознания или иных уголовно-процессуальных действий» [4, с. 16]. Нехватка дознавателей в специализированных подразделениях дознания органов внутренних дел может потребовать делегирование полномочий по производству дознания иным должностным лицам — участковым уполномоченным полиции или оперативным уполномоченным. В этом случае данным должностным лицам начальником органа дознания органов внутренних дел могут быть делегированы полномочия дознавателя, аналогичные полномочиям штатных дознавателей, если он не примет решение об их частичном ограничении.

Законодатель не раскрывает содержание понятия «поручение» — делегирование полномочий (п. 1 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ) и не устанавли-

вает требования к его структуре. Анализ делегирования уголовно-процессуальных полномочий начальником органов внутренних дел подчиненным ему должностным лицам позволяет выделить несколько видов поручений и классифицировать их на группы.

Первая группа поручений состоит в делегировании начальником органа дознания органов внутренних дел *уголовно-процессуальных полномочий* подчиненным ему должностным лицам:

1) через *приказ* о назначении подчиненного ему должностного лица на штатную должность дознавателя или на должность исполняющего обязанности дознавателя органов внутренних дел [5]. Через приказ о назначении на должность *должностному лицу* начальником органа дознания органов внутренних дел делегируются уголовно-процессуальные полномочия дознавателя на не определенный законом срок, и это должностное лицо становится *правомочным дознавателем* специализированного подразделения дознания [6].

2) через *резолюцию* на процессуальном документе. Поручая производство предварительной проверки сообщения о преступлении должностному лицу — оперативному работнику уголовного розыска или участковому уполномоченному полиции непосредственно или через руководителя соответствующего специализированного подразделения органов внутренних дел, в котором должностное лицо проходит службу, начальник органа дознания наделяет его статусом *уполномоченного дознавателя* и устанавливает в поручении (резолюции) пределы его процессуальной самостоятельности;

3) через *постановление* о возбуждении уголовного дела (ст. 146 УПК РФ) или *постановление* о создании группы дознавателей по сложному или большому по объему уголовному делу (ст. 223² УПК РФ). Делегирование уголовно-процессуальных полномочий о производстве дознания штатным или нештатным дознавателям органов внутренних дел в этом случае осуществляется начальником органа дознания через резолютивную часть соответствующего постановления.

Вторая группа поручений состоит в делегировании начальником органов внутренних дел как начальника органа дознания и органа, осуществляющего ОРД, одновременно *уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных полномочий* [7]:

1) через *постановление* о создании дознавательно-оперативной группы по сложному или большому по объему уголовному делу (ч. 1 ст. 223² УПК РФ). Начальник ОВД как начальник органа дознания и начальник органа, осуществляющего ОРД, имеет двойной межотраслевой правовой

статус и одновременно вправе делегировать подчиненным ему должностным лицам органов внутренних дел (дознателям и оперативным уполномоченным ОВД) уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные полномочия;

2) через *план следственных действий* и оперативно-розыскных мероприятий по сложному или большому по объему уголовному делу (ст. 223² УПК РФ). Утверждая план следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, начальник органов внутренних дел как начальник органа дознания и органа, осуществляющего ОРД, соглашается с указанным в нем объемом работы по раскрытию и расследованию преступлений и делегирует его исполнителям — дознавателям подразделения дознания и оперуполномоченным ОУР или ОЭБиПК ОВД необходимые уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные полномочия.

Обобщая изложенное, можно сделать выводы и сформулировать отдельные предложения по совершенствованию действующего законодательства в части дачи поручения (делегирования) полномочий начальником органа дознания.

Дознаватель — это должностное лицо органа дознания, которому начальником органа дознания органов внутренних дел поручено производство уголовно-процессуальной деятельности и для ее осуществления делегированы необходимые полномочия.

Процессуальная форма поручения (делегирования) уголовно-процессуальных полномочий начальником органа дознания и требования к ее структуре законом не урегулированы. Порядок делегирования уголовно-процессуальных полномочий выработан практикой.

Виды поручений (делегирования) уголовно-процессуальных полномочий начальником органа дознания ОВД, на наш взгляд, могут быть закреплены в ч. 1 ст. 40² УПК РФ путем дополнения ее пунктом 1¹ следующего содержания:

«Начальник ОВД как начальник органа дознания и органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, вправе поручать должностным лицам дежурной оперативно-дознательской группы ОВД производство следственных и иных процессуальных действий по сообщениям о преступлениях; поручать дознавателям и оперуполномоченным ОВД расследование и проведение оперативно-розыскных мероприятий по сложным или большим по объему уголовным делам; поручать оперуполномоченным проведение оперативно-розыскных мероприятий

по сообщениям о преступлениях и уголовным делам, находящимся в производстве дознавателей ОВД».

Список источников

1. Рыжаков А. П. Уголовный процесс : учебник. М., 2002.
2. Мичурина О. В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел. М., 2008.
3. Кузембаева М. М. Функциональная характеристика деятельности дознавателя и органа дознания в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006.
4. Есина А. С., Арестова Е. Н. Дознание в органах внутренних дел : учеб.-практ. пособие; 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
5. Есина А. С., Арестова Е. Н. Уголовно-процессуальная деятельность органов внутренних дел : учеб-метод. пособие. М., 2005.
6. Вопросы организации деятельности подразделений организации дознания (подразделений дознания) территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 15 июня 2020 г. № 430. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В. А. Скорев

Суд милостивый: эволюция и перспективы института смягчающих обстоятельств в российском уголовном законодательстве

Правосудие — это динамичный и многогранный процесс, где центральную роль играет именно судья. Личные качества судьи, такие как профессиональная компетентность, честность, уважительное отношение к сторонам процесса, высокая нравственность, деликатность и способность сопереживать, позволяют проникнуть в суть конфликта, выявить глубинные мотивы участников и осознать уникальные обстоятельства конкретного дела. Только обладая этими чертами, судья способен принять обоснованное, беспристрастное и одновременно человечное решение, соответствующее духу не только справедливости, но и милосердия.

Несмотря на значительную роль милосердия в общественном сознании, данное понятие до сих пор не приобрело четкого юридического выражения, продолжая оставаться исключительно моральной и этической категорией. Интеграция принципа милосердия в правовую сферу осложняется разночтениями и отсутствием единого понимания его сущности и значения. Более того, современный мир находится под воздействием постмодерна [1; 2, с. 101–111], размывающего границы понятий истины и добра, что провоцирует конфликты интересов и не может не искажать смыслы нормативных актов. Сегодня есть необходимость переосмыслить накопленный исторический опыт, восстановить духовно-нравственные основания правовой культуры, построив ее заново на прочных фундаментах традиционных ценностей.

В истории России ее духовная стойкость, национальные мудрость и мужество, прозрение не раз давали старт масштабным реформам внутреннего устройства, главным фундаментом которых являлись нравственные добродетели, в числе которых — милость и милосердие.

Исследование феномена милосердия стало крайне востребованным в эпоху Просвещения, когда ведущие мыслители обратили внимание на его важность в сфере функционирования суверенной государственной власти. Они рассматривали милосердие не просто как нравственный идеал, а как действенный инструмент поддержания устойчивости и авторитета власти. Одним из ярких представителей этой позиции выступил Ш. Монтескье. В своем классическом труде «О духе законов» 1748 г. [3, с. 240–241], он подчеркивал, что истинная сила власти лежит не столько в финансовых ресурсах или военной мощи, сколько в моральных добродетелях правителя и граждан; одна из центральных добродетелей — проявление милосердия в его способности укреплять доверие к власти и поддерживать общественный порядок.

Политико-правовые идеи Ш. Монтескье, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо нашли отражение и в российской истории, оказав влияние на ход государственных реформ. Подробности этого взаимодействия освещены отдельно [4, с. 178–183]. Вместе с тем феномен милосердия как компоненты государственной власти не был новинкой для русской управленческой мысли [5, с. 104–118]. Еще в XVI в. дипломат и богослов Ф. Карпов давал образ милости как качества власти. «Милость без правды есть малодушество, а правда без милости есть мучительство и друг без друга они разрушают всякое царство и общежитие» [6]. Милость состоит в разумном применении закона и смягчении его силы (правды), когда

это необходимо. Тем самым милость (милосердие) в его осмыслении уже не цель, а инструмент.

Кардинальные преобразования российской судебной системы начаты Александром II после завершения Восточной войны в 1856 г. принятием Высочайшего Манифеста [7, с. 504–507]. Император подчеркнул необходимость укрепления внутренней стабильности России и ее благоустройства, установления правосудия, сочетавшего право и милость: «Да утверждается и совершенствуется внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуют в судах ее». Этот исторический документ стал отправной точкой формирования фундаментальных принципов отечественного правосудия. 20 ноября 1864 г. в Указе Правительствующему Сенату концепция «Да правда и милость царствуют в судах» совершенствуется формулой желания «водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших...» [8; 9].

Эти инициативы имели последствия, сформировав стратегию реформирования судебной системы, направленную на достижение четырех ключевых целей: оперативности (суд скорый), справедливости (суд правый и соответствующие закону и истине решения), милосердия (суд милостивый, учет человеческого фактора и возможности исправления) и равенства (суд равный — независимый и беспристрастный). Спустя полтора века можно отметить, что значительная часть заявленных ориентиров реализуется. Современные оценки эффективности правосудия сосредоточены преимущественно на вопросах количества, сроков и качества рассмотрения дел [10, с. 11–16; 11, с. 79–100].

Несмотря на актуальность гуманизации уголовной политики, идея милосердия суда остается недостаточно разработанной как в теории, так и на практике. Между тем в условиях современных вызовов и угроз данная проблема приобретает особую остроту. Решение вопроса гуманизации становится приоритетным направлением развития отечественной юридической системы. Об этом свидетельствуют не только поручения Президента РФ судам, но и целенаправленная деятельность Верховного Суда РФ [12].

Таким образом, гуманизация уголовной политики современного государства является составной частью судебной реформы, направленной на реализацию принципа милосердия и суда милостивого.

Новые пространства для проявления милосердия в правосудии дают возможность применения судами сложившейся системы обстоятельств, смягчающих наказание, создавая баланс между суровостью закона и по-

требностью в справедливом и гуманном обращении с участниками уголовного процесса.

Институт смягчающих обстоятельств в российском уголовном праве прошел свой особый путь становления и развития.

В период дореволюционной России (до 1917 г.) Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (п. 140) выделяло девять обстоятельств, уменьшающих вину и наказание. Этот подход отличался вниманием к индивидуальным особенностям виновного и наличию внешних факторов. В числе указываемых — случаи, когда виновный «добровольно... и вполне чистосердечно с раскаянием сознался в учиненном преступлении»; «если преступление учинено им по легкомыслию... глупости и крайнему невежеству, которым воспользовались другие...»; «если преступление учинено вследствие сильного раздражения, произведенного обидами, оскорблениями...»; «если он был вовлечен убеждениями, приказаниями или дурным примером людей, имевших над ним власть»; «если при самом содеянии преступления он почувствовал раскаяние или сожаление к жертвам оного». Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. (п. 13) воспроизводил этот же перечень, дополнив необходимость учета «прежнего безукоризненного поведения».

После Октябрьской революции советский уголовный закон стал акцентировать внимание на политических, экономических и психологических аспектах преступлений. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. (п. 12) и Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. хотя и не содержали перечня смягчающих обстоятельства, вместе с тем, указывали, что при определении меры наказания в каждом отдельном случае следует различать принадлежность к рабочему классу или крестьянскому сословию; состояние голода или нужды; отсутствие сознательного понимания своих поступков; предшествующее поведение; наличие или отсутствие жестокости, злобы, коварства и хитрости, запальчивости, легкомыслия и небрежности.

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года (п. 48) законодатель вернулся к широкому спектру смягчающих обстоятельств, объединив классовый (социальный) и личностный подходы. Дополнительно введены такие основания смягчения ответственности, как защита Советской власти и революционного правопорядка; совершение преступления несовершеннолетним, беременной женщиной, под влиянием угроз, принуждений, служебной или материальной зависимости; по случайному стечению или же под влиянием стечения тяжелых личных или семейных условий и обстоятельств.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года (ст. 38) предусмотрел два уровня смягчающих обстоятельств: прямо предусмотренные законом и иные. Прямо предусмотренные обстоятельства закреплялись в части первой ст. 38, включали в себя дополнительно предотвращение вредных последствий, возмещение ущерба, тяжелые личные или семейные обстоятельства, угрозу или принуждение, несовершеннолетие или беременность, явку с повинной, раскаяние и содействие расследованию. В числе иных обстоятельств — любые другие, которые был вправе учесть суд.

Современный Уголовный кодекс РФ (ст. 61) продолжает исторически сложившуюся правовую традицию, уполномочивая суды учитывать в качестве смягчающих любые обстоятельства, даже если они не предусмотрены непосредственно в законе [12]. И такое полномочие в чем-то приобретает системный и обязательный характер. Пленум Верховного Суда РФ [13] ориентирует суды на понимание того, что перечень смягчающих обстоятельств не носит исчерпывающего характера и суд вправе признать таковыми: частичное признание вины, раскаяние в содеянном, наличие несовершеннолетних детей при условии участия в их воспитании, содержании, наличие на иждивении престарелых лиц, состояние здоровья, наличие инвалидности, наград, участие в боевых действиях по защите Отечества. Следует отметить, что правоприменительная практика судов в последнее время учитывает в качестве смягчающих также благотворительную деятельность и волонтерство, социальную устроенность, трудоустройство и осуществление предпринимательской деятельности.

Таким образом, при осуществлении полномочий в сфере гуманизации уголовного законодательства суды призваны воплощать концепцию суда милостивого и укреплять ценность милосердия в праве. Данная практика согласуется с государственными приоритетами, зафиксированными в национальных проектах, включая демографию, здравоохранение, образование, жилищное строительство и охрану экологии [14], ориентированные на повышение качества жизни граждан и политику народосохранения.

Перспективы института смягчающих обстоятельств зависят и от способности законодателей и судебных органов адаптироваться к современным реалиям. Поддерживая линию гуманизации уголовного законодательства и развивая ценности милосердия в судебной деятельности, суды вносят существенный вклад в дальнейшее совершенствование национальной правовой системы. Такое движение обеспечивает гармонич-

ное сочетание правовых норм с моральными ценностями, поддерживает традиционные устои общества, укрепляет национальную идентичность и общественное согласие.

Список источников

1. Дугин А. Г. Социология фазового перехода к постмодерну. URL: <https://izborsk-club.ru/24429> (дата обращения: 12.11.2024).

2. Тарновский К. Ю. Особенности самоидентификации личности в обществе постмодерна // Ценности и смыслы. 2016. № 3(43).

3. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.

4. Скорев В. А. Милосердие как феномен государственной власти // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11. № 1А.

5. Соловьев К. А. «Послание к митрополиту Даниилу» Федора Карпова как памятник управленческой мысли России XVI в. // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2017. № 1.

6. Карпов Ф. Послание к митрополиту Даниилу // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб., 2000. Т. 9: Конец XIV — первая половина XVI века. URL: <https://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5110> (дата обращения: 20.05.2025).

7. Гейротъ А. Θ. Описание Восточной войны 1853–1856 гг. СПб., 1872.

8. Полное собрание законов Российской империи : собр. 2-е. № 38761.

9. Полное собрание законов Российской империи : собр. 3-е. Т. 16. № 12932.

10. Васильев Д. С. К вопросу о судебной результативности // Научные записки НГУЭУ. 2022. Вып. 4.

11. Васильев Д. С. Показатели судебной статистики как критерии оценки судебной деятельности // Право и политика. 2021. № 3.

12. Призвание судьи — опираясь на право и закон, находить справедливость. Какие поручения дал Владимир Путин на совещании судей всех российских судов // Российская газета. 2025. 20 февр. URL: <https://rg.ru/2025/02/20/sudit-po-pravu.html> (дата обращения: 20.05.2025).

13. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента Российской

А. А. Федорова

**Проблемные вопросы применения норм
об отстранении законного представителя
несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого)
от участия в уголовном судопроизводстве**

Досудебное производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления в силу их психофизических особенностей и недостатка жизненного опыта может сопровождаться оказанием на них негативного воздействия (влияния), способным повлечь формирование у несовершеннолетних участников процесса искаженных понятий, потерю жизненных ценностей и ориентиров, воспрепятствовать их нормальному развитию. Положения гл. 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) позволяют определить порядок производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних как «дифференцированный, в котором общие правила как досудебного, так и судебного производства сочетаются со специальными нормами, гарантирующими защиту прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, а также выражающими профилактический и восстановительный характер производства» [1, с. 42–47].

Негативное воздействие (влияние) на несовершеннолетних участников судопроизводства может выражаться, в том числе, в таком поведении других участников, которое свидетельствует о злоупотреблении ими своими процессуальными правами на фоне неспособности несовершеннолетнего самостоятельно эффективно защищать свои права и законные интересы. Например, следователь, стремясь окончить предварительное следствие в наиболее краткий срок, может не принять всех необходимых мер к установлению условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровня его психического развития, что в дальнейшем может повлечь неправильную оценку мотива совершения преступления либо невозможность рассмотрения вопроса об освобождении его от наказания и применении к нему мер воспитательного воздействия. Для того, чтобы досудебное производство осуществлялось в надлежащем порядке и объ-

еме, законодатель предусматривает ряд компенсирующих мер, к которым относится и обязательное участие законного представителя несовершеннолетнего в уголовном деле (ч. 1 ст. 426 УПК РФ). Как правильно указал В. Ю. Стельмах, законный представитель, не будучи профессиональным адвокатом и не располагая специальными юридическими знаниями, тем не менее, может воспринимать некоторые допускаемые следователем нарушения закона, например, откровенное давление на несовершеннолетнего, принуждение его к даче показаний, искажение фиксируемых в протоколах следственных действий формулировок сообщенных сведений и т. п., либо явную неправильность уголовно-правовой квалификации содеянного [2, с. 92–104].

Вместе с тем указанная мера имеет двойной компенсационный характер. С одной стороны, отсутствие у несовершеннолетнего жизненного опыта и его неспособность самостоятельно в полной мере отстаивать свои интересы компенсируются участием в деле законного представителя — лица, который в силу возложенных на него государством обязанностей и, чаще всего, в силу прочных родственных и социальных связей с несовершеннолетним, призван печься об его интересах, а также способствовать всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела, оказывать помощь следственным органам в выяснении условий жизни и воспитания несовершеннолетнего обвиняемого, в установлении причин и условий, способствовавших совершению преступления, оказывать на несовершеннолетнего положительное влияние, направленное на его перевоспитание [3, с. 114].

С другой стороны, законодатель предусматривает возможность недобросовестности такого лица и, в свою очередь, предоставляет должностному лицу, в чьем производстве находится уголовное дело, возможность отстранения такого лица, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, и привлечения иного законного представителя, способного надлежащим образом обеспечить соблюдение интересов несовершеннолетнего (ч. 4 ст. 426 УПК РФ).

Уголовно-процессуальный закон не содержит каких-либо критериев для определения недобросовестности действий законного представителя, вследствие чего принятие решения об отстранении законного представителя от участия в уголовном деле зависит исключительно от субъективной оценки должностного лица, осуществляющего уголовное преследование. В свою очередь, говоря о правоприменительной практике, необходимо отметить разъяснения Верховного Суда Российской Фе-

дерации, согласно которым к действиям, наносящим ущерб интересам несовершеннолетнего подсудимого, следует относить невыполнение обязанностей, вытекающих из статуса законного представителя, в том числе по воспитанию несовершеннолетнего, либо уклонение от участия в деле в качестве законного представителя, а равно злоупотребление процессуальными и иными правами, отрицательное влияние на несовершеннолетнего, создание препятствий для выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела. Недопустимо также привлечение к участию в деле в качестве законных представителей лиц, которые совершили преступление совместно с несовершеннолетним подсудимым, а также лиц, в отношении которых несовершеннолетний совершил преступление [4]. Указанные критерии недобросовестности законного представителя, безусловно, применимы и на досудебной стадии производства по уголовному делу, но они носят обобщенный характер, поэтому во избежание дознателем (следователем) злоупотребления своим правом и произвольного необоснованного отстранения законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) в постановлении должностного лица, в чьем производстве находится уголовное дело, должны быть указаны конкретные фактические обстоятельства, послужившие основанием полагать, что действия законного представителя наносят ущерб интересам несовершеннолетнего участника производства. Надлежащая мотивированность таких постановлений позволит обеспечить наибольшую объективность их проверки в порядке прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля (ст. ст. 124, 125 УПК РФ).

Стоит отметить, что уголовно-процессуальный закон дает законному представителю возможность самостоятельно реализовывать свои права, в том числе по заявлению ходатайств, отводов, принесению жалоб, представлению доказательств, при этом не связывая их реализацию с волеизъявлением несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого). Вместе с тем следует согласиться с мнением, что законный представитель не выступает вместо несовершеннолетнего на различных этапах уголовного дела, а лишь оказывает вспомогательную помощь для защиты и поддержания правовых гарантий ребенка [5, с. 108–110]. С учетом изложенного, а также того, что возраст уголовной ответственности несовершеннолетних связан со степенью их дееспособности и предполагает способность несовершеннолетних отдавать отчет своим действиям и нести за них ответственность, представляется целесообразным дознателю (следователю) при решении вопроса об отстранении законного представителя выяснять и учитывать мнение несовершеннолетнего обвиняемого

(подозреваемого) о занимаемой по делу позиции законного представителя и совершаемых им процессуальных действиях. Соответствующее мнение несовершеннолетнего и его оценка дознавателем (следователем) должны быть отражены в постановлении в случае принятия решения об отстранении законного представителя.

Подводя итог, необходимо отметить, что возможность отстранения законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) является одним из действенных способов предупреждения и минимизации возможности оказания негативного воздействия (влияния) на несовершеннолетних участников в досудебном производстве, однако механизм реализации указанной нормы нуждается в совершенствовании путем дополнения нормативными предписаниями.

Список источников

1. *Ламинцева С. А.* Процессуальные гарантии реализации прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве // Судья. 2017. № 4.

2. *Стельмах В. Ю.* Дефекты законодательной регламентации уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних // Журнал российского права. 2020. № 10.

3. *Багаутдинов Ш. Ф.* Законные представители несовершеннолетнего обвиняемого, подозреваемого, подсудимого в уголовном судопроизводстве // Юрист-Правоведъ. 2021. № 4(99).

4. *О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. *Черепчук О. П.* Особенности защиты прав несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в случае отстранения законного представителя в производстве по уголовному делу // Теория и практика современной науки : мат-лы XIV междунар. очно-заочной науч.-практ. конф. М., 2024.

РАЗДЕЛ III.

ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Л. Л. Абрамова

К вопросу о статусе преследуемого лица в первоначальной стадии уголовного процесса

Констатация отсутствия должной законодательной регламентации процессуального статуса преследуемого лица в первоначальной стадии уголовного процесса с позиций реализации его права на защиту и возможности полноценно участвовать в процессуальных отношениях, отсутствие ясности в содержании прав и обязанностей, пределов ответственности субъекта, в отношении которого проводится проверка, приводит к их различному истолкованию, к невозможности эффективной защиты своих прав. Исследованию процессуального статуса лица, подвергаемого уголовному преследованию, на этапе возбуждения уголовного дела посвящено множество работ ведущих ученых [1–4].

Однако, несмотря на призывы ученых решить вопрос со статусом лица, в отношении которого проводится предварительная проверка, следует признать, что с 2013 г. изменений, касающихся «узаконивания» положения данного участника так и не последовало. Закономерно ли данное обстоятельство или же процесс закрепления процессуального статуса «заподозренного» требует времени для тщательной проработки? Указанные вопросы заставили автора настоящей статьи вновь обратиться к обозначенной тематике.

Первым шагом в разрешении возникшей неопределенности стало рассмотрение законодательного определения «уголовного преследования». Оно закреплено в п. 55 ст. 5 УПК РФ как процессуальная деятельность стороны обвинения, направленная на изобличение подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Вместе с тем данная конструкция не позволяет уяснить, когда именно осуществляется деятель-

ность — до того, как человек будет официально признан подозреваемым, или после? Справедливой критике подвергает данную дефиницию Л. В. Головкин, считая ее слишком общей [5, с. 37]. Приведенный аргумент вряд ли можно поставить под сомнение, учитывая, что нет единодушия в понимании уголовного преследования не только в научной среде, но и в правоприменительной практике. Для исследования его сущности обратимся к толковому словарю, где говорится, что преследование — это погоня по следам, стремление догнать и поймать, достигнуть цели [6, с. 455]. Таким образом, само слово «преследование» отражает главную особенность деятельности стороны обвинения в уголовном процессе — «установить преступника». Это явно указывает на сугубо изобличительную (обвинительную) направленность анализируемого термина.

Рассмотрение научных подходов к пониманию уголовного преследования заставляет констатировать следующее. Некоторые авторы отождествляют его с обвинением. Эту позицию поддерживал И. Я. Фойницкий, который представлял уголовное преследование как деятельность обвинительного характера [7, с. 3]. Другие ученые считают, что уголовное преследование включает в себя обвинение и рассматривают их как общее и частное [8, с. 21]. Есть еще более широкое понимание уголовного преследования в виде многогранного уголовно-процессуального механизма, включающего процессуальную деятельность государственных органов по исполнению государством обязанностей признавать, соблюдать и защищать права и свободы граждан; совокупность процессуальных действий по выявлению фактов, изобличающих преследуемое лицо; процессуальную деятельность по изобличению подозреваемого или обвиняемого; по раскрытию преступного деяния и борьбе с преступностью [9, с. 23].

Исходя из вышеизложенных рассуждений, полагаем возможным сформулировать некоторые характерные признаки уголовного преследования. Во-первых, это одна из базовых категорий уголовного судопроизводства; во-вторых, оно носит в большей степени публичный и властный характер; в-третьих, осуществляется в строго установленном законом порядке, посредством проведения процессуальных действий; в-четвертых, в его основе лежит вероятностная степень совокупности данных о причастности лица к совершению преступления; в-пятых, оно имеет целью более полное выяснение фактических обстоятельств преступного деяния, выявление и изобличение виновного.

Дальнейшее исследование сконцентрируем на уголовном преследовании в первоначальной стадии уголовного процесса. Ряд ученых отрицает

в принципе наличие уголовного преследования как такового в данной стадии, связывая момент его возникновения лишь со стадией предварительного расследования. Однако есть и те, кто не поддерживают такое мнение. Рассмотрим подробнее различные взгляды на данную проблему.

Так, некоторые процессуалисты точкой возникновения уголовного преследования считают момент вынесения постановления о возбуждении уголовного дела (при этом неважно, известна ли личность подозреваемого или еще нет). Полагают, что в первоначальной стадии уголовного процесса еще не может идти речь об уголовном преследовании, фактически оно начинается со стадии предварительного расследования [10, с. 8].

Другие же авторы началом уголовного преследования называют момент возбуждения дела в отношении определенного лица, чьи данные уже достоверно известны [11, с. 25]. Сторонники этой позиции убеждены в том, что уголовное преследование осуществляется исключительно в двух формах: подозрения и обвинения [12, с. 14]. В качестве подтверждения рассмотренной точки зрения также можно привести и мнение, выраженное в одном из «легендарных» постановлений Конституционного Суда РФ, из которого следует, что факт уголовного преследования и, соответственно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него [13]. Данные выводы мы полностью разделяем, акцентируем при этом внимание на тезисе о том, что преследовать можно только конкретное лицо.

В контексте рассматриваемого вопроса интересно отметить, что в советский период, в 1960 г. сущность уголовного преследования понималась именно как обвинение, соответственно, уголовно преследуемым лицом считался только обвиняемый [14, с. 190]. Подозрение и подозреваемый вошли в сферу уголовного преследования уже гораздо позже. Но при этом как теоретиками, так и самим законодателем практически оставлена без внимания деятельность правоохранительных органов в стадии возбуждения уголовного дела. В частности, неясна позиция законодателя по этому вопросу.

Таким образом, мы приходим к следующим промежуточным выводам. На стадии возбуждения уголовного дела имеется лицо, в отношении которого ведется обвинительная деятельность, ограничиваются его права и свободы, поскольку производится его фактическое задержание, доставление к следователю. Следовательно, мы можем констатировать, что

деятельность правоохранительных органов на первоначальной стадии справедливо относить к уголовному преследованию. Указанное можно охарактеризовать реальным подходом к пониманию уголовного преследования, согласно которому более значим не официальный статус лица, а факт осуществления органом власти изобличающих действий в отношении этого лица. Об этом же говорится в уже упомянутом решении: «право лица на защиту, то есть противодействие уголовному преследованию, гарантируется каждому, вне зависимости от его формального процессуального статуса, в том числе от признания задержанным и подозреваемым, если уполномоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, — удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность» [12]. Полагаем, справедливо относить стадию возбуждения уголовного дела к одному из этапов уголовного преследования.

Обращаясь непосредственно к вопросу о статусе лица, в отношении которого осуществляется предварительная проверка, стоит заметить, что «новый» участник уголовного судопроизводства оформился в тексте закона 2013 г. в результате последовательных изменений в направлении процессуализации первоначальной стадии уголовного процесса. В статье 46 УПК РФ содержится исчерпывающий перечень случаев, когда лицо получает официальный статус подозреваемого. Несложно заметить, что среди них отсутствует «начало проведения предварительной проверки сообщения в отношении конкретного лица». Таким образом, указанное лицо находится за плоскостью процессуального статуса подозреваемого, однако возникает закономерный вопрос о правах и обязанностях данного лица. К сожалению, ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ лишь в общих чертах обозначает круг таковых прав, ограничившись формулировкой «права ... предусмотренные настоящим Кодексом, в частности, не свидетельствовать против самого себя ... пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия властных субъектов». Схожие правоотношения комментирует Конституционный Суд РФ, поясняя, что Конституция предоставляет лицу право пользоваться услугами адвоката вне зависимости от наличия у этого лица официального статуса подозреваемого (еще задолго до приобретения им данного статуса); возможность пользоваться услугами защитника появляется в тот момент, когда право человека на свободу

и личную неприкосновенность было нарушено в связи с уголовным преследованием для выяснения наличия вины [12]. Таким образом, мы видим, что фактическое ограничение прав человека является достаточным для наделения его правом пользоваться услугами защитника, а наличие процессуального статуса второстепенно. Закономерно, что наделение лица возможностью защищаться с помощью адвоката-защитника основывается на осуществлении в отношении него уголовного преследования. Однако системный анализ норм о полномочиях защитника (ст. ст. 49–53 УПК РФ) не раскрывает моментов, связанных с оказанием помощи лицу, в отношении которого проводится проверка. Таким образом, нужно признать, что на сегодняшний день процессуальные возможности данного участника не определены.

Прогнозируя критику оппонентов, считающих, что регулирование, предусмотренное в ст. 144 УПК РФ, является оптимальным и что статья предусматривает участие адвоката, а не защитника, поскольку защищаться пока не от чего, попытаемся развить данную версию. Если уголовное преследование еще не осуществляется, тогда и обязанность обеспечивать защитника по назначению ставится под сомнение. Еще один аргумент — невозможно совмещение в уголовном деле одним лицом одновременно двух статусов: свидетель или подозреваемый, защитник или адвокат. Правдоподобнее выглядит гипотеза о том, что именно защитник должен представлять интересы преследуемого лица на этапе предварительной проверки. Тогда рациональным представляется назвать заподозренного полноценным подозреваемым и наделить его таким же объемом прав.

Аргументами «за» отождествление статуса подозреваемого и статуса лица, в отношении которого ведется предварительная проверка, являются следующие факторы. Во-первых, основываясь на доктрине, под «подозрением» можно понимать вероятностное предположение о совершении лицом преступного деяния. Данные, указывающие на подобные выводы могут появиться как в рамках уже возбужденного против него уголовного дела, так и до этого момента. Во-вторых, как по отношению к подозреваемому, так и по отношению к заподозренному правоохранительными органами ведется избличительная (обвинительная) деятельность. В-третьих, и тот и другой вправе пользоваться услугами защитника.

На основании представленных аргументов можно заключить, что лицо, в отношении которого возникло подозрение, по смысловому содержанию может быть приравнено к подозреваемому. Однако следует подчеркнуть, что данное лицо не может быть отождествлено с обвиняемым, поскольку законодательство требует наличия достаточных доказательств

для предъявления обвинения, а на стадии возбуждения уголовного дела их собирание в необходимом объеме невозможно.

Обобщая вышеизложенное, представляется целесообразным определить в уголовно-процессуальном законе статус лица, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении, и его процессуальные возможности. Сделать это можно, распространив процессуальный статус подозреваемого на стадию возбуждения уголовного дела, наделив лицо статусом подозреваемого с момента фактического задержания, с соответствующим объемом прав.

Предложенный вариант решения рассматриваемой проблемы, по нашему мнению, позволит прийти к более ясному пониманию процессуального статуса лиц, вовлекаемых в уголовно-процессуальную орбиту, к соблюдению их прав и законных интересов.

Список источников

1. *Исмагилова Э. М.* Обеспечение прав лиц, участвующих в стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
2. *Шипицына В. В.* Обеспечение прав граждан в стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010.
3. *Булатов Б. Б.* Процессуальное положение лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность : монография. М., 2013.
4. *Давлетов А. А.* Процессуальное положение личности в стадии возбуждения уголовного дела : монография. М., 2022.
5. *Головкин Л. В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве : монография. СПб., 2002.
6. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : избр. ст. Совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртене. М., 2004.
7. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912.
8. *Козубенко Ю. В.* Уголовное преследование: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.
9. *Хасинов Э. М.* Уголовное преследование по делам о контрабанде вооружения и военной техники: по материалам таможенных органов РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
10. *Картохина О. А.* Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003.
11. *Халиулин А. Г.* Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (проблемы осуществления в условиях правовой реформы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.

12. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 11-П от 27 июня 2000 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

13. Азаренок Н. В. Уголовно-процессуальный порядок появления уголовно преследуемого лица не соответствует логике уголовного преследования // Российский следователь. 2011. № 23.

14. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М., 1968. Т. 1.

Ю. С. Белокурова, Д. С. Крылова

Стратегия разрешения следователем конфликтных ситуаций при производстве обыска

Обыск (ст. 182 УПК РФ) — одно из наиболее сложных и процессуально регламентированных следственных действий. Его проведение связано с ограничением конституционных прав граждан на неприкосновенность жилища и частной жизни, что само по себе создает почву для напряженности. Таким образом, можно сделать вывод, что производство обыска как следственное действие, сопряженное с вторжением в частную сферу личности, обладает высоким конфликтогенным потенциалом.

Еще в 1967 г. А. Р. Ратинов писал, что «ситуация без конфликта — это полное или частичное согласие интересов участников взаимодействия, целей, направленных на усилия на данном этапе расследования. При развитии конкурентных и противоборствующих отношений между участниками процесса возникают конфликтные ситуации различной продолжительности и остроты» [1, с. 23].

Конфликтные отношения при обыске могут возникать между обыскивающим и обыскиваемым, его семьей, свидетелями, поэтому сотрудники правоохранительных органов должны постоянно следить за своими действиями, продумывать форму и содержание речевых оборотов, выбирать сдержанные и правильные манеры поведения [2, с. 86].

В ходе исследования проводился опрос 37 следователей органов внутренних дел Тверской и Ярославской областей, 23 из которых (62%) на вопрос о конфликтных ситуациях при производстве обыска ответили положительно.

При этом опрошенные указали следующие причины возникновения конфликтных ситуаций:

- сопротивление обыскиваемого лица или членов его семьи;
- агрессия со стороны присутствующих, попытки сокрытия или уничтожения искомого;
- несогласие с действиями следователя;
- правовая неосведомленность или сознательное противодействие.

В ходе интервьюирования следователь ОВД из г. Ярославля рассказала о случае, когда по окончании обыска она передала собственнику помещения для подписания протокол, который он вернул в непотребном виде (разрисованный, т. е., по сути, испорченный протокол). Представляется, что данное поведение обыскиваемого лица привело к дискредитации органов следствия и подрыву доверия к правоохранительной системе у других участников уголовного процесса.

Как видится, в данной ситуации нельзя было оставлять вне поля своего зрения обыскиваемое лицо с протоколом на руках, учитывая его агрессивное поведение во время обыска.

В качестве второго примера приведем случай из практики следователя ОВД из г. Твери, которая пригласила для производства обыска квартиры заинтересованное лицо — гражданина Ч. (бывшего мужа подозреваемой). В результате гражданин Ч. подбросил якобы украденные у него ювелирные украшения в вазочку для ключей в прихожей квартиры, в которой проходил обыск. Причем на эту вазочку с украшениями указал сам гражданин Ч. уже в конце обыска. В данном случае имела место явная некачественная подготовка следователя к производству обыска. Представляется, что следователь, зная, что между бывшими супругами существуют значительные разногласия, пригласив на обыск бывшего мужа подозреваемой, сам создал конфликтную ситуацию.

Таким образом, разработка и владение следователем научно обоснованной стратегией разрешения конфликтов при обыске — актуальная задача современной криминалистики и юридической психологии.

Важно отметить, что современные исследования в области криминалистики свидетельствуют о возможности интеграции психологических знаний в процесс предварительного расследования преступлений [3, с. 10].

Выделим стратегию предотвращения и разрешения конфликтов при обыске, под которой следует понимать комплексный план действий следователя, направленный на предотвращение, деэскалацию и разрешение конфликтных ситуаций во время обыска, при строгом соблюдении закона и достижении цели следственного действия.

Важным этапом является подготовка к обыску. В. Л. Васильев рекомендует следователю тщательно готовиться к обыску, применяя в своей профессиональной деятельности ряд вопросов:

- что следует искать, как выглядят разыскиваемые предметы (форма, цвет, запах и т. д.);

- что представляет собой объект, подлежащий обыску: площадь объекта, рельеф объекта, его планировка, количество помещений, количество дверей и окон и их расположение, мебель и ее расположение и т. д.;

- кто, кроме обыскиваемого, может находиться на объекте в момент обыска;

- где могут находиться искомые предметы; какие технические средства и другие материалы следует взять с собой и др. [4, с. 104].

В научной литературе предлагается порядок, построенный на общепсихологических методах воздействия на личность (убеждение, внушение, передача информации, активизация психической деятельности, экспериментирование, анализ и др.) [5, с. 101].

Вторым этапом будет начало обыска и непосредственное взаимодействие. Здесь необходимо четко разъяснить права и обязанности участникам, предъявить постановление о производстве обыска, разъяснить его цель. Делать это необходимо спокойно, уверенно, доброжелательно, четко.

На данном этапе важно дать возможность участвующим лицам высказать возражения, опасения или недовольство. При этом отвечать на эти возражения необходимо, ссылаясь на закон и конкретные основания обыска.

Определяющее значение в возникновении конфликтных ситуаций имеют конфликтогены — слова, действия или бездействие, которые непосредственно приводят к возникновению и развитию конфликта.

Конфликтогены обладают негативной природой. Данный факт объясняется повышенной восприимчивостью субъекта взаимоотношений к высказываниям других лиц по сравнению с собственными словами. Подобного рода чувствительность обусловлена стремлением индивида защитить себя и свое достоинство от потенциальных угроз и посягательств.

Следует учесть, что отдельный конфликтоген, как правило, не способен самостоятельно инициировать конфликт. Необходимо возникновение цепочки конфликтогенов, представляющей собой процесс их эскалации. Эти факторы оказывают влияние на психологическое и эмоциональное состояние индивида поэтапно, накапливая все более значительное напряжение при взаимодействии в процессе производства следственного

действия. В результате, даже при попытках лица не акцентировать внимания на конфликтной ситуации, столкновение становится неизбежным.

Принципиально важно своевременно фиксировать конфликтные проявления, немедленно отражать в протоколе все заявления, возражения и отказы, агрессивные действия со стороны участников. В случае эскалации конфликта с одним из членов семьи рекомендуется, при наличии возможности, изолировать данного участника и продолжить проведение обыска в присутствии остальных лиц. В случае если конфликт не угрожает немедленными негативными последствиями (например, бурные реакции без агрессии), надо дать человеку «выпустить пар», прежде чем предпринимать действия.

Третьим этапом выделим завершение обыска. Независимо от остроты конфликта, завершать его необходимо в рамках закона: предъявить протокол для ознакомления, разъяснить право давать замечания, вручить копию протокола. При этом необходимо поддерживать профессиональный тон до конца следственного действия.

С точки зрения психологических аспектов стратегии необходимо уметь распознавать манипуляции участников обыска, управлять собственным стрессом, избегать «ловушек» конфликта, не демонстрировать превосходство или пренебрежение.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что конфликтные ситуации при производстве обыска — не феномен, а закономерный элемент этого сложного следственного действия. Эффективная стратегия их разрешения не сводится к силовому подавлению, а представляет собой комплексную систему превентивных, коммуникативных, психологических и тактических мер, основанных на безупречном знании закона и понимании человеческой психологии.

Имеются ключевые компоненты успешной стратегии разрешения конфликтных ситуаций.

1. Глубокий ситуационный анализ и подготовка следователя к производству обыска.

2. Профессиональная коммуникация и эмпатия.

3. Сохранение самообладания и контроль эмоций.

4. Четкая правовая аргументация.

5. Гибкость в применении тактических приемов.

6. Скрупулезная процессуальная фиксация.

Владение такой стратегией позволяет следователю не только успешно достигать целей обыска и обеспечивать неотвратимость наказания, но и минимизировать риски нарушения прав граждан, снижать уровень

социальной напряженности и поддерживать авторитет правоохранительных органов.

Особое значение имеет способность сотрудников полиции конструктивно управлять динамикой конфликтной ситуации и обеспечить ее разрешение с минимальными негативными последствиями для себя и окружающих.

Список источников

1. *Ратинов А. Р.* Избранные труды. М., 2016.
2. *Виноградова О. П.* Теория и практика решения конфликтных ситуаций, возникающих в ходе обыска // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 2.
3. *Полтавцева Л. И.* Криминалистика и психология: теоретические предпосылки и практические потребности интеграции : монография. Ростов-н/Д, 2002.
4. *Васильев В. Л.* Юридическая психология : учебник. СПб., 2006.
5. *Грачев Д. С.* Конфликтные ситуации в ходе обыска и способы их разрешения // Вестник магистратуры. 2025. № 1(40).

А. А. Бондаренко

Процессуальный статус участников уголовного судопроизводства при выделении уголовного дела

Порядок выделения уголовного дела в отдельное производство все больше привлекает к себе внимание не только как юридико-техническое решение о разделении единого уголовного производства на несколько самостоятельных, но и как процедура, обязывающая правоприменителя «держать в уме» каждое из выделенных уголовных дел и организовывать их правовое взаимодействие с делом, именуемым основным.

Нормативными предпосылками этому выступают дополнения уголовно-процессуального законодательства в части преюдициального значения отдельных судебных решений (ст. 90 УПК РФ), регулирования процессуального статуса лица, согласившегося на сотрудничество с правоохранительными органами, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство (ст. 56¹ УПК РФ), регламентации порядка обращения с вещественными доказательствами, имеющими значение по нескольким уголовным делам (ч. 3¹ ст. 81, ч. 5 ст. 220, ч. 3¹ ст. 225, ч. 10 ст. 226⁷ УПК РФ). Учет иных, отдельно расследуемых уголовных дел, требует проце-

дура повторного (последовательного) заключения обвиняемого под стражу по выделенному уголовному делу (ч. 12 ст. 109 УПК РФ) [1]. Запрет на оказание юридической помощи тем адвокатом, который представлял другого лица с противоположным интересом в выделенном уголовном деле [2].

В науке уголовного процесса указанные нормативные особенности раздельного расследования уголовных дел получают доктринальное толкование и развитие. В то же время подходы оказываются иногда прямо противоположными. Так, в части, касающейся процессуального статуса участников уголовного судопроизводства, одни авторы исходят из сохранения участником своих процессуальных возможностей как в выделенном, так и в основном уголовных делах. Например, «особый свидетель» вправе пользоваться в основном уголовном деле помощью того защитника, который был ему назначен в деле выделенном; иметь доступ к материалам оконченных уголовных дел в части затрагивающей их интерес [3, с. 12–13; 4, с. 83], хотя положениями ст. 56¹ УПК РФ это не предусмотрено. Авторы исходят из фактического положения лиц в конкретных уголовных делах.

Существует и противоположный подход. В частности О. А. Чабукиани указывает, что при выделении уголовного дела в отдельное производство должен быть решен вопрос об утрате лицом статуса потерпевшего (например, в основном деле) в одном деле и придании такового в другом (выделенном) [5, с. 83–87]. Интересно, что автор использует то же обоснование — фактическое положение лица в каждом из уголовных дел. То есть, при схожей аргументации авторы приходят к разным выводам.

Полагаем, что фактическое процессуальное положение участника уголовного судопроизводства зависит от примененного основания выделения уголовного дела, которое может быть как материальным, так и процессуальным. В первом случае (пример такого основания, являющегося единственным материальным основанием, выступает п. 3 ч. 1 ст. 154 УПК РФ) ситуация характеризуется императивной необходимостью разделения производств, не имеющих между собой никакой связи. Тогда процессуальные статусы участников формируются и процессуально оформляются с учетом обстоятельств конкретного уголовного преследования в соответствующем производстве.

В случаях выделения уголовного дела по процессуальным основаниям (например, уклонение отдельных обвиняемых от расследования, несовершеннолетний возраст участника судопроизводства, наличие оформленного соглашения о сотрудничестве и др.) происходит разделение производств, сохраняющих при этом единый (в части преступного со-

бытия) предмет доказывания. Другими словами, частный интерес лица, потерпевшего от преступления, или лица, изобличаемого в совершении этого преступления, так или иначе сохраняется во всех отдельно расследуемых уголовных делах.

Согласимся с авторами в том, что действительно назрела необходимость нормативного определения процессуального положения участников, сохраняющих персональный интерес в каждом из отдельно расследуемых уголовных дел. Появившегося специального нормативного регулирования (ст. 56¹ УПК РФ), даже в отношении отдельного участника, оказалось явно недостаточно.

До реакции законодателя необходимо определять процессуальное положение лица, с учетом отстаиваемого им личного интереса в конкретном уголовном деле, который недопустимо ограничивать по усмотрению должностного лица. В частности, потерпевший, на наш взгляд, вправе самостоятельно определять, в каком деле он будет отстаивать требование о возмещении вреда, причиненного ему преступлением. Ссылаясь на это волеизъявление, должностное лицо должно обеспечивать иски в том уголовном деле, в котором заявлен иск.

Также законодателем должна быть обеспечена возможность легального обмена доказательственными сведениями между несколькими уголовными делами, появившимися после решения о разделении уголовных производств. Это позволит привлекать соответствующих участников к уголовному судопроизводству однократно, без ущерба для доказывания по каждому из дел.

Список источников

1. *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефимова А. Е. на нарушение его конституционных прав ст. 109 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2020 г. № 6-О.* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2012 г. № 16.* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Табаков С. А. Особенности процессуального статуса лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // Законодательство и практика. 2020. № 1.*

4. *Кальницкий В. В., Бондаренко А. А. Особенности соединенного обвинения : учеб. пособие. Омск, 2022.*

5. Чабукиани О. А. Выделение дела в отдельное производство: как меняется объем прав потерпевшего по основному уголовному делу // Уголовный процесс. 2025. № 4.

А. О. Галимова

Проблемы доказывания специальной цели уклонения от административного надзора

В 2011 г. в российскую правовую систему был включен институт административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Актуальность обозначенного института определяется необходимостью усиления контроля за определенными прямо в законе категориями лиц, освободившимися из мест лишения свободы, и усиления превентивного воздействия на таких лиц. Несоблюдение требований административного надзора зачастую служит предпосылкой для совершения новых преступлений, что подрывает цели исправления и ресоциализации осужденных, в связи с чем, одновременно с закреплением правовых основ такого надзора в Федеральном законе от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ, законодатель подчеркнул важность обозначенного института введением в УК РФ нормы, предусматривающей уголовную ответственность за уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений (ст. 314¹ УК РФ).

Часть первая указанной статьи в качестве самостоятельного состава предусматривает неприбытие лица, в отношении которого установлен срок прибытия к избранному им месту жительства или пребывания после освобождения из мест лишения свободы в определенный администрацией исправительного учреждения срок, а также самовольное (без согласования с контролирующими органами) оставление им места жительства или пребывания, совершенные в целях уклонения от административного надзора. В контексте рассматриваемого состава преступления, значительную сложность (в рамках определения и доказывания) представляет именно такой элемент субъективной стороны состава преступления, как цель.

Общеизвестным в юридической науке является тот факт, что цель, являясь факультативным признаком стороны состава преступления, неразрывно связана с умыслом, и ее роль может оказаться решающей при квалификации преступления [1, с. 58] и, безусловно, входит в круг обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Объективные факты, такие как неприбытие к месту жительства или самовольное оставление места пребывания, сами по себе не доказывают наличие специальной цели. Хотя большинство исследователей сходятся во взгляде на единство понятия цели уклонения от административного надзора, на практике основная сложность заключается в ее установлении и доказательстве. Для правильной квалификации действий поднадзорного лица необходимо выявить сознательное и преднамеренное стремление лица не выполнять требования административного надзора, т. е. его умысел именно на уклонение от контроля уполномоченных органов [2, с. 117].

Законодательство и практика не всегда предоставляют исчерпывающие и четкие критерии, позволяющие однозначно отделить умышленное уклонение от случайного или вынужденного нарушения установленных правил. В данном ключе одна из проблем, влияющих на доказывание, заключается в определении и установлении конкретного перечня объективных фактов, которые могут достоверно свидетельствовать о намерении лица именно избежать контроля.

О наличии намерения уклониться от административного надзора свидетельствуют такие действия или бездействие поднадзорного лица, которые демонстрируют его стремление избежать контроля со стороны органов внутренних дел. В рамках установления цели о ее наличии могут свидетельствовать, например: пребывание в ином месте и совершение там правонарушения (преступления), неоднократная смена места жительства, а также то, что, находясь в ином месте, лицо не предпринимало мер для выполнения административных обязанностей [3, с. 146].

Помимо этого важно установить факт периода уклонения (например, в случае самовольного оставления места жительства или пребывания). Значительный период такого уклонения тоже может стать одним из маркеров наличия у лица цели уклонения от надзора [4, с. 128]. Все указанные обстоятельства должны найти отражение в материалах доследственной проверки — на этапе определения наличия или отсутствия в действиях лица состава преступления.

Таковыми материалами, помимо прочего, могут являться следующие.

1. Предписание администрации исправительного учреждения, обязывающее поднадзорного явиться к определенному месту жительства или пребывания с указанием срока прибытия и предупреждением о возможных последствиях за уклонение от надзора (такое предписание и наличие заверенного подписью поднадзорного лица разъяснения ему последствий свидетельствует о том, что поднадзорное лицо было осведомлено об от-

ветственности за неприбытие к месту жительства или его оставление и в случае совершения таковых действий свидетельствовать и об определенной направленности умысла, и о наличии специальной цели).

2. Различные документы и материалы, полученные из исправительного учреждения, касающиеся характеристики лица, находящегося под административным надзором (в них может содержаться, например, информация об устойчивом противоправном поведении лица в период отбывания наказания).

3. Документы, фиксирующие неприбытие поднадзорного лица к месту жительства или его отсутствие там (рапорты сотрудников контролирующих органов, акты проверок).

4. Показания лиц, поддерживающих или поддерживавших связь с поднадзорным (в том числе и в период отбывания наказания в местах лишения свободы).

5. Иные подтверждающие принятие мер по установлению местонахождения лица документы.

При опросе или допросе поднадзорного лица необходимо выяснять, было ли ему достоверно известно об установлении в отношении него административного надзора и конкретных ограничений административно-правового характера. Также необходимо выяснять и фиксировать факт осведомленности лица, в отношении которого установлен административный надзор, о возможности применения мер уголовного воздействия по ст. 314¹ УК РФ. Подлежат выяснению и обстоятельства, послужившие основанием нарушения мер административного ограничения; информация о том, где и с кем находилось поднадзорное лицо в период уклонения, а также сведения о том, было ли известно кому-нибудь об установлении в отношении него административного надзора.

Выяснение и надлежащее закрепление таких фактов позволит располагать наиболее полным объемом доказательственной информации о наличии или отсутствии у лица специальной цели уклонения от административного надзора.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что несмотря на наличие разъяснений Верховного Суда РФ, практика применения статьи 314¹ УК РФ отличается неоднородностью. Это связано с разной степенью оценки доказательств и неодинаковым подходом к установлению специальной цели, что снижает эффективность уголовного преследования.

Кроме того, к числу проблем можно отнести также тот факт, что большинство дел рассматриваются в особом порядке, где обвиняемый признает вину, что может приводить к формальному подходу и недоста-

точной проверке наличия умысла. Это повышает риск ошибочного привлечения к уголовной ответственности.

Отсутствие четких критериев и сложность установления умысла создают значительные проблемы в правоприменительной практике. Совершенствование методик расследования, повышение квалификации правоохранителей и развитие нормативной базы позволят повысить эффективность борьбы с уклонением от административного надзора, обеспечив при этом законность и справедливость уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Бавсун М. В., Марцев А. И., Спиридонов А. П. Развитие субъективной стороны преступления в уголовно-правовой доктрине // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 1(48).

2. Биццев З. В. Цель уклонения от административного надзора, как криминообразующий признак состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314¹ УК РФ // Известия Тульского государственного университета. 2024. № 4.

3. Галимова М. А., Астахова А. О., Акиев А. Р. Административный надзор за лицами, освободившимися из мест лишения свободы: правовая регламентация и проблемы реализации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 4(45).

4. Матеров С. В., Васильева Ж. С. Особенности производства доследственной проверки и дознания по фактам уклонения от административного надзора // Право и практика. 2018. № 3.

О. В. Карпова

Охранительные начала в системе принципов уголовного судопроизводства Российской Федерации

Права человека, их генезис, социальные корни, назначение — одна из вечных проблем исторического, социально-культурного развития человечества, прошедшая через тысячелетия и неизменно находившаяся в центре внимания политической, правовой, этической, религиозной, философской мысли. Права человека — сложное, многогранное явление. В различные эпохи проблема прав человека, неизменно оставаясь политико-правовой, приобретала либо религиозное, либо этическое, либо философское звучание, в зависимости от социальной позиции находившихся у власти классов.

Е. А. Лукашева [1, с. 109–110].

В отечественном уголовном судопроизводстве впервые в отдельную главу закона выделены принципы уголовного процесса. В отличие от ранее действующего кодекса законодателем определено назначение уголовного судопроизводства. Приоритетными направлениями определены защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а равно защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Вектор охранительных начал законодатель последовательно закрепил в системе принципов уголовно-процессуального права. Профессор В. Т. Томин объединял охранительные начала в отдельный принцип — «обеспечение законных интересов личности в уголовном процессе», который включает в себя восемь статей уголовно-процессуального закона: ст. ст. 9–13, 16, 18, 19 УПК РФ. Целью проводимого исследования является анализ всей системы принципов уголовного судопроизводства через призму охранительных начал.

В юридической литературе высказаны различные подходы относительно количественного и качественного содержания системы принципов. В рамках данного исследования представляется возможным рассматривать положения главы 2 УПК РФ — со ст. 6¹ по ст. 19 УПК РФ включительно. Принимая во внимание сущностные характеристики указанных положений закона, представляется целесообразным классифицировать принципы уголовного судопроизводства на следующие группы: 1) принципы, определяющие порядок уголовно-процессуальной деятельности; 2) принципы, наделяющие участников процесса комплексом прав и обязанностей; 3) принципы, обеспечивающие процессуальные гарантии участникам уголовного судопроизводства. Данная классификация в определенной степени условна в силу того что одна и та же норма закона, являясь элементом процессуального порядка, может предоставлять участнику процесса право или возлагать на него какую-либо обязанность и одновременно быть процессуальной гарантией.

Дискуссия относительно ст. 6¹ УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства» не препятствует отнесению данной нормы к положениям, определяющим порядок уголовного судопроизводства и предоставляющим участникам процесса гарантию «быстрого раскрытия и расследования преступления». Данное положение в настоящее время не закреплено в УПК РФ в качестве задачи, тем не менее, осуществление уголовного судопроизводства в установленные законом сроки предполагают своевременность принятия процессуальных решений, продолжительность досудебного производства, возможность ускорения рассмо-

тения дела. Иной подход применяется в УПК отдельных зарубежных стран. Так, законодателем Республики Узбекистан в ст. 2 УПК задачей уголовно-процессуального законодательства указано быстрое и полное раскрытие преступлений. Своевременность раскрытия преступлений обозначена в качестве задачи уголовного судопроизводства в ст. 2 УПК Республики Таджикистан.

Одной из задач уголовного судопроизводства, по УПК Кыргызской Республики, является быстрое и полное расследование преступлений. В этой же редакции данная задача закреплена в ст. 7 УПК Республики Беларусь. Законодатель Республики Казахстан соединил уголовно-правовую и уголовно-процессуальную составляющие данной задачи и закрепил ее в ст. 8 уголовно-процессуального закона как «быстрое и полное раскрытие, расследование уголовных правонарушений». Из цитируемой нормы следует, что целью уголовного судопроизводства является не только установление лиц, совершивших преступление, но и привлечение их в установленном законом порядке к уголовной ответственности.

Наряду с положениями ст. 6¹ отечественного уголовно-процессуального закона ст. ст. 7, 8, 8¹, 17 УПК РФ также можно отнести к числу принципов, определяющих порядок уголовно-процессуальной деятельности. Названные положения закона, кроме того, являются процессуальными гарантиями для участников процесса и исключают любые незаконные и необоснованные ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Согласно выведенной профессором В. Т. Томиным формуле, «законные интересы вовлеченных (или могущих быть вовлеченными) в уголовное судопроизводство граждан не должны ущемляться ни на йоту больше, чем это необходимо для достижения цели уголовного процесса (исполнения назначения уголовного судопроизводства) и/или защиты законных интересов других участников уголовного судопроизводства» [2, с. 200].

Особое внимание в гл. 2 УПК РФ уделяется обеспечению конституционных прав личности — уважению чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), неприкосновенности личности (ст. 10 УПК РФ), неприкосновенности жилища (ст. 12 УПК РФ), тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ). На страницах юридической печати данные положения закона относят к «общеправовым конституционным принципам» [3, с. 276]. В. П. Божьев определял принципы как закрепленные в Конституции РФ и на ее основе в УПК РФ основополагающие правовые идеи, которые образуют фунда-

мент всего уголовного процесса и называл их «конституционными принципами» [4, с. 57-58].

Как справедливо отмечает О. В. Химичева, традиционные отечественные нравственные ориентиры (жизнь, достоинство, права и свободы человека, высокие нравственные идеалы, гуманизм, справедливость и др.) являются идейными источниками уголовного процесса и в целом представлены в действующем уголовно-процессуальном законе. Их проводниками, по ее мнению, являются принципы уголовного судопроизводства, посредством которых они и пронизывают всю уголовно-процессуальную деятельность [5, с. 13–14].

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Система принципов уголовного судопроизводства — это фундаментальные начала, которые определяют систему и содержание стадий уголовного процесса, институтов и норм, отражают охранительную направленность возникающих правоотношений, обеспечивают участникам процесса установленные законом процессуальные гарантии, а также надлежащий порядок соблюдения их прав и обязанностей.

2. Представляется целесообразным классифицировать принципы уголовного судопроизводства на следующие группы: 1) принципы, определяющие порядок уголовно-процессуальной деятельности; 2) принципы, наделяющие участников процесса комплексом прав и обязанностей; 3) принципы, обеспечивающие процессуальные гарантии участникам уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Смолькова И. В. Юридические афоризмы. М., 2013.
2. Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М., 2009.
3. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Голловко. М., 2017.
4. Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. М., 2012.
5. Химичева О. В. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных ориентиров российского общества // Журнал российского права. 2025. № 1.

М. Р. Каршиев

Поручение следователя как форма содействия при применении мер уголовно-процессуального принуждения

Российская модель досудебного производства построена на строгом разграничении процессуальных и оперативно-розыскных функций. Одновременно эффективное раскрытие преступлений требует их тесного взаимодействия. Так, п. 4 ч. 2 ст. 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) предоставляет следователю право поручать органу дознания производство как отдельных следственных действий, так и оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) [1, с. 73–74]. Несмотря на кажущуюся «техническую» природу, поручение является ядром механизма применения мер уголовно-процессуального принуждения, поскольку именно в нем сходятся требования оперативности и процессуальной законности. Нарушение баланса приводит к признанию доказательств недопустимыми, что подтверждается как практикой кассационных судов общей юрисдикции [2], так и позицией Конституционного Суда Российской Федерации¹.

Конструкцию поручения образуют три обязательных элемента.

Первый — указание на правовые основания принудительной меры. Для задержания это факты, перечисленные в ст. 91 УПК РФ; для меры пресечения — обстоятельства, подпадающие под ст. ст. 97 и 99 УПК РФ; для иных мер процессуального принуждения — обстоятельства, подпадающие под ст. 111 УПК РФ.

Второй — детальный перечень исполняемых действий и пределы применения силы. При задержании следователь обязан обозначить тактический алгоритм: время, место, необходимость блокирования транспортных путей, допустимый объем спецсредств.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бухрова Дмитрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 84, 86 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 2 и 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 2008 г. № 104-О-0; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Урванцевой Веры Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 86, 87 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 2, 6 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2017 г. № 2211-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Третий — процессуальный режим отчетности: срок доставки подозреваемого к следователю с протоколом о его задержании после выполнения поручения составляет не более 24 часов; обязательная видеорегистрация; немедленная передача изъятых предметов следователю для приобщения к материалам уголовного дела согласно ст. 81 УПК РФ.

Часть 7 ст. 164 УПК РФ допускает участие оперативного сотрудника в следственном действии, но не заменяет институт поручения. Это ограничение подчеркнуто постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 [3], где прямо указано на недопустимость получения вещественных доказательств в порядке оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) минуя процессуальную форму.

Оперативное задержание начинается с ориентировки, подписанной следователем, где помимо кратких анкетных данных подозреваемого указывается ссылка на возбужденное уголовное дело и конкретный пункт ч. 1 ст. 91 УПК РФ. В поручении фиксируются: фамилия старшего группы захвата, алгоритм медицинского освидетельствования задержанного в соответствии с приказом Минздрава России от 19 ноября 2021 г. № 1079н [4]. Освидетельствование включает обязательную проверку на наличие телесных повреждений, признаков алкогольного или наркотического опьянения, с составлением акта установленной формы и передачей его копии следователю не позднее двух часов с момента задержания. Оперативный сотрудник обязан обеспечить немедленную доставку лица в медицинское учреждение и зафиксировать выполнение поручения в рапорте, подлежащем приобщению к материалам уголовного дела.

На стадии ходатайства следователь опирается на двойной массив данных: доказательственную базу (ст. 73 УПК РФ) и результаты ОРМ, приобщенные в порядке ст. 89 УПК РФ. Практика показывает, что суды удовлетворяют 95% ходатайств следователей о заключении под стражу, если в материалах дела имеется поручение об установлении круга общения подозреваемого (обвиняемого), подтверждающее риск давления на потерпевшего, свидетелей и очевидцев совершенного преступления [2].

Исполнение мер пресечения также детализируется поручением. Так, при домашнем аресте подразделение по делам несовершеннолетних МВД России ежедневно направляет в адрес следователя отчет о геолокации браслета, а в случае сбоя системы немедленно выезжает для проверки. Аналогичный порядок установлен пунктом 20 Приказа Министерства юстиции России, МВД России, Следственного комитета России и ФСБ России от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/371 [5].

Особое место занимает залог. После определения судом суммы следователь поручает банковскому учреждению открыть специальный счет и уведомляет Росфинмониторинг о транзакции. Такое поручение позволяет заблокировать попытки перечисления залога из аффилированных преступных источников.

В продолжение считаем необходимым рассмотреть иные меры принуждения. В случае *привода* (ст. 113 УПК РФ) поручение включает не только адрес проживания, но и обратный маршрут транспортировки для фиксации времени фактического привода. Указание следователя о переносе допроса более чем на два часа требует отдельного постановления, иначе привод признается незаконным.

Временное отстранение от должности (ст. 114 УПК РФ) — следователь поручает подразделению собственной безопасности работодателя обеспечить немедленную конфискацию служебных ключей и идентификационных карт. Отчет об исполнении приобщается к материалам дела в качестве подтверждения устранения угрозы уничтожения доказательств.

Наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ) — оперативные сотрудники отдела экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России, действуя по поручению следователя, проводят опись активов с применением мобильного приложения «АРЕСТ-24», генерирующего QR-код для каждого объекта. Судебная практика 2022–2024 гг. подтвердила, что такая цифровая фиксация исключает подмену имущества и облегчает контроль за сохранностью [2].

Комплексное поручение характеризуется тем, что в нем заранее заложено условие автоматического перехода от ОРМ к следственным действиям. Пределы такого перехода определяются четырьмя критериями:

- а) обнаружение предметов, требующих немедленного изъятия;
- б) задержание лица с поличным;
- в) возникновение угрозы жизни потерпевшего;
- г) необходимость сохранения неотложных следов.

Включение этих критериев в ст. 38 УПК РФ ликвидировало правовой вакуум, однако требует унификации форм отчетности, что должно быть закреплено совместным приказом МВД России, Министерства юстиции России, ФСБ России, ФСИН России и СК России.

В заключение считаем необходимым рассмотреть перспективы развития института поручения.

1. *Кодификация формуляра.* В рамках цифровой трансформации уголовного судопроизводства в 2024 г. СК РФ инициирована апробация электронного формата оформления и исполнения поручений следователя, в том

числе касающихся мер уголовно-процессуального принуждения. Новый формат направлен на обеспечение процессуальной определенности и подотчетности: каждому поручению автоматически присваивается уникальный идентификационный номер, используются усиленные квалификационные электронные подписи, а сроки исполнения контролируются в цифровом режиме. Такая модель способствует исключению произвольного исполнения процессуальных решений, повышает оперативность реагирования со стороны органов, привлекаемых к исполнению поручений, а также формирует полноценный цифровой след, необходимый для последующего процессуального контроля. В этой связи представляется необходимым распространить указанный подход на все следственные подразделения субъектов РФ и обеспечить межведомственную интеграцию с автоматизированными информационными системами МВД России и ФСБ России.

2. *Расширение судебного контроля.* Предлагается дополнить главу 16 УПК РФ нормой, предоставляющей суду право в апелляционном порядке проверять законность поручения, в том числе касающихся мер уголовно-процессуального принуждения, наряду с протоколами задержания и обыска.

3. *Стандартизация видеорегистрации.* Внести поправки в ст. 164 УПК РФ, обязывающие оперативных сотрудников фиксировать на видео исполнение любого поручения, связанного с применением физической силы или изъятием имущества, в том числе касающихся мер уголовно-процессуального принуждения.

Таким образом, эффективное уголовное преследование невозможно без гибкой, но юридически прозрачной модели взаимодействия следователя и оперативных подразделений. Поручение оказалось тем «шарниром», который соединяет сиюминутную потребность в силовом воздействии с конституционным принципом охраны прав личности. Опыт последних лет демонстрирует, что чем подробнее регламентированы структура поручения, порядок отчетности и технические средства фиксации, тем устойчивее результаты расследования в суде. Поэтому дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства должно быть направлено на цифровизацию поручений, расширение судебного контроля и унификацию ведомственных регламентов.

Список источников

1. *Ларичева И. В.* Взаимодействие следователя с органами дознания как институт уголовно-процессуального права : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2024.

2. *Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ.* URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 29.05.2025).

3. *О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. *Об утверждении Порядка проведения медицинского освидетельствования, включая проведение химико-токсикологических исследований наличия в организме иностранного гражданина или лица без гражданства наркотических средств или психотропных веществ либо новых потенциально опасных психоактивных веществ и их метаболитов, на наличие или отсутствие у иностранного гражданина или лица без гражданства инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, и заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции), формы бланка и срока действия медицинского заключения об отсутствии факта употребления наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также формы, описания бланка и срока действия медицинского заключения о наличии (отсутствии) инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих* : приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 ноября 2021 г. № 1079н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. *Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашнего ареста или залог* : приказ Министерства юстиции России, МВД России, Следственного комитета России и ФСБ России от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/371. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

П. В. Козловский

Понятие и роль «начала» в уголовном процессе: теоретический анализ

Понятие «начало» широко используется в юридической науке, но часто употребляется нестрого, дается на базе чувственных восприятий с помощью примеров [1, с. 9], без конкретизации содержания как в уголовном процессе [2], так и в иных отраслях права [3]. В русском языке начало понимается как исходная точка, первоисточник, основа, сущность чего-либо [4, с. 476].

В рамках естественно-правового подхода начала — это прогрессивные ценности, которыми определяются существенные черты судостроительства и судопроизводства [5, с. 326]. В рамках социологического позитивизма начала отождествляются с теми ценностями, которые сложились в общественном правосознании. Развитие правового регулирования сторонники социологической юриспруденции связывают с идеей справедливости [6, с. 9].

Представления о нравственных началах как внешней категории, детерминирующей развитие права, нашли свое развитие в различных работах по уголовному процессу [7, с. 14; 8; 9].

Распространенным является использование понятия «начало» как синонима принципа или общего условия какой-либо из стадий уголовного процесса [10, с. 44; 11, с. 87–98; 12, с. 207; 13, с. 138; 14, с. 88], что представляется не совсем верным.

Основными признаками принципа являются его нормативное воплощение и регулятивная роль, которую не могут играть мировоззренческие идеи и теоретические модели, разработанные и существующие в форме научного знания. Начало выступает в качестве основополагающей идеи, которая может быть закреплена в праве (становится принципом), а может оставаться исключительно мировоззренческой идеей [15, с. 150–151]. Начало может также пониматься как социально-политическая основа для формирования принципов. В рамках указанного понимания начала отделены от принципов, являются по отношению к ним более общими и определяющими, в нашем случае — построение уголовного процесса.

Понятие «начало» широко используется и в иных значениях. Д. А. Печегин, анализируя построение уголовного процесса, выделяет следственное [16] и состязательное [17] начало, как два противоположных элемента, представляющих собой совокупность базовых положений идеальных моделей уголовного процесса [18, с. 167].

Впервые определение этого понятия в уголовном процессе предложено Л. Н. Масленниковой: теоретическая модель основы уголовного судопроизводства, систематизирующими элементами которой являются интересы, их характер, носители, средства защиты [19, с. 13].

А. С. Барабаш указывает на связь начала с сущностью и формированием на его основе системы принципов, рассматривая его как более широкое понятие — основание, которое определяет природу российского уголовного процесса, лежит в основе его модели и системы принципов [20, с. 16, 55–56].

А. А. Брестер формулирует определение начала как обуславливающее построение уголовно-процессуальной деятельности, соотношение частных и публичных интересов, при котором один преобладает над другим и которое сложилось в обществе (конкретном социуме) под влиянием объективных факторов его развития [21, с. 8–12].

Утверждение о едином начале уголовного процесса представляется спорным, если рассматривать его как основу принципов и иных общих положений. Уголовный процесс — всегда результат компромисса различных интересов. Преобладание какого-либо подхода в конкретный исторический период не образует нового, непротиворечивого общего положения (смешанный процесс строится на соотношении следственного и состязательного начала, но не приводит к их слиянию и формированию единой теоретической конструкции в результате слияния двух моделей).

Начала в уголовном процессе — это сформированные на основе фундаментальных мировоззренческих идей теоретические модели, представляющие собой самостоятельное явление и существующие вне уголовно-процессуального законодательства. Они возникают под влиянием социально-правовых, нравственных и политических факторов, находят отражение в нормах права.

Уяснение содержания указанных теоретических конструкций имеет практическое значение для гармоничного сочетания различных начал (следственного и состязательного, частного и публичного и др.) в уголовно-процессуальном законодательстве и правоприменительной деятельности.

Список источников

1. Барабаш А. С., Брестер А. А. Метод российского уголовного процесса. СПб., 2013.
2. Суходолов А. С. Публичные и частные начала в уголовном преследовании: поиск модели взаимодействия // Российский судья. 2024. № 7.

3. *Ефанов И. А.* Соотношение публично-правовых и частно-правовых начал в правовом регулировании земельных отношений в пореформенной России: вторая половина XIX — начало XX вв. : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011.

4. *Большой академический словарь русского языка.* М., 2008. Т. 11.

5. *Чичерин Б. Н.* Курс государственной науки. М., 1894. Ч. I.

6. *Муромцев С. А.* Право и справедливость (Отрывок из публичной лекции) // Сборник правоведения и общественных знаний: труды Юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете, и его статистического отделения. СПб., 1893. Т. 2.

7. *Антонов И. А.* Нравственно-правовые начала уголовно-процессуальной деятельности: Теоретические идеи и правоприменительная практика : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005.

8. *Шурухнов Н. Г.* Нравственные и религиозные начала норм, регулировавших следствие по УУС 1864 года // Уголовное судопроизводство. 2014. № 3.

9. *Грабец С. Г.* История развития гуманистических начал в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве // Адвокат. 2011. № 3.

10. *Чельцов М. А.* Советский уголовный процесс. 4-е изд., испр. и перераб. М., 1962.

11. *Полянский Н. Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956.

12. *Хатуаева В. В.* Соотношение публичного и частного (диспозитивного) начал в современном уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2008. № 2.

13. *Демидов Н. Ф.* Принципы советского уголовного процесса // Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Байкова, И. И. Карпеца. М., 1989.

14. *Келина С. Г., Кудрявцев В. Н.* Принципы уголовного права. М., 1988.

15. *Алексеев С. С.* Общая теория социалистического права (курс лекций) : учеб. пособие. Свердловск, 1963.

16. *Печегин Д. А.* Следственное начало уголовного судопроизводства // Журнал российского права. 2017. № 5.

17. *Печегин Д. А.* Состязательное начало уголовного судопроизводства // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1.

18. *Печегин Д. А.* Сочетание состязательного и следственного начал при производстве дел в международном уголовном суде : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

19. Масленникова Л. Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : дис. ... д-ра юрид. наук. М, 2000.

20. Барабаш А. С. Публичное начало российского уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2006.

21. Брестер А. А. Начало, форма и метод российского уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2013.

Н. С. Комарова

Предмет доказывания по преступлениям, предусмотренным статьями 264¹, 264², 264³ Уголовного кодекса Российской Федерации

Проблема обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации продолжает оставаться одной из наиболее актуальных. С того момента, как ответственность за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения изменилась с административной на уголовную, прошло уже почти десять лет. За это время вступило в законную силу достаточное количество обвинительных приговоров по статьям 264¹, 264², 264³ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), которые позволили сформировать представление о «механизме составления материала предварительной проверки по факту выявления правонарушения» [1, с. 14–20].

Кратко указанный материал выглядит следующим образом: в случае выявления лица с признаками опьянения, управляющего автомобилем, общественным транспортом (автобусом, троллейбусом, трамваем) либо другим механическим транспортным средством, сотрудник полиции применяет соответствующие меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, оформляет необходимые документы, к которым относятся:

- протокол об устранении от управления транспортным средством;
- определение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования (когда имеются основания полагать, что лицо находится в состоянии наркотического опьянения);
- акт освидетельствования на состояние алкогольного опьянения (заключением является отказ лица от прохождения освидетельствования на наличие алкогольного или наркотического опьянения);

— протокол о направлении на медицинское освидетельствование на наличие опьянения (составляется в случае необходимости направления лица на медицинское освидетельствование);

— акт медицинского освидетельствования на состояние опьянения (в случае проведения медицинского освидетельствования);

— протокол об административном правонарушении;

— протокол о задержании транспортного средства;

— объяснение лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении (с обязательным выяснением факта наличия действующего административного правонарушения по ст. ст. 12.8, 12.26 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ) либо судимости, предусмотренной чч. 2, 4, 6 ст. ст. 264 и 264¹ УК РФ;

— объяснения понятых, присутствовавших при освидетельствовании лица на состояние алкогольного опьянения. Объяснения понятых должны быть составлены в письменном виде (нельзя применять шаблоны объяснений, составленные с использованием ПЭВМ);

— копии документов (сертификат, лицензия), подтверждающих готовность к работе прибора, анализирующего концентрацию этанола в выдыхаемом лицом воздухе;

— копии документов, удостоверяющих личность правонарушителя;

— данные о проверке по имеющимся в ГИБДД оперативно-справочным учетам.

Дознаватель при рассмотрении сообщения осуществляет проверочные действия, руководствуясь ст. ст. 144–145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), приказа МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях», в ходе осуществления которых изучит представленные материалы. В обязательном порядке необходимо получить объяснения у сотрудников Госавтоинспекции или участкового уполномоченного полиции; при необходимости — истребовать документы и назначить судебно-медицинскую экспертизу.

При расследовании по уголовному делу подлежат доказыванию обстоятельства, установленные ст. 73 УПК РФ, в зависимости от особенностей диспозиции ст. ст. 264¹, 264², 264³ УК РФ.

При доказывании события преступления необходимо в обязательном порядке установить факт управления автомобилем, трамваем либо другим

механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения (алкогольного или наркотического) или невыполнения законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного ст. ст. 264¹, 264², 264³ УК РФ.

При определении времени совершения преступления необходимо установить, что лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о применении административного наказания до истечения одного года со дня назначения исполнения данного постановления.

Как правило, осмотр автомобиля или иного транспортного средства, которым управлял обвиняемый (подозреваемый), производится в ходе осмотра места происшествия еще до принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела. В случае если транспортное средство не было осмотрено в ходе указанного следственного действия, дознаватель вправе провести осмотр изъятых транспортных средств, по результатам которого признать транспортное средство вещественным доказательством, о чем вынести соответствующее постановление.

Ранее рассматривался вопрос о принятии на стадии предварительного расследования решения о возвращении такого вещественного доказательства собственнику [2, с. 347–351]. Однако в связи с дополнениями, внесенными Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ в п. «д» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ, предусматривающий конфискацию транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного ст. ст. 264¹, 264², 264³ УК РФ, в соответствии со ст. 160¹ УПК РФ дознавателю необходимо своевременно принять меры по наложению ареста на транспортные средства*.

По окончании предварительного расследования в случае принятия решения о направлении уголовного дела прокурору дознавателем составляется итоговый процессуальный документ — обвинительный акт.

* Согласно отчету формы федерального статистического наблюдения 1-ЕМ «Сведения о следственной работе и дознании органов внутренних дел» по итогам 5 месяцев 2025 г. дознавателями УМВД России по Омской области наложен арест на транспортные средства на 45 транспортных средств на общую сумму 14 967 000 (или 386,44% от заявленного) АППГ — 8 534 000 (или 185,2%). Документ официально не публиковался.

Список источников

1. *Рогова Е. В., Семенюк Е. В.* Особенности выявления лиц, управляющих транспортным средством в состоянии наркотического опьянения, в рамках привлечения к уголовной ответственности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. 2020. № 1.

2. *Ларин Е. Г., Смирнова С. Д.* Особенности производства предварительной проверки и дознания по преступлению, предусмотренному ст. 264¹ УК РФ // Законодательство и практика. 2016. № 1.

Е. Е. Коробкова

Представление результатов работы инспектора по делам несовершеннолетних следователю

Предпосылкой для обозначенного предмета статьи выступает само содержание деятельности инспектора по делам несовершеннолетних в органах внутренних дел РФ (далее по тексту — инспектор ПДН), которая в соответствии с Инструкцией, утвержденной приказом МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации», включает в себя в том числе:

- проведение профилактической работы с несовершеннолетними обвиняемыми (подозреваемыми) в совершении преступлений (пп. 2.1, 2.2);

- разъяснение юридических последствий решений об освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности вследствие акта об амнистии или в связи с примирением с потерпевшим, деятельным раскаянием, с назначением судебного штрафа, а также в случаях, когда ставится вопрос о возможности принудительных мер воспитательного воздействия (подп. «д» п. 2.1.1);

- выявление лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений или совершающих в отношении них какие-либо противоправные действия (п. 2.3);

- реализация мер по розыску скрывшихся несовершеннолетних, в том числе по уголовным делам (п. 2.4);

- обеспечение в пределах своей компетенции прав несовершеннолетних и их законных представителей (п. 2.15);

- исполнение поручений должностных лиц органов расследования о производстве отдельных следственных действий (п. 2.16);

— обследование условий жизни и воспитания несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления с предоставлением в орган предварительного расследования акта об обследовании семейно-бытовых условий жизни несовершеннолетнего, характеристик с места учебы или работы и справки с изложением необходимой для расследования конкретного уголовного дела информации (пп. 2.16.1–2.16.8);

— взаимодействие с органами предварительного расследования в целях установления причастности несовершеннолетнего к совершенному преступлению, недопущение совершения нового преступления (п. 2.17) и др.

Представленная неполная характеристика деятельности инспектора ПДН показывает его значимую вовлеченность в процесс предварительного расследования уголовного дела, где в качестве участника привлечен несовершеннолетний (причем как в качестве преследуемого лица, так и потерпевшего).

При этом очевидно, что инспектор чаще всего действует не руководствуясь прямым поручением следователя (дознателя), а ввиду собственного должностного предназначения, которое определено не нормами УПК РФ, а федеральными законами от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», а также ведомственным приказом МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации».

В результате инспектор ПДН уже на этапе предварительной проверки сообщения о преступлении (а иногда и до ее начала) фактически собирает сведения, имеющие доказательственное значение. Продолжается инспектором ПДН по сути своей доказательственная деятельность и в процессе предварительного расследования.

При таких предпосылках уместно ставить вопросы: во-первых, о возможности инициативного сбора сведений инспектором ПДН, в том числе являющихся частью предмета доказывания по уголовному делу, а во-вторых, о порядке представления таких сведений следователю (дознателю), когда от органа предварительного расследования не поступало соответствующего поручения.

Положительный ответ на первый из вопросов уже просматривается из описанного содержания деятельности инспектора ПДН. В силу профессиональных обязанностей им устанавливаются: а) личность не-

совершеннолетнего, его законных представителей, круг его общения; б) обстоятельства совершения противоправного действия; в) условия его проживания, обучения; г) психофизиологическое состояние и необходимость оказания несовершеннолетнему медицинской помощи; д) влияние на несовершеннолетнего взрослых, установление фактов склонения к противоправной деятельности. Все перечисленные обстоятельства, как правило, входят в предмет доказывания по уголовному делу и должны быть переданы следователю (дознавателю).

Важно также сказать и о том, что получение инспектором ПДН указанных сведений обеспечено серьезным принудительным потенциалом: а) возможностью доставления несовершеннолетнего и его законных представителей в дежурную часть органа внутренних дел; б) обследованием помещений на предмет неблагоприятных или не соответствующих нормам условий проживания и воспитания несовершеннолетнего; в) направлением несовершеннолетнего для оказания последнему медицинской помощи в случаях выявления какого либо вида опьянения (наркотического, алкогольного, токсического или иного) [1, с. 129–130].

Полагая, об инициативности инспектора ПДН мы можем говорить и в случаях наличия письменного поручения следователя. Например, в ходе проводимого обследования условий проживания несовершеннолетнего обнаружены предметы преступного посягательства, орудия преступления или предметы и вещества, изъятые из свободного гражданского оборота. Несмотря на нормативную основу осуществляемых действий, инспектор ПДН, на наш взгляд, должен иметь возможности реагирования на указанные случаи путем изъятия этих предметов и передачи для последующей оценки следователю. Результатом такого изъятия должен быть протокол, составленный по правилам, предусмотренным Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

Известны случаи, когда правоприменители «маскируют» вполне логичные действия под ситуацию обнаружения нового преступления. Составляется рапорт об обнаружении признаков преступления и проводятся процессуальные действия, предусмотренные ст. 144 УПК РФ. Впоследствии такое сообщение о преступлении (а с ним и материал проверки) приобщаются к ранее зарегистрированному сообщению в порядке, предусмотренном соответствующей Инструкцией [2].

Причину такого фактически сформировавшегося подхода видим в том, что форма представления данных сведений законом (и ведомственным регулированием) не определена. Поэтому сложно показать «прозрачность» перехода полученных сведений в уголовный процесс.

Правоприменению известен аналог — Инструкция о представлении результатов ОРД следователю, дознавателю и в суд, утвержденная приказом МВД России от 27 сентября 2013 г. № 776. Думается, что подобный подход должен быть взят за основу. Не имеет принципиального значения правовая природа сведений, получаемых вне уголовного производства, главное — показать путь их появления в уголовном деле. При получении сведений, имеющих значение для уголовного дела, инспектор ПДН должен обратиться к начальнику соответствующего отдела полиции (полагая, в форме рапорта), который, в свою очередь, выносит постановление о представлении материалов следователю (дознавателю).

Список источников

1. *Настольная книга инспектора по делам несовершеннолетних : метод. пособие / под ред. С. И. Гирько и Ю. Н. Давыдова. М., 2014.*
2. *Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

С. С. Крипиневич

Индивидуализация уголовно-процессуальной формы как средство обеспечения прав участников уголовного судопроизводства

М. Л. Якуб отмечал, что «дифференцированный порядок судопроизводства по делам различных категорий — необходимое условие эффективного и рационального построения процесса, законности и последовательного осуществления, демократических начал правосудия» [1, с. 79–80].

Дифференциация уголовно-процессуальной формы стала ключевой тенденцией в развитии отечественного уголовного процесса. Основным вектором таких преобразований выступает дифференциация процессуальных механизмов, затрагивающая отдельные этапы производства, процессуальные действия и виды производств. Считаем необходимым констатировать отсутствие в настоящее время в основе дифференциации уголовно-процессуальной формы каких-либо правил. Единствен-

ной установкой выступает концептуальная направленность дифференциации — это повышение уровня обеспечения прав, свобод и законных интересов личности. Однако такое положение не вполне определяет сущность совершенствования уголовно-процессуальной формы. В некоторых случаях обеспечение прав рассматривается излишне буквально. Его содержание усматривается в том, что дифференцированные формы основаны на различиях в процессуальном статусе участников уголовного судопроизводства, когда сокращенные формы ограничивают правовые гарантии статуса, а усложненные их усиливают.

Поясним нашу позицию. Буквальное понимание дифференциации уголовно-процессуальной формы выражается в стремлении наделить участников, например, следственных действий, дополнительными правами, на основе чего выделяется дифференцированная форма, а дополнительно устанавливаемые права рассматриваются как способ повышения защищенности участников следственного действия.

В то же время, полагаем, дифференциация, которую традиционно рассматривают как средство обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, реализует это стремление законодателя, но только в некоей самой высшей точке выражает его в наиболее обобщенном виде. Действительно, любое совершенствование уголовно-процессуальной формы должно так или иначе способствовать наилучшему обеспечению прав и законных интересов участников. Но это положение должно предусматривать четко и конкретно сформулированное основание дифференциации, для того чтобы можно было определить способ, посредством которого законодатель старается добиться нужного результата (подчеркнем, что в нашем отечественном уголовном судопроизводстве — это максимально возможный уровень обеспечения прав участников). Рассматриваем эту формулировку как цель совершенствования в целом и дифференциации уголовно-процессуальной формы в частности.

Поиски способов достижения максимально возможного уровня обеспечения прав участников активны в научном сообществе.

Очевидно, что не могут все участники наделяться дополнительными правами. Права сами себя не защищают. Нужен правовой инструмент, который позволит это делать эффективно. В качестве такового нам видится процессуальная форма, в рамках которой происходит получение информации о событии преступления, ее последующая проверка, исследование и оценка. В уголовном судопроизводстве принято считать такой формой доказывание, хотя это далеко не единственный ресурс, который используется в этом направлении.

Аналогичная позиция и у И. С. Дикарева, утверждающего, что дифференциация уголовно-процессуальной формы возможна, «если присутствуют факторы, усложняющие поиск истины либо обуславливающие необходимость усиления гарантий прав и свобод участников уголовно-процессуальных правоотношений, законодатель вынужден усложнять порядок уголовного судопроизводства» [2, с. 21].

Считаем, что предлагаемая альтернатива в основании дифференциации несостоятельна. Любое усиление гарантий предполагает информационную составляющую. Например, для усиления процессуальных гарантий прав предпринимателей необходимо установить статус индивидуального предпринимателя, а если это несовершеннолетний, то определить его точный возраст. При этом устоявшимся положением является наличие дифференцированной формы для производства в отношении несовершеннолетних. В то же время целесообразность введения дифференцированной формы для предпринимателей вызывает споры. Причина, полагаем, кроется в том, что при дифференциации процедуры в отношении несовершеннолетних законодатель предусмотрел особенности доказывания, выделив дополнительный его предмет (ст. 421 УПК РФ). Аналогичная ситуация существует в отношении процедуры применения принудительных мер медицинского характера к лицам, страдающим психическими заболеваниями (дополнительный предмет доказывания — ст. 434 УПК РФ).

Таким образом, дифференциация уголовно-процессуальной формы вызывается необходимостью установления новых (измененных, по сути) правил выяснения существенных обстоятельств либо потребностью в дополнении перечня этих обстоятельств. Формирование новой (альтернативной существующим) процедуры обусловлено неэффективностью прежней формы или отсутствием соответствующей социально-правовым потребностям (например, появился новый субъект, требующий, чтобы его признаки были установлены; новый состав преступления, обуславливающий особенности получения сведений, и др.). Констатация указанных обстоятельств возможна исключительно в случаях выявления социально-правовых маркеров, свидетельствующих о появлении новых, ранее отсутствовавших факторов, демонстрирующих потребность в дифференцированной процедуре.

Изложенное убедительно, как представляется, свидетельствует о том, что в основе дифференциации находятся правила установления существенных обстоятельств. Сами же эти обстоятельства диктуются индивидуализацией, и примеры современных дифференцированных про-

цедур это подтверждают. В этой связи считаем необходимым отметить проблему межотраслевого взаимодействия уголовно-процессуального права и уголовного права — это две взаимосвязанные отрасли. Тем не менее, точек взаимопроникновения регулирования все же немного. Определяя же индивидуализацию как идею не только уголовного права, но и как основу дифференциации уголовно-процессуальной формы, тем самым направляем необходимые усилия к обеспечению прав участников.

В уголовном праве индивидуализация рассматривается как непременное требование, обращенное к выбору вида и меры наказания виновному. Это выражается в существовании альтернативных (дифференцированных) санкций, из которых суд избирает наиболее соответствующую индивидуализации (по событию, по субъекту, по характеристикам личности и др.).

Мы полагаем, что дифференциация уголовно-процессуальной формы имеет существенное значение и подводит к выражению собственной позиции в этой части: индивидуализация наказания требует специфической процессуальной деятельности как в досудебных, так и судебных стадиях. Очевидно, что и следователь (дознатель), и суд обязаны выполнить все необходимые действия, чтобы достичь возможности вынести свое решение в точном соответствии с требованиями УК РФ и с установками УПК РФ.

Рассматривая эту задачу в единстве, можно сформулировать следующий вывод: только при законодательном определении всех необходимых процессуальных действий и их выполнении правоприменителем можно говорить о том, что следователь (дознатель) создает правовое основание, а суд принимает обоснованное решение о назначении наказания в соответствии с принципом индивидуализации. Соответственно, предусматриваемая уголовно-процессуальным законом процедура должна позволять правоприменителям устанавливать все необходимые обстоятельства для индивидуализированного подхода в части решения, в том числе вида и размера наказания, что обеспечит права и законные интересы участников уголовного судопроизводства.

Список источников

1. *Якуб М. Л.* Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981.
2. *Дикарев И. С.* Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы, ее обуславливающие // Российская юстиция. 2013. № 12.

Д. С. Крылова, М. В. Степанцова

Правовая природа быстроты предварительного расследования в российском уголовном судопроизводстве

В Докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москальковой за 2024 г. указано, что всего по нарушениям, допущенным на стадии досудебного производства, поступило 6576 обращений, из них 618 — по вопросам сроков предварительного расследования. В указанный период прокурорами направлено 155 268 требований об устранении нарушений федерального законодательства, связанных с нарушением разумного срока уголовного судопроизводства [1].

Представляется, что проблема быстроты (скорости) досудебного производства остается актуальной для науки уголовного процесса и для практики.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) содержится принцип «Разумный срок уголовного судопроизводства» (ст. 6¹). Помимо этого, в УПК РФ фрагментарно включены нормативные положения, конкретизирующие сроки принятия тех или иных процессуальных решений. К примеру, согласно ч. 2 ст. 81¹ УПК РФ постановление о признании вещественными доказательствами предметов и документов выносится в срок не позднее 10 суток с момента их изъятия; в соответствии со ст. 42 УПК РФ решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела; в ст. 110 УПК РФ указано, что обвинение должно быть предъявлено подозреваемому не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения и др. При этом уточнение срока принятия решения о признании вещественными доказательствами предметов и документов осуществлено в 2016 г. [2], а обязанность следователя (дознателя) незамедлительно принимать решение о признании потерпевшим предусмотрена Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ [3].

Очевидно, что данная норма появилась в отечественном уголовно-процессуальном законе по причине повсеместного нарушения прав потерпевших на доступ к правосудию ввиду несвоевременного принятия решения о признании лица потерпевшим. К примеру, в ходе расследования уголовного дела № 1-615/2012, возбужденного 18 июля 2012 г. по ч. 2 ст. 158 УК РФ по факту кражи велосипеда у гражданки Ф., постановление о признании потерпевшей следователь вынес только 29 июля 2012 г. [4].

В связи с этим Верховным Судом РФ выносились соответствующие постановления, разъясняющие, что решение о признании лица потер-

певшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела [5], после чего данное правило было возведено в ранг нормы УПК РФ.

Вышеперечисленные проблемы иллюстрируют необходимость введения в отечественный уголовно-процессуальный закон конкретного требования, устанавливающего обязательное и строгое соблюдение следователем, дознавателем временных ограничений при расследовании уголовных дел, что послужит дополнительной гарантией быстрому раскрытию преступлений, своевременному производству следственных и процессуальных действий, изобличению виновных, своевременной реализации своих процессуальных прав участниками уголовного процесса [6, с. 181].

Вопрос о правовой природе быстроты предварительного расследования является дискуссионным в науке уголовного процесса и вызывает трудности ее отнесения к той или иной категории.

Еще в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — Устав) содержалось положение, устанавливающее, что «предварительные следствия должны быть производимы со всевозможной скоростью. Производство их не останавливается и в табельные или воскресные дни, если обстоятельства дела того потребуют» [7]. Важно отметить, что указанное требование было включено во вторую главу Устава «Об условиях производства предварительного следствия».

Дореволюционным ученым С. И. Викторским скорость предварительного следствия рассматривалась в качестве условия производства предварительного следствия [8, с. 333].

Такого же мнения придерживался советский ученый-правовед П. И. Люблинский, отмечая особую важность быстроты производства предварительного следствия как одного из общих условий предварительного следствия [9, с. 11].

Также, по мнению О. В. Химичевой и Г. П. Химичевой, положения ст. 6¹ УПК РФ «не носят базового, определяющего характера, что свойственно другим нормам-принципам, а представляют собой более частные предписания, применяемые на отдельных стадиях уголовного судопроизводства, и по статусу более соответствуют общим условиям предварительного расследования» [10, с. 625–630].

Помимо отнесения быстроты предварительного расследования к общим условиям, в научной литературе она рассматривается также в качестве задачи [11, с. 69] или одного из принципов уголовного процесса [12, с. 94; 13, с. 9]. Полагаем, что быстроту можно рассматривать и как гарантии прав участников.

Быстрота предварительного расследования имеет комплексную правовую природу, интегрирующую публичные и частные интересы. Речь идет не о поспешности принятия тех или иных процессуальных решений в ущерб всесторонности, полноты и объективности расследования, а о своевременности при расследовании и недопущении при осуществлении производства по уголовному делу необоснованного затягивания процессуальных сроков.

Безусловно, существуют объективные причины несвоевременного расследования, такие как чрезмерная загруженность следователей (дознавателей), отсутствие налаженного механизма взаимодействия между органами, осуществляющими предварительное расследование, с экспертными и иными подразделениями и др. Эти причины относятся скорее к административно-организационным и УПК РФ регламентироваться не могут.

Проведенный анализ продемонстрировал недостаточную регламентацию досудебного производства в части соблюдения сроков досудебного производства. В связи с этим представляется, что требования быстроты, оказывающего непосредственное влияние на полноту, всесторонность и качество предварительного расследования, на дальнейшее успешное рассмотрение уголовного дела судом, не достает именно в системе общих условий предварительного расследования (гл. 21 УПК РФ).

Таким образом, быстроту предварительного расследования предлагается рассматривать как общее условие предварительного расследования, представляющее собой требование к производству следственных и иных процессуальных действий, принятию процессуальных решений уполномоченными должностными лицами в ходе расследования по уголовным делам, основанное на принципе разумного срока уголовного судопроизводства, выражающееся в обеспечении своевременного извлечения максимального количества необходимой информации о преступлении и незамедлительного исследования доказательств с целью завершения производства по делу в предельно короткие сроки, с соблюдением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [6, с. 16].

Как видится, достижение баланса между необходимостью полного и всестороннего расследования и требованием быстроты является ключевой задачей в современном уголовном процессе.

Список источников

1. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год. URL: <https://ombudsmanrf.org/storage/74> (дата обращения: 25.05.2025).

2. *О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности* : федеральный закон РФ от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве* : федеральный закон РФ от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. *Уголовное дело № 1-615/2012*. Архив Кузьминского районного суда г. Москвы за 2012 г.

5. *О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. *Крылова Д. С. Общие условия предварительного расследования: современное состояние и перспективы развития* : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024.

7. *Устав уголовного судопроизводства 1864 г.* URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 25.05.2025).

8. *Викторский С. И. Русский уголовный процесс*. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1912.

9. *Люблинский П. И. Предварительное следствие (общие условия производства предв. следствия. Глава IX). Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // Практический комментарий / под ред. Н. Н. Полянского и П. Н. Малянтовича*. М., 1923.

10. *Химичева Г. П., Химичева О. В. О совершенствовании принципов уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права*. 2014. № 4(41).

11. *Андриенко Ю. А. Обеспечение следователем быстроты и полноты предварительного расследования* : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022.

12. *Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса*. М., 1958.

13. *Гуляев А. П. Следователь в уголовном процессе*. М., 1981.

Т. В. Куряхова

«Нормативные» разъяснения порядка возвращения судом уголовного дела прокурору

1. Институт возвращения уголовного дела прокурору, возникший как антипод возвращения судом уголовного дела для дополнительного расследования, в современной интерпретации настолько сложен и неоднозначен, что специальное постановление Пленума Верховного Суда РФ по этому вопросу воспринимается как важнейшее событие [1]. Юридическая общественность в первую очередь ожидает конкретных рекомендаций, способствующих разграничению дозволенного движения уголовного дела назад, в досудебное производство от недозволенного, поскольку нормативная и доктринальная грань между возвращением уголовного дела прокурору и возвращением уголовного дела для дополнительного расследования не во всех практических ситуациях очевидна.

2. На уровне общего посыла постановление Пленума вполне соответствует позиции Конституционного Суда РФ, согласно которой возвращение судом уголовного дела прокурору представляет собой специфическое возвратное движение уголовного дела, не тождественное возвращению его для дополнительного расследования, и имеет место при сочетании трех условий:

- налицо препятствие в виде нарушения уголовно-процессуального закона, которое исключает возможность постановления законного, обоснованного и справедливого приговора;

- данное нарушение не может быть устранено в судебном разбирательстве;

- возвращение уголовного дела прокурору не обусловлено необходимостью восполнения неполноты доказательственной базы, не нацелено на собирание новых доказательств.

В постановлении Пленума приведены ясные примеры, подтверждающие общий подход и в силу конкретности весьма востребованы практикой.

Вместе с тем в отдельных аспектах постановление, на наш взгляд, не выдерживает генеральной линии на размежевание нового института с дополнительным расследованием, что не упрощает правоприменение, а оставляет его по-прежнему проблемным.

3. Обратим внимание на отдельные тезисы документа, которые вызывают вопросы, поскольку, как видится, вступают в конфликт с позицией Конституционного Суда РФ.

Согласно пункту 3 постановления уголовное дело подлежит возвращению прокурору, «когда обвинительный документ не содержит

ссылки на заключение эксперта, наличие которого, исходя из существа обвинения, является обязательным для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу». Полагаем, что возвращение уголовного дела в досудебное производство для целей назначения экспертизы, несмотря на вероятность длительного отложения судебного разбирательства, выходит за рамки регулирования, представленного ст. 237 УПК РФ, и не может быть объяснено интересами правосудия, понимаемыми в конституционном, а не в узкоорганизационном смысле.

Признаки дополнительного расследования видны также в разъяснении, касающемся, как сказано в пункте пятом постановления, «обязательного прекращения или приостановления уголовного преследования в отношении подозреваемого, обвиняемого на стадии предварительного расследования при наличии соответствующих оснований». Пленум Верховного Суда РФ рассматривает отдельные ситуации, влекущие приостановление или прекращение уголовного дела или уголовного преследования, в качестве гарантий прав личности, непредоставление которых приравнивает к существенным нарушениям закона, влекущим возвращение уголовного дела прокурору. В качестве примера называются случаи с истечением добавочного срока расследования после отказа преследуемого лица дать согласие на прекращение уголовного дела ввиду истечения срока давности уголовного преследования, а также ситуации, связанные с заключением контракта на военную службу в период мобилизации или военного положения. Данные основания прекращения и приостановления уголовного дела, согласимся, имеют специфику, но не настолько, чтобы выделять их из общего круга оснований таких решений и отступать от фундаментального правила, что каждая последующая стадия уголовного процесса должна исправлять ошибки, допущенные в предыдущей стадии.

Весьма неожиданным находим положение о том, что «не исключается предъявление лицу нового обвинения в совершении более тяжкого преступления и в случаях, когда дело было возвращено прокурору судом первой инстанции по иным основаниям, предусмотренным ст. 237 УПК РФ» (п. 18). Известна противоположная и, на наш взгляд, правильная практика, когда приговор был отменен, поскольку более тяжкое обвинение предъявлено по делу, возвращенному не для усиления обвинения.

4. Участие в учебном процессе показывает, что, рассматривая вопрос об источниках уголовно-процессуального права и, в частности роли и месте в регулировании уголовно-процессуальных отношений постановлений Пленума Верховного Суда РФ, обучающиеся приводят примеры нахождения даваемых разъяснений в границах разъясняемой нормы,

и также — выхода за ее пределы, т. е. создания нового правила поведения, что не соответствует предназначению судебных органов. Рассматриваемое постановление Пленума позволяет проиллюстрировать как идеальное разъяснение нормы права, так и, по нашему мнению, переход разъяснений в изначально не присущее им качество.

Список источников

1. *О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А. П. Липинский

Понятие и виды принуждения в уголовном процессе: сущность, классификация и проблемы правового регулирования

Институт процессуального принуждения занимает одно из ключевых мест в механизме уголовно-процессуальной деятельности. Его существование обусловлено самой природой уголовного процесса, направленного на решение поставленных перед ним задач. Уголовно-процессуальное принуждение является разновидностью государственного принуждения, которое рассматривается «как применяемое компетентными органами и должностными лицами государства в форме специальных актов и в рамках правовых норм психическое, физическое или материальное воздействие на субъектов общественной жизни (личность) с целью подчинения их воли и поведения выраженным в законе интересам и воли общества и государства» [1, с. 6; 2, с. 132]. Сущность принуждения в уголовном процессе заключается в ограничении прав и свобод личности, которое не является произвольным, а строго обусловлено необходимостью достижения назначения уголовного процесса, сбалансировано системой гарантий и допустимо лишь в тех границах, которые установлены законом.

Принуждение в уголовном процессе обладает рядом специфических черт, отличающих его от принуждения в иных сферах государственной деятельности. Во-первых, оно носит исключительно процессуальный характер. Во-вторых, применение принуждения является прерогативой строго определенных законом государственных органов и должностных лиц: суда, прокурора, следователя, руководителя следственного органа,

дознателя, органа дознания. В-третьих, принуждение применяется исключительно в связи с производством в рамках конкретного уголовного дела. В-четвертых, цель применения процессуального принуждения всегда лежит в плоскости обеспечения назначения уголовного судопроизводства. В-пятых, применение принуждения сопряжено с существенным ограничением конституционных прав и свобод личности, что требует особой правовой регламентации и системы гарантий против произвола.

В современном уголовном процессе следует выделить четыре вида принуждения: физическое, психическое, психологическое и материальное [3, с. 72–76; 4, с. 235–238]. В основе выделения каждого вида принуждения лежит способ его применения, при этом следует отметить, что каждый из них имеет границы дозволенного. Граница разграничивает дозволенность либо запрет применения отдельного вида принуждения. При применении принуждения следует учитывать волеизъявление лица, в отношении которого оно применялось, т. е. необходимость получения его согласия либо нецелесообразность последнего.

Полагаю нецелесообразным применение психического принуждения в уголовном судопроизводстве, поскольку оно связано с подавлением воли лица, что является недопустимым. В теории выделяются виды психического принуждения: 1) опосредованное воздействие на психику принуждаемого; 2) непосредственное воздействие; 3) непосредственное воздействие на психику принуждаемого с помощью наркотических средств и (или) психотропных веществ [5, с. 188–196; 6, с. 369–371], полагаю, что следует выделить еще один вид — использование искусственного интеллекта.

Применение искусственного интеллекта носит неуправляемый характер [7, с. 91–107; 8, с. 188–191]. Искусственный интеллект может повлиять на сознание и волю лица, привести его в состояние заблуждения, что установить будет невозможно. При этом позиция искусственного интеллекта будет рассматриваться органами расследования как соответствующая действительности. Искусственный интеллект может ошибаться, он корректирует информацию с учетом своего видения, что негативно отражается на возможности получения правдивой информации от конкретного лица, которое доверяет чаще всего искусственному интеллекту.

В современный период психическое принуждение осуществляется посредством применения медицинских, наркотических и т. п. препаратов, гипноза, введение человека в состояние замещенного сознания, либо постановки лица в ситуацию, исключающую свободу выбора при принятии решения, т. е. во всех случаях психическое принуждение ставит чело-

века в состояние совершения вынужденного действия без возможности отказа от него. В уголовном судопроизводстве подобное принуждение является недопустимым.

В настоящее время одним из наиболее эффективных способов принуждения является материальное. В частности, применение залога обеспечивает надлежащее поведение подозреваемого / обвиняемого, который заинтересован в возвращении суммы залога, а также в том, чтобы суд поверил в его раскаяние, исправление и определил меру наказания, не связанную с лишением свободы. Исключение при применении залога может быть в случае, когда его пытаются использовать в целях противодействия процессу расследования либо сокрытия от органов предварительного следствия. Эффективной мерой принуждения является в настоящий период наложение штрафа на свидетеля, потерпевшего, адвоката и др. за неявку по вызову следователя или в суд. Применение указанной меры показало свою значимость, поскольку дисциплинировало участников процесса, исключив необходимость неоднократного переноса рассмотрения дела в суде в связи с неявкой представителей сторон или иных участников процесса.

Наиболее применяемым в уголовном процессе является физическое и психологическое принуждение, именно в отношении них очень часто возникают споры о законности применения, а также нарушения дозволенных границ при их применении. Законодатель четко не определил границы психологического принуждения. В частности, убеждение как форма психологического принуждения является не просто допустимой формой психологического воздействия на лицо, но и обязательной к применению, поскольку правоприменитель в корректной форме должен убедить лицо говорить только правду, оказывать помощь органам предварительного расследования и т. д. После беседы с правоприменителем, который использовал убеждение в общении с конкретным участником процесса, лицо само принимает решение о том, как оно поступит в указанной ситуации. Недопустимым является психологическое принуждение, которое связано с применением различных форм и методов введения человека в состояние заблуждения, когда он в связи с этим не может принять обоснованное и самостоятельное решение. Одной из форм выступает обман, когда человек на основе ложной информации выдает также искаженную неправдивую информацию. Опасность данного принуждения в возможности изменения в показаниях о реально произошедшей ситуации, поскольку приводит к получению недостоверных сведений.

Применение физического принуждения допустимо с согласия самого лица либо на основании постановления следователя или дознавателя, либо на основании судебного решения. К мерам физического принуждения относятся ряд мер пресечения, задержание подозреваемого и ряд иных мер уголовно-процессуального принуждения. Их применение урегулировано нормами УПК РФ, нарушение положений которого влечет за собой признание полученной информации недопустимой.

Сложной видится ситуация, связанная с применением физического принуждения при производстве следственных и иных процессуальных действий. В частности, применение физического принуждения не может иметь место в стадии возбуждения уголовного дела, однако возникает вопрос о возможности проведения судебных экспертиз, освидетельствования, учитывая, что в стадии возбуждения уголовного дела отсутствуют лица, в отношении которых допустимо проведение указанного следственного действия [9, с. 7–9], а вопросы применения принуждения в процессе проведения следственного действия урегулированы только с позиций возможности проведения следственного действия, без учета возникновения необходимости применения физического принуждения. Например, необходимо изъятие образцов крови, смывов у лица, не обладающего еще процессуальным статусом, либо свидетеля, доставленных с места совершения преступления, а они не дают согласия, однако необходимо назначить и провести экспертизу. Указанных лиц привезли в больницу, но они отказываются от дачи образцов. Получить согласие в суде проблематично, уже исходя из того, что указанное положение не установлено в законе, а получить образец, применив физическое воздействие, — поставить под сомнение допустимость последующего доказательства, пока указанный вопрос будет решаться по принципу — как поступить, следы могут исчезнуть. Полагаю, что применение принуждения при изъятии образцов для сравнительного исследования допустимо в случае необходимости, о чем должно быть указано в протоколе. Кроме того, следует составить отдельный протокол, в котором в присутствии понятых лицо заявит об отказе в даче образцов для сравнительного исследования. Кроме того, следует учитывать, что при производстве следственного действия может возникнуть ситуация, когда применение физического воздействия становится необходимым. Данная ситуация может возникнуть при обеспечении безопасности участников следственного действия либо при пресечении попытки обвиняемого скрыться. Полагаю, что указанные положения должны быть установлены в УПК РФ.

Список источников

1. Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность (вопросы теории и практики). Казань, 1981.
2. Корельский В. М. Демократия и дисциплина в развитом социалистическом обществе. М., 1977.
3. Сатина Э. А. Понятие и виды государственного принуждения // Вестник Томского государственного университета. 2003. №2(30).
4. Теплеев А. А. Понятие мер уголовно-процессуального принуждения и их виды // Проблемы в российском законодательстве. Т. XIII. № 4.
5. Луценко Е. Г. Способы психического принуждения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 3.
6. Мадлаева Ф. В. Физическое и психическое принуждение: виды и способы // Молодой ученый. 2015. № 17(97).
7. Цветков Ю. А. Искусственный интеллект в правосудии // Закон. 2021. № 4.
8. Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5(81).
9. Татьяна Л. Г. Освидетельствование как следственное действие // Российский следователь. 2004. № 1.

В. С. Лопотенко

Гуманизация уголовного судопроизводства: новые гарантии для предпринимателей при избрании мер пресечения

В современном уголовном судопроизводстве направление на гуманизацию правоприменительной практики и защиту прав субъектов предпринимательства приобретает особую актуальность. Применение мер пресечения в отношении предпринимателей занимает важное место в этом контексте, поскольку неверное или чрезмерное суровое применение мер пресечения могут негативно сказаться на бизнесе, экономической стабильности и национальной безопасности.

Применение мер пресечения, в том числе заключение под стражу, имеет сложную природу и определяется необходимостью баланса частных и публичных интересов. Основная задача применения мер пресечения заключается в обеспечении возможности уголовного судопроизвод-

ства, предотвращении уклонения от следствия и защиты общественной безопасности. Однако в последние годы наблюдается стремление к либерализации и упрощению подходов к применению таких мер, особенно в отношении предпринимателей. Данную тенденцию отмечают также О. В. Гладышева и В. А. Семенцов [1, с. 18].

С 13 июня 2023 г. законодатель внес изменения в УПК РФ, касающиеся применения мер пресечения в отношении предпринимателей [2]. В частности, ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ была уточнена, согласно которой заключение под стражу не может применяться к предпринимателям, если преступление связано с осуществлением предпринимательской деятельности и если отсутствуют такие основания: подозреваемый или обвиняемый не имеет места жительства, им нарушена ранее избранная мера пресечения, он скрылся от органов предварительного расследования или от суда. Данные особенности применения меры пресечения в отношении индивидуальных предпринимателей свидетельствует о дополнительных гарантиях защиты прав предпринимателей.

Как справедливо отмечает профессор В. А. Семенцов, в отношении предпринимателя, привлекаемого к уголовной ответственности, имеется целый ряд предписаний, гарантирующих соблюдение прав: от понятия преступлений, совершенных индивидуальными предпринимателями и членами органа управления коммерческой организации (п. 27¹ и 27² ст. 5 УПК РФ) и до запрета заключения под стражу [3, с. 86]. Такой особый режим применения принудительных мер в отношении предпринимателей имеет существенное значение, поскольку лишение свободы не позволяет им эффективно управлять бизнесом, что может привести к убыткам, снижению конкурентоспособности. При этом Е. Т. Прилепский отмечает, что в связи с принятыми поправками в УПК РФ теперь законодатель обязывает правоприменителя рассматривать возможность выбора иной меры пресечения, кроме заключения под стражу, которая даст предпринимателю возможность заниматься бизнесом [4, с. 127].

При этом отсутствие у подозреваемого или обвиняемого места жительства или места пребывания на территории страны не может являться единственным основанием, достаточным для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, такое обстоятельство само по себе не является обстоятельством, дающим основание для избрания в отношении лица этой меры пресечения [5].

Закрепив новые положения в ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ, законодатель рассчитывал на дополнительные гарантии защиты прав предпринимателей, однако анализ сложившейся правоприменительной практики указывает

на обратное. Так, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024 г. судами было рассмотрено 150 ходатайств об избрании заключения под стражу в отношении обвиняемых, определенных в ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ, при этом из них удовлетворено 117 (78%), в отношении 20 (13%) избран домашний арест, в отношении 6 (4%) — запрет определенных действий [6]. Число случаев, исходя из приведенных данных, в которых применялись альтернативные меры пресечения, такие как домашний арест или запрет определенных действий, остаются незначительным. Важно отметить, что высокая доля среди примененных мер пресечения все так же продолжает составлять заключение под стражу, поскольку суды предпочитают более строгие меры.

Несмотря на изменения в законодательстве, остаются проблемы, требующие внимания. В судебной практике есть случаи, когда суды игнорируют положения норм о применении мер пресечения к предпринимателям.

Анализ практики показал, что в некоторых ситуациях разъяснения положения ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ не принимались судами во внимание. Например, постановлением Фрунзенского районного суда города Саратова обвиняемому К. по ч. 1 ст. 201 УК РФ и ч. 4 ст. 159 УК РФ была изменена мера пресечения в виде запрета определенных действий на заключение под стражу. Однако апелляционным постановлением Саратовского областного суда указанное постановление было отменено, в качестве меры пресечения к обвиняемому К. был избран домашний арест, так как суд первой инстанции не учел, что обвиняемый являлся членом органа управления коммерческой организации и обвинение было связано с этой деятельностью [7]. Суду следовало в соответствии с ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ установить наличие обстоятельств, указанных в пп. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ в случае применения заключения под стражу, что не привело бы к ограничению законных прав.

Стоит отметить, что иногда предпринимателю в целях защиты своих прав в уголовном судопроизводстве приходится обращаться за помощью к Уполномоченному по защите прав предпринимателей, чтобы добиться изменения меры пресечения с заключения под стражу на домашний арест или запрет определенных действий [8].

Рассматривая вопрос об альтернативных мерах пресечения, избираемых в отношении предпринимателей, следует рассматривать не только домашний арест, запрет определенных действий, но и залог. На сегодняшний день залог может применяться с ограничениями, указанными в ст. 105¹ УПК РФ. Как справедливо отмечает В. Ю. Стельмах, залог относится к усиленной мере пресечения — это новый уголовно-

процессуальный феномен, состоящий в дополнении основного объема ограничений, установленной конкретной избираемой к нему меры пресечения, рядом ограничений, закрепленных в ст. 105¹ УПК РФ [9, с. 111].

В настоящее время отсутствует как правовая, так и практическая возможность одновременного применения к обвиняемому нескольких мер пресечения, в связи с чем вместо этого законодатель выбрал путь создания усиленных мер пресечения, которые сочетают в рамках одной меры ограничения, характерные для других мер пресечения [8]. Считаем, что возможность комбинирования указанных мер является достаточно эффективным инструментом регуляции поведения обвиняемого, который позволяет применить такую меру пресечения, как залог, который является в настоящее время самой редко применяемой мерой (за 2024 г. залог применили всего 60 раз, из заявленных 75 ходатайств) [6].

Считаем, что соответствующие изменения в ст. 108 УПК РФ изменили подход к защите прав предпринимателей в уголовном судопроизводстве в сторону гуманизации. Все же остаются проблемы, которые можно устранить при систематическом анализе судебной практики по применению мер пресечения в отношении предпринимателей.

Еще одним важным шагом является разработка рекомендаций по применению альтернативных мер пресечения, таких как залог, запрет определенных действий, домашний арест, позволяющие избежать условий, ограничивающих свободу, если это не обосновано реальными рисками.

Кроме того, считаем целесообразным расширение случаев применения в судебной практике залога с усиленными мерами, которые должны использоваться более активно в отношении подозреваемых и обвиняемых, указанных в ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ, что смогло бы обеспечить баланс частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве.

Список источников

1. Гладышева О. В., Семенцов В. А. Современная уголовно-правовая политика по обеспечению экономической безопасности уголовно-процессуальными средствами // Правовая парадигма. 2018. Т. 17, № 2.

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон РФ от 13 июня 2023 г. № 217-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Семенцов В. А. Потерпевший из числа предпринимателей, которому есть что терять // Обеспечение прав участников в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Краснодар, 2025. Ч. 2.

4. *Прилепский Е. Т.* Залог как мера пресечения: дискуссионные вопросы применения в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2024.

5. *О внесении изменений* в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 2025 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. *Отчет* о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2024 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/index.php?id> (дата обращения: 15.05.2025).

7. *Справка* по итогам изучения практики принятия судами области решений об отказе в удовлетворении ходатайств дознавателей, следователей о заключении под стражу лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений за первое полугодие 2024 года Саратовского областного суда // Официальный сайт Саратовского областного суда. URL: <https://oblsud.sar.sudrf.ru/> (дата обращения: 15.05.2025).

8. *Еще один* новосибирский предприниматель освобожден из СИЗО // Официальный сайт Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Новосибирской области. URL: <https://ombudsmanbiz.nso.ru/> (дата обращения: 15.05.2025).

9. *Стельмах В. Ю.* Усиленные меры пресечения в современном российском уголовном процессе // Обеспечение прав участников в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Краснодар, 2025. Ч. 2.

А. М. Лютынский

Региональное правотворчество в раннесоветском уголовном процессе (1918–1919 гг.): по материалам Вологодской губернии

Судебно-правовая реформа советской власти на ее первом этапе, в 1918 г., когда были приняты и применялись декреты о суде, предпо-

лагала возможность применения досюветских кодифицированных норм права, в частности, Устава уголовного судопроизводства, принятого еще в 1864 г. [1]. Анализ региональной судебной практики середины 1918 г. показывает, что учрежденные большевиками народные суды активно применяли досюветское уголовно-процессуальное право и использовали популярные тогда бланки процессуальных решений.

Декреты о суде, которые носили в целом декларативно-политический характер и касались в основном судостроительства, предусматривали как важнейший источник права такие понятия, как «революционная совесть» и «революционное правосознание» [2]. Хотя руководители юстиции могли считать, что народный суд, работающий в отсутствие писаных норм права, занимается правотворчеством и выступает не только толкователем права, но и законодателем [3, с. 47], сложившаяся к концу 1917 г. профессиональная правовая культура, которая предполагала наличие сложных процедур судопроизводства в подробных писаных нормах права, оказалась сильнее.

Новые власти очевидно различали материальное и процессуальное право. Предметом интереса в большей степени были материальные нормы, определяющие преступление, наказание, права собственности, семейные отношения. Процедуры правоприменения, часто называемые в тогдашних публикациях и практике обрядами, воспринимались, как правило, как нормы организационно-технические, имевшие гораздо меньше политически значимого содержания.

В таких условиях осуществлять досудебное и судебное производство по уголовным делам помогали, во-первых, дореволюционное и досюветское право, применение которого, впрочем, было затруднено и к началу 1919 г. полностью запрещено Положением о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. [4, с. 77–84]. На смену полноценному кодифицированному праву пришли нормы указанного Положения, впрочем, явно недостаточные.

Как работали дореволюционные нормы и стандарты в первые месяцы существования советской судебной власти, можно увидеть на примере дела о краже в Вологодской губернии, совершенной и расследованной летом 1918 г. Предварительное расследование на территории Вологодского уезда не осуществлялось ввиду отсутствия новых следственных органов. Расследование по делу было осуществлено сельским сходом, который в связи с кражами, «собравшись на общем собрании решил идти обыском по всей деревне», нашел подозреваемого, провел обыск с обнаружением некоторых похищенных вещей. По результатам этого «розы-

ска» член волисполкома составляет протокол «по поводу кражи у разных лиц», фиксирует действия схода и направляет в уголовно-розыскное отделение Вологодской гражданской милиции, а оттуда материал направляют к местному народному судье [5, с. 1–3]. Народный судья возвращает материал в волисполком и указывает в сопроводительном документе, что необходимо указать в протоколе (данные о преступлении, доказательства виновности, показания свидетелей и т. п.), причем, обосновывая возвращение дела, судья ссылается на нормы досоветского уголовно-процессуального права (ст. ст. 47 и 52 Устава уголовного судопроизводства). В итоге материал о краже вновь оказывается в суде. Приговор по делу вынесен 24 января 1919 г. (уже после введения Положения о народном суде от 30 ноября 1918 г., запретившего использовать право «свергнутых правительств»), и в нем уже не приведены ссылки на дореволюционные уложения [5, с. 10].

Пример ясно показывает, что в хаосе 1918 г. судебная практика, профессиональная психология и правосознание, да просто здравый смысл требовали более четкого и подробного нормативного регулирования уголовно-процессуальных правоотношений.

Способом, снижающим остроту правовой неопределенности в 1918–1919 гг., стало региональное правотворчество. Вологодский губернский отдел юстиции 2 октября 1918 г. направил для утверждения разработанную Инструкцию для милиции Вологодской губернии. Руководство губернского совета вернуло проект для доработок с просьбой дополнить положениями «1. О гарантиях для обвиняемого в случае его ареста. 2. О сроках представления арестованного судье. 3. О взаимоотношениях между местным народным судьей и милицией». После доработки Инструкция была утверждена в ноябре 1918 г. [6, с. 49–51].

Интересно, что инициатором принятия этой Инструкции еще летом 1918 г. выступил Вологодский уездный съезд местных народных судей. Видимо, устав от разнообразия милицейской практики подготовки дел к разбирательству, съезд 31 июля 1918 г. предложил отделу юстиции разработать инструкцию для милиции для производств дознаний, взяв за пример Инструкцию Совета комиссаров юстиции Московской области [7, с. 21].

Инструкция объемом в четыре машинописных листа стандартного формата имела подзаголовок «Общие положения о порядке производства дознания». В документе были даны определения преступления, дознания; дела разделялись на дела публичного и частного обвинения; подробно перечислялись поводы к проверке информации о преступлении (среди

которых помимо заявлений указаны «народная молва» и «подметные письма», а также «объявление» заявления очевидца о преступлении). Должностные лица милиции должны были составить подробный протокол о получении первичной информации и провести дознание, цель которого определялась как представление суду материала «для судебного расследования и рассмотрения дела». Инструкция содержала ряд процессуальных гарантий (презумпция невиновности, запрет угроз и насилия при получении объяснений и др.) и, что интересно, содержала ссылки на статьи Устава уголовного судопроизводства 1864 г. [6, с. 52–55].

Пример из истории Вологодской губернии, одной из губерний советского Севера, показывает, что новая система уголовного судопроизводства опиралась на сложившиеся в предыдущие десятилетия процедуры, нормы и институты. Так, приведенная Инструкция дает понять, что в раннесоветской юстиции, подобно досоветской, дознание представляло собой первичную стадию реагирования государственной власти на преступления, что в современном российском уголовном процессе мы имеем стадией возбуждения уголовного дела.

Таким образом, история раннесоветской уголовной юстиции показывает, что процедурный подход к реализации задач уголовного судопроизводства очень важен, представляет собой естественную часть профессиональной правовой культуры. Практика и общественный интерес, несмотря на внешние социальные условия, требуют определенности в установлении полномочий органов юстиции, в том числе в части принудительных процедур уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Судебная власть в России : История. Документы : в 6 т. / О. Е. Кутафин, В. М. Лебедев. Т. 5: Советское государство. М., 2003.
3. Курский Д. И. Новое уголовное право // Избранные статьи и речи. М., 1948.
4. Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О народном суде РСФСР (Положение)». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Государственный архив Вологодской области. Ф. Р-636. Оп. 1. Д. 22.
6. Государственный архив Вологодской области. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 63.
7. Государственный архив Вологодской области. Ф. Р.-101. Оп. 1. Д. 3.

А. К. Нисневич

Защита доказательственной информации в условиях цифровизации уголовного процесса

Цифровизация уголовного судопроизводства значительно повысила эффективность расследования преступлений, но одновременно создала вызовы, связанные с защитой доказательственной информации. Электронные доказательства, включая данные с мобильных устройств, записи камер наблюдения и логи серверов, требуют особых мер безопасности для сохранения их целостности, конфиденциальности и достоверности. В противном случае риски утечек, фальсификаций или несанкционированного доступа могут поставить под угрозу не только отдельные дела, но и доверие к системе правосудия в целом.

Основой защиты доказательственной информации остаются нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующие порядок работы с электронными доказательствами. Согласно ст. 84 УПК РФ к доказательствам относятся сведения, полученные в установленном законом порядке, включая электронные данные. Однако традиционные методы, такие как протоколирование изъятия носителей и использование оптических дисков для хранения, устаревают. Современные исследования подчеркивают необходимость применения криптографических технологий, например, хеширования, для обеспечения неизменности электронных доказательств [1, с. 176–192].

Важную роль играют специализированные программные комплексы, такие как «КриптоПро» и «КриптоАРМ», обеспечивающие создание электронных подписей и шифрование данных [2]. Данные инструменты позволяют гарантировать аутентичность информации, однако их эффективность зависит от соблюдения процессуальных норм при фиксации доказательств, включая составление детальных протоколов с участием специалистов.

Применение передовых цифровых технологий актуализирует вопрос о создании оптимальных условий для хранения электронных доказательств, что продиктовано их уникальными свойствами и необходимостью поддержания неизменности доказательственной базы на всех стадиях процесса. Использование физических носителей, таких как оптические диски, не обеспечивает долговременную сохранность из-за риска повреждения и устаревания форматов. В качестве альтернативы предлагается внедрение облачных хранилищ с применением блокчейн-технологий, обеспечивающих неизменность данных за счет распределенного журнала транзакций [3, с. 226–230]. Такие системы позволяют

фиксировать время создания доказательств, контролировать доступ и автоматически создавать резервные копии.

Не менее важно совершенствование процессуальных механизмов. Например, ст. 161 УПК РФ запрещает разглашение данных предварительного расследования без санкции следователя, но не учитывает специфику цифровых носителей. Целесообразно дополнить норму положением об обязательном шифровании конфиденциальной информации и ограничении доступа к метаданным. Для снижения рисков подмены доказательств рекомендуется внедрение единой платформы электронного документооборота с функцией аудита действий пользователей [4, с. 521–540].

Судебная практика демонстрирует, что нарушения целостности доказательств часто связаны с ошибками при изъятии и хранении электронных данных. Например, апелляционным судом был отменен неправомерный обвинительный приговор ввиду неполноты доказательственной базы: в дело представлена запись лишь с одной камеры видеонаблюдения при наличии материалов с других камер, зафиксировавших событие. [5, с. 73–89]. В другом деле суд признал недопустимым доказательством протокол осмотра электронных материалов ввиду выявленных нарушений целостности доказательств, выразившихся в возможности модификации метаданных и свойств файлов, а также отсутствии идентификации флеш-накопителя [6].

Возникающие проблемы с цифровыми доказательствами свидетельствуют о необходимости комплексного обучения сотрудников правоохранительных органов, включающего как технические аспекты работы с электронными материалами, так и понимание правовых последствий возможных нарушений. Несоблюдение требований ст. 164¹ УПК РФ при изъятии или копировании информации с электронных носителей может повлечь исключение доказательств из дела [7, с. 40–43].

Таким образом, цифровизация уголовного процесса требует комплексного подхода к защите доказательственной информации, сочетающего технические инновации, процессуальные гарантии и организационные меры. Внедрение блокчейн-технологий, совершенствование нормативной базы и повышение квалификации участников процесса позволят минимизировать риски искажения или утраты электронных доказательств.

Список источников

1. Темников А. С. Электронные доказательства в уголовном процессе: проблемы и перспективы использования криптографического хеширования // Вестник науки. 2025. Т. 4, № 3(84).

2. *Сертифицированные СКЗИ в 2025 году: обзор, нормативка и учет в организации.* URL: <https://www.audit-it.ru/news/others/1111040.html>. (дата обращения: 06.06.2025).

3. *Бертовский Л. В.* Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6.

4. *Пастухов П. С.* Цифровые платформы как основа электронного документооборота в уголовном судопроизводстве // Пермский юридический альманах. 2023. № 6.

5. *Шарипова А. Р.* Новые источники уголовно-процессуальных и иных судебных доказательств в цифровой реальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14, № 1.

6. *Решение Арбитражного суда РФ от 27 августа 2020 г. по делу № А23-7527/2019* // Судебные и нормативные акты РФ : официальный сайт. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/o9F883ZOL0W8/> (дата обращения: 06.06.2025).

7. *Зуев С. В., Черкасов В. С.* Новые правила изъятия электронных носителей и копирования информации // Законность. 2019. № 5(1015).

Д. В. Новокшенов

Допрос: правовое регулирование и практика производства в период ведения боевых действий

В условиях информационной войны и пропаганды в средствах массовой информации, организация и проведение предварительного расследования помогает противостоять манипуляциям и фальсификациям преступных действий. Это способствует формированию исторической правды, что особенно важно для будущих поколений и процессов национального единства. В зоне активных боевых действий высок риск совершения военных преступлений (нападение на мирное население, применение запрещенных видов оружия или пытки, которые не имеют сроков давности). Жертвы конфликта и их родственники имеют право на правду и справедливость, требовать компенсаций вреда, причиненного преступными действиями. На линии боевого соприкосновения доказательства могут быстро уничтожаться из-за непрерывных боевых действий, природных факторов или умышленных действий сторонами конфликта. Фиксация обстановки на месте совершения преступлений критически важна для восстановления объективной картины. Своевременный сбор

доказательств позволяет привлечь виновных к ответственности, в том числе в рамках будущих уголовных процессов противоправных деяний со стороны военнослужащих преступного режима. От того, как будет качественно проведена эта работа, зависит дальнейшее расследование уголовного дела и привлечение виновных к уголовной ответственности. Представители следственных органов возбуждают уголовные дела по фактам совершенных преступлений против общественной безопасности и общественного порядка. Следует отметить, что получение доказательственной информации в ходе следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, имеет ряд особенностей в условиях проведения специальной военной операции.

Одним из распространенных следственных действий, которое проводят следователи в рамках уголовного дела в боевых условиях, является допрос. В уголовно-процессуальном праве под допросом следует понимать регламентированное законом действие следователя, дознавателя или суда в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства. В зависимости от процессуального статуса допрашиваемого выделяют допрос свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, эксперта, специалиста [1, с. 178].

По мнению Р. В. Закомолдина, при расследовании преступлений в боевых условиях могут допрашиваться беженцы, пострадавшие мирные жители, военнослужащие, представители силовых структур и органов власти Российской Федерации, военнопленные. В ходе проведения допроса потерпевших, свидетелей в таких условиях необходимо учитывать повышенные риски, ограниченными ресурсами и необходимостью соблюдения международного права

В ходе допросов необходимо применение универсального тактического приема, заключающегося в максимально возможной детализации показаний, которое достигается постановкой вопросов, задаваемых следователем по ходу допроса после свободного рассказа допрашиваемого. Используются рекомендации, касающиеся установления поддержания психологического контакта. При подготовке и проведении допроса военнослужащих Российской Федерации и представителей вооруженных формирований либо наемников следует учитывать влияние условий боевой обстановки на их состояние. Показания фиксируются быстро из-за риска изменения обстановки, целесообразно использовать технические средства, такие как диктофон, видео-, фотокамеру, для экономии времени. При необходимости — составить краткие опросные листы и раздать их участникам [2, с. 112].

В районах вооруженного конфликта следователь обязан учитывать и оценивать душевное, эмоциональное и психологическое состояние допрашиваемого, а также возможные последствия боевых психических травм, полученных в ходе ведения боевых действий или в результате совершения военного преступления. Для качественной фиксации доказательств можно привлечь к проведению следственных действий военных медиков и психологов, оказывающих помощь в установлении контакта с участниками допроса. При этом провести инструктаж по соблюдению требований безопасности в районе проведения процессуального действия [3, с. 113].

Также необходимо выбирать целесообразные, процессуально допустимые тактические приемы в получении доказательственной информации. При этом следователь должен заранее быть ориентированным в использовании специальной терминологии в области военной техники, вооружения, тактики ведения боевых действий. Вопросы задаются четко, без давления, с учетом культурных и языковых особенностей.

В случаях необходимости допроса на линии боевого соприкосновения пленных боевиков необходимо получить данные о расположении противника, его планах, ресурсах, тактике, морально-психологическом состоянии. Кроме этого, необходимо соблюдать Женевскую конвенцию от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными: не допускать посягательства на человеческое достоинство, оскорбительное и унижающее обращение, применения физического насилия, жестокого обращения, пытки и состязания, увечья и убийства [4, с. 93].

Одним из важных элементов проведения следственного действия является безопасность его участников, приоритетом будет являться защита жизни и здоровья потерпевших, свидетелей и следственно-оперативной группы. Допрос можно проводить в укрытиях, временных пунктах безопасности или на удалении от линии боевого соприкосновения. В обязательном порядке используются средства индивидуальной бронезащиты. Следует учесть, что в данной местности нет специальных помещений для проведения процессуальных действий [5, с. 115].

После возвращения из зоны боевых действий оформить протокол допроса в соответствии со ст. ст. 166, 167 УПК РФ. Протокол допроса целесообразно составлять по прибытии в место временной дислокации, при этом все материалы, фото-, видеофиксация, стенограмма, стенографическая запись, снимки, негативы должны быть подготовлены на месте допроса. В соответствии с ч. 2 ст. 166 УПК РФ протокол допроса может быть составлен от руки или с помощью оргтехники, печатной машинки. В нем

указывается точная дата и время его составления, должность, фамилия, имя, отчество лица, производящего расследование, точные данные всех участников следственного действия. Указываются все технические средства, фото-, видеоаппаратура, применяемая в ходе допроса, и предъявляются для ознакомления всех участников под роспись.

В условиях вооруженного конфликта часто требуется сохранение конфиденциальности, особенно при риске репрессий со стороны террористов, поэтому разрешается использовать в протоколе следственного действия кодовые имена, зашифрованные носители информации. Согласно ст. 166 УПК РФ допускается тайна сохранения личных данных свидетелей и потерпевших.

При проверке достоверности показаний потерпевших и свидетелей необходимо учитывать то обстоятельство, что со стороны боевиков может быть угроза жизни и здоровью, а также давление.

Считаем, что подготовка следователя для работы в боевых условиях требует более детального изучения методики проведения следственных действий на месте совершения преступления. Это способствует качественному проведению следственного действия, фиксации показаний, соблюдению требований безопасности участников, организации межведомственной координации и соблюдению международного права. Необходимо обратить внимание на техническое оснащение следственно-оперативной группы. Следователям нужно иметь современную криминалистическую технику, беспилотные летательные аппараты, защищенные средства связи. В боевых условиях грамотная организация и проведение следственных действий становится инструментом не только расследования, но и защиты жизни и здоровья его участников. Ключевые факторы успеха — скорость, безопасность и применение адаптированных технологий.

Список источников

1. Казачек Е. Ю. Об особенностях проведения допроса по уголовным делам в условиях проведения специальной военной операции // Советская и российская криминалистика: традиции и современные векторы : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. М., 2024
2. Маликов С. В. Савенков А. Н. Руководство по военно-полевой криминалистике. М., 2011.
3. Закомолдин Р. В. О реформировании военно-уголовного законодательства в условиях проведения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2024. № 12(329).

4. Глухов Е. А. Повышенная опасность характера военной службы для жизни и здоровья военнослужащих как составляющая их правового статуса // Военное право. 2024. № 4(86).

5. Шенишин В. М. О некоторых особенностях обеспечения Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации общественной безопасности в отдельных субъектах Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2025. № 3(332).

И. П. Пилюшин

Комбинированная мера пресечения

Введение в УПК РФ еще одной меры пресечения, такой как запрет определенных действий, порождает вопрос по поводу ее востребованности и эффективности. Данная мера пресечения содержит шесть запретов, которые могут быть возложены на подозреваемого или обвиняемого. Нельзя не отметить очевидную декларативность таких запретов и отсутствие приемлемого правового регулирования порядка их применения и контроля их соблюдения [1, с. 48]. На наш взгляд, данный порок заложен в самом формулировании запрета. Законодатель предложил форму запрета, но не наполнил ее соответствующим содержанием. Например, запрет обвиняемому находится ближе установленного расстояния до определенных объектов. Закон требует, чтобы следователь указывал в постановлении конкретные условия исполнения этой меры пресечения с учетом возлагаемых запретов, а именно, данные о расстоянии, ближе которого запрещено приближаться к определенным объектам (ч. 7 ст. 105¹ УПК РФ). Наверное, эти условия касаются определения расстояния до конкретного объекта, ближе которого обвиняемый не должен к нему приближаться. Однако не обозначено, какие именно условия должен указать следователь; какое расстояние следователь должен установить, от чего это зависит; как рассчитать это расстояние, от какой точки или какого места объекта; как определить точку, рубеж или место окончания расстояния; какое нарушение установленного расстояния влечет нарушение обвиняемым данной меры пресечения; как зафиксировать нарушение. Процессуальный закон не дает ответа [2, с. 12].

Актуальны вопросы контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов, возложенных на него судом. Эту деятельность осуществляют сотрудники уголовно-исполнительной инспекции (да-

лее — Инспекция) в соответствии с межведомственным нормативным правовым актом. Это приказ Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/371 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог». Например, данный приказ содержит следующее: при возложении судом запрета на общение с определенными лицами сотрудники Инспекции осуществляют сбор информации, в том числе с помощью технических средств контроля, о фактах общения с подозреваемым или обвиняемым. Здесь возникают вопросы о том, каким образом будет собрана данная информация, как зафиксировать нарушение, факт общения, в чем выразилось такое общение, и т. д. Имеющееся правовое регулирование порядка контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым меры пресечения в виде запрета определенных действий надо признать недостаточным. Аналогично можно рассуждать и по поводу других запретов, которые вправе возложить суд. Принимая во внимание вышеизложенное, приходится констатировать, что в данной мере пресечения законодатель предложил такие запреты, которые трудно соблюдать и еще труднее контролировать их соблюдение. В печати обращалось внимание на отсутствие таких технологий, которые позволяют осуществить эффективный контроль за соблюдением запретов, наложенных на подозреваемого или обвиняемого [3, с. 76].

Нельзя не отметить, что избрание и применение данной меры пресечения требует от следователя (дознателя) совершения дополнительных действий. Так, следователь (дознатель) при направлении в суд материалов уголовного дела для рассмотрения вопроса об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде запрета определенных действий информирует Инспекцию о предстоящем судебном заседании по рассмотрению данного вопроса. Следователь (дознатель) также готовит документы для Инспекции, например, справку по уголовному делу, копию документа, удостоверяющего личность обвиняемого (подозреваемого), справку о наличии или изъятии паспорта для поездок за рубеж.

При избрании залога в качестве меры пресечения или домашнего ареста суд вправе возложить на подозреваемого или обвиняемого

запреты, предусмотренные мерой пресечения в виде запрета определенных действий. Например, при домашнем аресте может быть запрещено общение с определенными лицами, отправление и получение почтово-телеграфных отправлений, использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Таким образом, запрет определенных действий может быть инкорпорирован в залог и (или) домашний арест. В этой связи высказывается позиция, согласно которой ч. 7 ст. 107 УПК РФ предусматривает возможность применения одновременно двух мер пресечения к одному лицу [4, с. 85]. Вряд ли можно согласиться с данной точкой зрения. В УПК РФ однозначно указано, что обвиняемому, подозреваемому может быть избрана одна из мер пресечения, предусмотренных законом. Здесь нужно говорить о комбинировании таких мер пресечения, как запрет определенных действий и залог или запрет определенных действий и домашний арест. Об этом упоминалось в печати [5, с. 101–102]. Избирается одна мера пресечения, например, залог или домашний арест, но с элементами запрета определенных действий. Под элементами мы понимаем запреты, предусмотренные данной мерой пресечения. Следовательно вправе скомбинировать в любом сочетании элементы одной меры пресечения с элементами другой меры пресечения. У следователя в данном случае появляется возможность подстраивать меру пресечения, комбинировать меры пресечения исходя из фактического поведения подозреваемого или обвиняемого [6, с. 187].

Возникает, образно говоря, комбинированная мера пресечения. Особенностью комбинированной меры пресечения является двойная принудительная сила. Например, с одной стороны, обвиняемого от ненадлежащего поведения залог удерживают угрозой денежных или материальных потерь для него. С другой стороны, на обвиняемого действуют запреты на определенные действия.

Некоторое комбинирование прослеживается между мерами пресечения в виде личного поручительства и подписки о невыезде и надлежащем поведении. Так, сущность личного поручительства заключается в том, что постороннее лицо, которое заслуживает доверия, ручается в том, что обвиняемый (подозреваемый) будет соблюдать обязательства и запреты, установленные другой мерой пресечения, такой как подписка о невыезде и надлежащем поведении. Например, обвиняемый (подозреваемый) обязуется в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и будет соблюдать запрет препятствовать производству по уголовному делу.

Возникает вопрос о смысле комбинирования. Если обратиться к домашнему аресту, то его сущностью является запрет обвиняемому (подо-

зреваемому) покидать жилое помещение. Однако дополнительно могут быть назначены запреты, предусмотренные мерой пресечения в виде запрета определенных действий, такие как:

- общаться с определенными лицами;
- отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- использовать средства связи и Интернет.

Здесь нельзя не заметить несоответствия. Например, каким образом может действовать запрет общаться с определенными лицами, если обвиняемому запрещено покидать жилище. На наш взгляд, запрет выходить из жилого помещения сам по себе исключает возможность общения с определенным лицом, если это лицо само не войдет в жилище обвиняемого. Получается, что данный дополнительный запрет дублирует основной, предусмотренный домашним арестом.

При избрании залога на обвиняемого (подозреваемого) могут быть дополнительно возложены все запреты, предусмотренные мерой пресечения в виде запрета определенных действий. По всей видимости, законодатель решил усилить эффективность воздействия данных мер пресечения, позволив возлагать по судебному решению запреты, предусмотренные другой мерой пресечения (запрет определенных действий). В этой связи возникает вопрос о том, насколько необходимы меры пресечения, которые неэффективны и мало применяются. По этому поводу высказывалась радикальная точка зрения о том, что нет нужды придумывать новую сходную меру пресечения вместо того, чтобы совершенствовать уже действующие, применение запрета определенных действий будет бесполезным [7, с. 29].

Таким образом, можно говорить о том, что в уголовном процессе появились меры пресечения, которые могут применяться без дополнительных запретов другой меры пресечения (домашний арест и залог). По всей видимости, такое комбинирование имело целью усилить превентивность данных мер пресечения, повысить их эффективность, востребованность. С другой стороны комбинирование усложняет порядок избрания и применения данных мер пресечения. Так, следователь вынужден располагать основаниями не только для избрания меры пресечения, но и для применения конкретного запрета, предусмотренного запретом определенных действий. Например, в судебном заседании при рассмотрении ходатайства об избрании залога прокурор, следователь должны обосновать не только необходимость данной меры пресечения, но и необходимость возложения на обвиняемого дополнительного запрета, например, общаться с определенными лицами. Для этого следователь должен,

во-первых, собрать доказательства, подтверждающие то, что обвиняемый, например, может препятствовать производству по уголовному делу, во-вторых, собрать доказательства, подтверждающие то, что обвиняемый собирается встретиться с потерпевшим с целью склонить его к изменению своих показаний. Это, безусловно, увеличит затраты времени на подготовку следователя и прокурора к судебному заседанию по рассмотрению ходатайства об избрании меры пресечения в виде залога.

Таким образом, сейчас можно говорить о появлении в уголовном процессе комбинированных мер пресечения. Это домашний арест и залог, в которых дополнительным элементом превенции могут выступать запреты, предусмотренные такой мерой пресечения, как запрет определенных действий. В этой связи домашний арест и залог могут быть применены двояким способом, в чистом виде и комбинированном. Допустимость комбинирования домашнего ареста или залога с запретом определенных действий, с одной стороны, является неким способом усиления степени воздействия данных мер пресечения, с другой стороны, является косвенным подтверждением того, что указанные меры пресечения не столь эффективны.

Список источников

1. Воронина Н. Д. К вопросу о целесообразности введения запрета определенных действий как новой меры пресечения // Известия Института систем управления Самарского государственного экономического университета. 2019. № 1(19).

2. Андроник А. А. Некоторые проблемы применения домашнего ареста и запрета определенных действий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2(34).

3. Дрозд Н. А., Орлов А. В. Запрет определенных действий как новая мера пресечения // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе : мат-лы всерос. науч. конф. адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов с междунар. участием. Самара, 2019.

4. Рогова И. Г. Проблемы избрания и применения меры пресечения в виде домашнего ареста // Государство и право в современном мире : сб. науч. ст. всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2025.

5. Савицкая И. Г. О комбинированном подходе к применению меры пресечения в виде запрета определенных действий в отношении несовершеннолетнего // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2020. № 1(7).

6. Федотов И. С., Дутов Н. Ю. Актуальные проблемы применения запрета определенных действий // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 4.

7. Евдокимова И. С., Поддубняк А. А. К вопросу о целесообразности введения запрета определенных действий как новой меры пресечения // Обеспечение прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве: организационные, процессуальные и криминалистические аспекты : сб. науч. ст. всерос. науч.-практ. конф. Симферополь, 2018.

А. Н. Савченко

Реализация прав стороны защиты при электронной форме досудебного уголовного производства

Статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод закрепляет основные права обвиняемого. УПК РФ конкретизирует права подозреваемого и обвиняемого (ч. 4 ст. 46, ч. 3 ст. 47 УПК РФ), однако для реализации многих прав подозреваемому, обвиняемому понадобится участие защитника. Ввиду того, что защитник — это лицо, призванное осуществлять защиту прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых, оказывать им юридическую помощь при производстве по уголовному делу, реализация прав защитника, подозреваемого, обвиняемого нами будет рассматриваться в совокупности.

Цифровизация всех отраслей жизни не смогла не отразиться на уголовном процессе. Ее элементы уже внедрены в досудебное производство и, по нашему мнению, в конечном итоге приведут к переводу досудебного производства в электронный формат. Уголовное дело не будет иметь бумажного выражения. Важно при введении электронной формы уголовного досудебного производства понять, как эта форма повлияет на реализацию прав стороны защиты.

Интервьюирование 27 адвокатов, осуществлявших защиту обвиняемых, подозреваемых в Омской области, позволило выявить основные проблемы, касающиеся реализации их прав. Имеет место невозможность ведения видео-, аудиозаписи проводимого с их участием следственного или иного процессуального действия самостоятельно; ограничение в ознакомлении с материалами уголовного дела, отказ в приобщении материалов видеозаписи, детализации звонков, информации из социальных сетей; несвоевременное уведомление о принимаемых решениях, невручение копий процессуальных документов и т. д.

Остановимся на одном из проблемных вопросов, обсуждаемых на страницах юридической печати — применение защитником аудиозаписи при производстве следственного или иного процессуального действия. Одни ученые считают, что каких-либо законодательных или теоретических препятствий использования технических средств защитником нет [1, с. 10]. Другие утверждают, что применение технических средств при производстве следственного действия является прерогативой следователя [2, с. 44]. Третьи говорят о том, что защитник не может быть связан средствами и способами оказания помощи своему подзащитному, но их реализация в ходе следственных действий должна быть поставлена в зависимость от решения следователя [3, с. 23]. Адвокатское сообщество утверждает, что в законе нет ограничений на использование звукозаписывающих устройств стороной защиты, отсутствуют и положения о полномочиях следователя давать разрешение на использование адвокатом или обвиняемым диктофона, поэтому получать разрешение на использование звукозаписывающего устройства у кого бы то ни было нет необходимости [4], поскольку звукозаписывающее устройство — это такое же техническое средство, как ручка и лист бумаги [5].

По нашему мнению, применение технических средств при производстве следственных действий и стороной защиты, и стороной обвинения не противоречит принципу состязательности уголовного процесса только в том случае, если стороны заранее предупреждены о применении технических средств, при этом информация о технических средствах должна быть отражена в протоколе следственного действия, равно как и то, кем они применяются. Соответственно, если производилась запись, она должна быть приобщена к протоколу следственного действия. В то же время, если защитник или обвиняемый применяли записывающее устройство, копию записи они обязаны приобщить к протоколу следственного действия, а оригинал оставить себе. Тем самым защитнику и его доверителю обеспечивается право на доступ к материалам следственного действия, произведенного с их участием.

Наличие видеозаписи или аудиозаписи поможет разбираться в конфликтах, которые могут возникать в процессуальной деятельности между следователем и защитником. Так, 15 августа 2022 г. в Комиссию по защите профессиональных прав адвокатов АПКК поступила жалоба адвоката Заура Татлока, в которой говорилось о том, что в ходе проведения следственных и иных действий в служебном кабинете следователь допустил в отношении защитника пренебрежительное отношение: «Я Вам не обязан ничего разъяснять». Проанализировав обращение Заура Тат-

лока, а также изучив представленные им аудио- и видеозаписи, Комиссия пришла к заключению: «Повышение голоса, проявление агрессии в отношении защитника в ходе оказания последним квалифицированной юридической помощи лицу, привлекаемому к уголовной ответственности, расценивается как оказание давления на адвоката с целью препятствовать защитнику добросовестно, квалифицированно и принципиально осуществлять защиту своего доверителя» [6]. Указанный пример наглядно демонстрирует роль видеозаписи в установлении нарушений, допущенных следователем, что лишний раз подтверждает необходимость применения средств аудио, видеофиксации при производстве следственных и иных процессуальных действий.

Перевод досудебного уголовного производства в электронный формат предполагает ведение видеопотоколирования следственных и иных процессуальных действий, что, на наш взгляд, позволит стороне защиты реализовывать право на доступ к материалам следственных действий. Кроме того, ведение видеопотоколирования будет дисциплинировать участников досудебного производства.

Список источников

1. Рагулин А. В. Право адвоката-защитника на использование технических средств: проблемные вопросы реализации и пути их решения // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 2.
2. Давлетов А. А. Право адвоката применять технические средства при производстве следственных действий // Адвокатская практика. 2020. № 2.
3. Бравилова Е. А. Некоторые проблемы участия адвоката-защитника в следственных действиях // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 1.
4. Аджиев Н. «Тихо, идет запись!», или К вопросу о диктофоне на следственном действии. URL: https://zakon.ru/blog/2022/6/29/tiho_idet_zapis_ili_k_voprosu_o_diktofone_na_sledstvennom_dejstvii (дата обращения: 01.06.2025).
5. Адвокатский диктофон приравняли к ручке и бумаге при фиксации следственных действий. URL: <https://www.advokatymoscow.ru/press/smi/5985/> (дата обращения: 01.06.2025).
6. Недопустимое поведение. АП Краснодарского края выявила признаки дисциплинарного проступка в действиях следователя. URL: <https://fparf.ru/news/law-chambers/nedopustimoe-povedenie/> (дата обращения: 01.06.2025).

В. И. Самарин

Институт или подотрасль? К вопросу о правовой природе международной правовой помощи по уголовным делам

В литературе сохраняется дискуссия о правовой природе норм, регулирующих международную правовую помощь по уголовным делам. Наряду с точкой зрения о принадлежности этих норм к самостоятельному институту, существует мнение о формировании ими подотрасли или даже межотраслевого комплекса. Поддержание корректной понятийной дифференциации в правовой науке имеет не только академическое, но и практическое значение, влияющее на принципы кодификации и интерпретации уголовно-процессуального законодательства. Цель настоящей публикации — показать, что нормы международной правовой помощи составляют именно институт уголовно-процессуального права, обладая всеми ключевыми признаками, присущими этой правовой форме.

Международная правовая помощь по уголовным делам представляет собой установленную международными договорами и национальным законодательством систему норм и процедур, обеспечивающую взаимодействие органов, ведущих уголовный процесс, с органами иностранных государств с целью раскрытия и расследования преступлений, привлечения виновных к ответственности, исполнения приговоров, а также соблюдения при этом прав участников процесса. Такие нормы по своей сути носят процессуальный характер (например, передача уголовного преследования, допрос свидетелей, передача предметов), так как они регулируют проведение и организацию процессуальных действий, необходимых для правильного и своевременного расследования и рассмотрения уголовных дел, когда в них участвует иностранный элемент или требуется взаимодействие между органами разных государств.

Внутригосударственная правовая помощь, которая заключается в исполнении поручений органов уголовного преследования и судов национальными органами, хоть и фрагментарно, регулируется уголовно-процессуальным законом (см. ч. 6 ст. 34, ч. 7 ст. 36, ч. 3 ст. 39, ч. 4 ст. 184, 224¹, ч. 4 ст. 343¹ УПК Республики Беларусь), так как она является вспомогательным продолжением производства по уголовному делу. И почему такое «вспомогательное продолжение», выходя за пределы юрисдикции, должно терять свои уголовно-процессуальные свойства?

Характеризуя международную правовую помощь по уголовным делам как институт уголовно-процессуального права, исследователи часто воспринимают это как аксиому [1, с. 27]. «Право каждой страны, будучи единым по своему содержанию, вместе с тем характеризуется внутрен-

ней расчлененностью, дифференциацией на относительно автономные и в то же время связанные между собой части» [2, с. 187]. Институт права — это структурный элемент отрасли права, представляющий собой совокупность взаимосвязанных норм, регулирующих определенный вид однородных общественных отношений в рамках данной отрасли [3, с. 159]. Возникновение уголовно-процессуального института всегда связано с возникновением задачи — необходимости самостоятельной регламентации определенной группы или разновидности уголовно-процессуальных отношений [4, с. 119]. Часть системы, уходящая по линии расхождения, может дополнять другие ее части через обмен функциями (ассимиляция / дезассимиляция активностей) [5, с. 13]. Отрасли и институты права являются не только разными, но и взаимодополняющими: уголовный процесс и международная правовая помощь по уголовным делам хотя и различаются по предмету и структуре, но взаимно поддерживают правовой порядок в трансграничной уголовной юстиции.

Исходя из выделяемых как в классической [2, с. 121–135], так и современной [6] литературе признаков правового института, попробуем спроецировать их на исследуемые нормы права.

1. Комплексность (системность и законченность регулирования). Международная правовая помощь по уголовным делам охватывает комплекс норм, регулирующих основание и условия предоставления помощи; основания отказа в ее предоставлении; виды такой помощи (экстрадиция, исполнение процессуальных поручений, передача уголовного преследования, передача осужденных и др.); процессуальный порядок направления просьбы, ее разрешения и исполнения; полномочия соответствующих органов; права и гарантии участвующих лиц. В законе этот комплекс представлен разделом XV УПК Республики Беларусь. Это система взаимосвязанных норм, логически завершенная, способная самостоятельно регулировать трансграничные процессуальные отношения. Она не требует привлечения внешних (внеинституциональных) норм для базового правоприменения, что указывает на ее законченность.

2. Сфера воздействия (самостоятельное регулятивное воздействие). Нормы о международной правовой помощи по уголовным делам направлены на регулирование особой сферы: применяются в трансграничных ситуациях в рамках уголовного процесса и регулируют общественные отношения между органами, ведущими уголовный процесс, компетентными органами и органами иностранного государства в связи с расследованием, судебным разбирательством и исполнением приговоров.

3. Систематизация норм по предмету регулирования (внутренняя организация и структура, однородность содержания). Правовой институт характеризуется логически выстроенной внутренней последовательностью норм. Институт международной правовой помощи включает нормы, расположенные в определенной последовательности, отражающей логику: от основания оказания до порядка исполнения. Предметом правового регулирования данного института можно назвать общественные отношения, складывающиеся в связи с направлением, рассмотрением, разрешением и исполнением просьб соответствующих органов, осуществляющих предварительное расследование, судебное разбирательство уголовного дела, а также разрешение процессуальных вопросов, возникающих при исполнении приговора.

4. Единство и законодательный замысел (единство юридической конструкции). Нормы правового института объединены не только логически, но и концептуально, то есть они были задуманы законодателем как единое целое, направленное на решение определенной правовой задачи. Вся совокупность рассматриваемых норм подчинена общей цели — обеспечению достижения задач уголовного процесса в трансграничном измерении — и строится на единых принципах, что придает институту целостную правовую конструкцию, продиктованную законодательным замыслом, а не случайным техническим объединением статей. Единство обеспечивается также использованием подобной терминологии в рамках исследуемого комплекса норм.

5. Структурность (внутренняя структура). Правовой институт имеет четкую логико-функциональную структуру, включающую: субъекты (следователь, суд, прокурор, орган иностранного государства, компетентный орган, иные участники), объект (конкретное процессуальное действие — экстрадиция, допрос, обыск и др.), процедуру (механизмы реализации), гарантии.

6. Юридическое единство и наличие общих норм. Институт объединен не только процедурными деталями, но и общими нормами (см. ст. 469, 470, 481, 491–497 УПК). Такие нормы выполняют интеграционную роль, придавая институту юридическое единство, необходимое согласно С. С. Алексееву [2].

7. Формальное обособление в законодательстве. В большинстве современных уголовно-процессуальных кодексов (включая Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Латвию, Польшу, Россию, Словакию и Украину) институт выделен в отдельный раздел или главу. В некоторых государствах (например, Австрия, Германия, Сербия) он регулируется отдельным законом, что тоже указывает на его формальную обособленность.

В отдельных отраслях права выделяют подотрасли. Сложно говорить о такой возможности в уголовно-процессуальном праве (хотя такие попытки можно встретить в литературе [1, с. 155; 7, с. 19–20]). При этом П. С. Абдуллоев не приводит в своей диссертации никаких признаков, по которым он предлагает выделять «международное сотрудничество в сфере уголовного процесса» как подотрасль уголовно-процессуального права.

Подотрасль — это такое объединение институтов, для которого характерна высокая степень специализации, дифференциации и интеграции входящих в его состав правовых общностей [1, с. 155]. Она представляет собой обособленную совокупность правовых норм, регулирующую однородную группу общественных отношений внутри определенной отрасли. Подотрасль характеризуется наличием собственного предмета правового регулирования, принципов, с сохранением отраслевого метода регулирования, что отличает ее от других элементов отрасли. Такой комплекс правовых норм — самостоятельное предметно-функциональное системное явление в рамках внутренней структуры права, соотносимое с отраслью права [8].

В литературе указывается, что «особенностью подотрасли права является то, что метод правового регулирования, используемый ею, приобретает некоторую специфику по сравнению с методом, используемым основной отраслью права» [8]. Такая специфика отсутствует в отношении норм международной правовой помощи по уголовным делам. Здесь все также превалирует императивный метод, хотя и с элементами диспозитивности (например, выбор защитника, необходимость согласия для передачи осужденного в государство гражданства).

Вряд ли можно говорить об автономности функционирования комплекса норм о международной правовой помощи по уголовным делам, что также не позволяет выделять отдельную подотрасль. Реализация данных норм возможна только в совокупности с иными предписаниями уголовно-процессуального права и, прежде всего, относимых к Общей части. Применяются здесь и отдельные общие условия предварительного расследования и судебного разбирательства. Институт международной правовой помощи технически встроен в УПК, что показывает, что такой институт не может существовать вне процессуальной логики.

Системный и содержательный анализ норм, регулирующих международную правовую помощь по уголовным делам, свидетельствует об их принадлежности к категории правового института, а не подотрасли. Это подтверждается как структурной логикой размещения соответствующих

норм в уголовно-процессуальных кодексах, так и их единством по предмету правового регулирования, целевой направленности и внутренней нормативной целостности. Применение категории подотрасли в данном случае методологически избыточно и теоретически необоснованно.

Список источников

1. *Бастрыкин А. И.* Взаимодействие советского уголовно-процессуального и международного права. Ленинград, 1986.
2. *Алексеев С. С.* Структура советского права. М., 1975.
3. *Общая теория государства и права : учебник / под ред. С. Ю. Наумова, А. С. Мордовца, Т. В. Касаевой.* Саратов, 2018.
4. *Ким К. В., Сейтенов К. К., Хашиева Т. М.* Структура уголовно-процессуального института // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 4.
5. *Богданов А. А.* Тектология: (Всеобщая организационная наука) : в 2 кн. : Кн. 2 / редкол. Л. И. Абалкин (отв. ред.) и др. М., 1989.
6. *Джалилова Е. А.* Проблемы определения понятия и сущности института права // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2018. № 2.
7. *Абдуллоев П. С.* Международно-правовая помощь при собирании и проверке доказательств по уголовным делам: УПК Республики Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
8. *Белоусов С. А.* Подотрасль права // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». URL: <https://bigenc.ru/c/podotrasl-prava-020404> (дата обращения: 03.06.2025).

Д. М. Сафронов

Обеспечение оперативного реагирования на изменяющуюся обстановку в особых условиях: четыре шага к трансформации уголовного судопроизводства

В 2022 г. Россия «приняла решение о проведении специальной военной операции (далее — СВО) для обеспечения безопасности своих граждан и защиты жителей Донбасса от геноцида» [1]. В связи с этим 30 сентября 2022 г. в состав России вошли четыре новых субъекта, на территории которых начали организовываться все виды деятельности, включая уголовное судопроизводство. Органы, осуществляющие уголовное судопро-

изводство в условиях военного положения как разновидности особых условий [2, с. 11–15] сталкиваются с рядом проблем, которые условно можно разделить на два вида: проблемы безопасности и проблемы, связанные с оперативным реагированием на изменяющуюся обстановку.

Первая проблема — проблема безопасности. Она выражается в необходимости действовать в условиях прилетов ракет, артиллерийских снарядов, дронов, минометных обстрелов, действий диверсионно-разведывательных групп на новых территориях, что даже на организационном уровне предполагает использование специального транспорта, боевого охранения, средств индивидуальной защиты, автоматического оружия [3, с. 168].

Вторая проблема — обеспечение оперативного реагирования на изменяющуюся обстановку. Она плотно связана с частичным либо полным нефункционированием отдельных органов расследования, а также удаленностью надзирающих и контролирующих органов в этих условиях. Органы предварительного расследования начали работать в значительной степени в 2022 г. Однако, к примеру, в ДНР органы прокуратуры стали функционировать только к концу 2023 г. В ЛНР расстояние между отдельными ОВД и фактическим местом нахождения прокуратур достигало еще на конец 2024 г. 60–70 км (Сватовский и Кременский районы ЛНР). В Запорожской области на тот же период расстояние до отдельных прокуратур от органов предварительного расследования составляло от 60 до 140 км (прокуратуры, осуществляющие надзор за ОМВД «Токмацкий» и «Куйбышевский»). И это существенно снижало осуществление прокурорского надзора, его оперативность и действенность.

Схожая ситуация имеет место с судами. Например, в ДНР на тот же период расстояние от ОМВД до обслуживающего их Новоазовского районного суда составляло 60–70 км, а в отдельных случаях — 80 км (пгт. Мангуш Першотравневого, а в настоящее время — Мариупольского района ДНР). Средняя продолжительность пути в одну сторону составляла более двух часов. Обеспечение предварительного судебного контроля при таких условиях становится задачей, требующей серьезных временных, человеческих и финансовых средств.

Не менее сложно складывается ситуация с участием адвокатов. Например, на территории ДНР ни в 2022 г., ни в 2023 г. не были зарегистрированы адвокаты на четыре территории, обслуживаемых ОМВД России: «Волновахский», «Володарский», «Першотравный» и «Тельмановское». На территории Херсонской области в первой половине 2023 г. осуществляли свою деятельность лишь пять адвокатов из 25, в декабре 2024 г. фактически осуществляли деятельность восемь из 46 адвокатов, получивших статус и состоящих в реестре.

Серьезно осложнялась ситуация с обеспечением права на защиту при проведении предварительного расследования на линии боевого соприкосновения с ВС Украины. Недостаточное количество адвокатов либо их отсутствие приводит к избыточной затрате времени для их приглашения, прибытия и участия в следственных действиях (например, в Алешковском, Голопристанском, Горностаевском, Ивановском, Каховском, Новокаховском районах Херсонской области). При этом их жизнь и здоровье постоянно подвергаются опасности.

В ЛНР даже на июнь 2025 г. не хватало 17 из 171 адвоката, в ДНР — 64 из 423, имеющих в реестре. Сведения об адвокатах в Запорожской и Херсонской областях в открытых источниках отсутствуют, полагаем, не только в связи с их острой нехваткой, но и по соображениям безопасности [4]. При этом очевидно, что можно вести речь о явно недостаточном общем количестве адвокатов в этих регионах, проведя простой сравнительный анализ. К примеру, в Ростовской области их зарегистрировано 4713. Такая ситуация влечет их привлечение с территории соседних регионов, что также сказывается на оперативности и своевременности проведения расследования.

Приведенные данные свидетельствуют также и о сопоставимо низкой возможности органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, оперативно реагировать на изменяющуюся обстановку. Не менее важной является проблема утраты сведений, имеющих доказательственное значение, в результате действий ВСУ.

Приведенные обстоятельства позволяют вести речь о том, что существующее уголовно-процессуальное регулирование приспособлено исключительно к условиям повседневной деятельности. И чтобы его адаптировать к возникшим проблемам, необходимо осуществить, по крайней мере, четыре важных шага.

Во-первых, представляется важным, опираясь на участие в уголовном судопроизводстве иных видов государственной деятельности (связанных с судопроизводством, судебной-экспертной, оперативно-розыскной, административной [5, с. 155–162] и т. п.), поставить вопрос о повышении доверия к представляемым государственными органами результатам своей деятельности в соответствии с утвержденным порядком и на основании установленного законом акта. Это позволит существенно упростить порядок инкорпорации имеющихся сведений в уголовный процесс.

Во-вторых, следует поставить вопрос о необходимости ограничения ряда положений УПК РФ, предоставляющих неограниченные

права и свободы отдельным лицам, в ущерб интересам безопасности отдельных лиц, общества и государства в целом. Этого можно достичь путем предоставления возможности отдельным лицам отказаться от имеющихся у них гарантий в интересах их безопасности, что может позволить обеспечить производство в отношении них любых следственных действий в интересах их безопасности. Кроме того, следует поставить ограничения на использование отдельных принципиальных положений. Например, следует поставить вопрос об его ограничении в связи с обязанностью государства обеспечивать безопасность отдельных лиц, включая защитников, а также необходимостью обеспечивать безопасность общества, основ конституционного строя, самого государства, мира и безопасности человечества. Тем более что и отечественный исторический, и международный опыт по данному вопросу имеется.

В-третьих, видится разумным провести анализ уголовного судопроизводства на предмет наличия процедур избыточного (например, повторное проведение исследований) и дублирующего характера (производство следственных действий после проведения аналогичных, по сути, ОРМ), играющих сдерживающую роль в оперативном получении интересующих сведений, существенно снижающих возможности по достижению целей уголовного процесса в особых условиях.

В-четвертых, следует поставить вопрос об изменении пределов применения отдельных процедур и расширении полномочий отдельных лиц, которые позволили бы им действовать длительно автономно, находясь в нестандартных условиях.

Адаптация уголовного судопроизводства посредством данных четырех шагов может существенно облегчить осуществление уголовного судопроизводства в особых условиях.

Список источников

1. *Обращение* Президента Российской Федерации от 24 февраля 2022 г. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 05.03.2022).

2. *Сафронов Д. М.* Особенности применения задержания в условиях военного положения // *Российский следователь*. 2024. № 8.

3. *Белая книга преступлений украинского режима* / под ред. д-ра юрид. наук А. И. Бастрыкина. М., 2022.

4. *Единый государственный реестр адвокатов*. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/advokaty-rossijskoj-federacii/> (дата обращения: 10.06.2025).

5. *Россинский С. Б.* Результаты административной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2024. № 5.

Н. В. Спесивов

Проблема эффективности и качества уголовного судопроизводства в контексте расширения его транспарентных начал *

Изменения в экономической, политической и других сферах жизни, которые произошли в нашем государстве за последние несколько десятилетий, обусловили появление новых институтов, структур общества и государства, а также переосмысление сущности уже существовавших. Трансформация не обошла стороной и сферу уголовно-процессуальной деятельности, институты которой приобретают новые смыслы и содержание. Данные изменения цепной реакцией приводят к реформированию всех сфер государственного воздействия, что объясняется необходимостью соответствовать современным тенденциям и изменениям общества, однако попытки такой адаптации или даже прогнозирования зачастую не создают стабильность в уголовно-процессуальном правоприменении, не говоря уже о законотворчестве, что напрямую сказывается на эффективности такой деятельности и качественных ее показателях и результатах.

В российской правовой доктрине так и не сложилось устоявшегося мнения относительно содержания понятий «эффективность» и «качество» уголовно-процессуальной деятельности, а также критериев их составляющих. Одни авторы говорят только о качестве уголовно-процессуального закона или правосудия, предварительного расследования; другие — об эффективности и качестве всего уголовного судопроизводства, тем самым разделяя их, отождествляя или включая одно в другое [1, с. 21; 2, с. 49–51; 3, с. 19–26; 4, с. 19–30; 5; 6, с. 81–101].

Как отмечает А. М. Баранов, сущностное содержание понятия уголовного процесса укладывается в рамках четырех доктрин: «1) нормативная; 2) теория отношений; 3) гарантия от необоснованного уголовного преследования; 4) вид государственной деятельности» [7, с. 371]. В нашем понимании, уголовно-процессуальная деятельность является здесь стержневым элементом, хотя и неотделимым от гарантий, ей присущих,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01190. URL: <https://rscf.ru/project/25-28-01190>.

поскольку очевидно, что данная деятельность связана с рисками и угрозами как для личности, вовлеченной в орбиту уголовного судопроизводства, так и для общества и государства со стороны лиц, осуществляющих преступные посягательства.

«Эффективность» и «качество» — близкие по своему смыслу понятия, но говорить об их тождественности применительно к сфере уголовного судопроизводства все-таки не совсем верно. Достижение ожидаемого эффекта всегда связано с назначением деятельности, целевыми установками. Они, хоть и не в полной мере, и не без нареканий, определены в ст. 6 УПК РФ. Это динамичный показатель всей уголовно-процессуальной деятельности, позволяющий оценить взаимосвязь достигнутых результатов с обозначенной целью, насколько успешно (или нет) функционируют уголовно-процессуальные институты, в том числе органы и должностные лица, реализующие свои полномочия. Эффективность уголовно-процессуальной деятельности тесным образом связана с проводимой уголовной политикой государства, и в отрыве друг от друга их рассматривать нельзя. Ожидаемого эффекта (результата, цели) можно достичь лишь комплексно, создав необходимый баланс между интересами общества и личности, а также публичным характером деятельности государства, заключающимся обобщенно в правоохранительной его функции по установлению контроля над преступностью и превентивным, профилактическим ее воздействием.

Качественные же критерии относятся либо к уголовно-процессуальному закону, либо к конкретным результатам правоприменения, принимаемым решениям. Это по своей сути их соответствие нормам, стандартам и ожиданиям личности и общества, включающим в себя объективные и субъективные компоненты.

Оба показателя важны для оценки уголовно-процессуальной деятельности, поскольку высокая эффективность без должного уровня качества хоть и приведет к достижению цели, однако в ущерб интересам личности и общества. Так же, как и высокое качество без достаточной эффективности не всегда свидетельствует о достижении цели либо приводит к искаженному ее пониманию, ее подмене.

Соглашаясь с Л. В. Головкин, отметим, что «соотношение интересов общества и частного лица не может быть решено на уровне законодательной техники. Эта проблема решается достижением временного консенсуса на уровне уголовно-процессуальной политики между моделями „контроль над преступностью“ и „соблюдение должной правовой процедуры“» [8, с. 55]. Тем самым вопрос эффективности уголовного судопроизводства

решается исходя из его назначения в плоскости баланса указанных интересов и начал в корреляции с проводимой государством политикой.

По своей сути «эффективность» и «качество» — две стороны одной медали, ценность которой можно определить, детально оценив и ту, и другую.

Безусловно, применительно к уголовному судопроизводству как к деятельности, осуществляемой государственными органами и должностными лицами, видится важнейшим балансирование интересов личности и общества, публичных и частных начал. Квинтэссенцией такого баланса является социальная сущность назначения уголовного судопроизводства, уравнивающая интересы различных участников процесса, воплощением которой является справедливость. Справедливость вовсе не абстрактная категория, поскольку обеспечивается в процессуальной деятельности посредством повышения эффективности деятельности государства по обеспечению надлежащего уровня защиты прав и свобод человека и гражданина с одной стороны, и возможностью для государства с минимальными издержками разрешить уголовно-правовой конфликт — с другой. Таким образом, эффективность уголовно-процессуальной деятельности в социальном разрезе включает в себя доступ к ней граждан и общества, т. е. транспарентность в широком понимании.

Установление баланса интересов личности, общества и государства видится возможным через реализацию концепции российского уголовного судопроизводства. Вопреки привычному пониманию транспарентности как информационной открытости, гласности при осуществлении соответствующего вида государственной деятельности, считаем, что применительно к уголовному судопроизводству ее следует рассматривать более глобально — как процессуальную основу открытого, доступного и справедливого производства по уголовному делу, в том числе совокупность процессуальных средств обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Представляется, что обеспечение «прозрачности» уголовного судопроизводства находится в коррелирующей зависимости с проблемами достижения социального назначения данного вида государственной деятельности, поскольку она (транспарентность) в обозначенном нами смысле является средой для формирования справедливости и доступности уголовного судопроизводства.

Таким образом, достижение эффективности уголовного судопроизводства посредством нахождения рассматриваемого баланса видится в реализации социального предназначения уголовного судопроизводства

в целом и его транспарентности в частности: открытости, доступности и справедливости указанной деятельности со стороны государственных органов и должностных лиц не в ущерб их деятельности по установлению контроля над преступностью в сочетании с превентивной и воспитательно-профилактической компонентой.

Список источников

1. *Азаров В. А., Беккер Т. А.* Взаимосвязь качества уголовного судопроизводства и судебной ошибки // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2014. № 5.

2. *Баранов А. М., Павлова Е. С.* Проблемы качества и ошибки, совершаемые в досудебном производстве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2(45).

3. *Гаврилов Б. Я.* Роль эффективности уголовного процесса в обеспечении прав участников уголовного судопроизводства: современное состояние и меры по совершенствованию // Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 18–19 июня 2021 года. Ч. 2. Красноярск, 2021.

4. *Гизатуллин И. А.* Концептуальные проблемы оценки качества уголовного правосудия // Российская юстиция. 2024. № 4.

5. *Даровских О. И.* Средства и способы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности. М., 2022.

6. *Цыреторов А. И.* Определение эффективности правового воздействия на реальные процессы и фактические результаты в уголовном судопроизводстве // Lex russica. 2025. № 78(2).

7. *Баранов А. М.* Понятие уголовного процесса // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95).

8. *Курс уголовного процесса* / под ред. Л. В. Головки. М., 2016.

С. А. Табаков

Должностные лица органа дознания как субъекты принятия решения о возбуждении уголовного дела

Сущностной особенностью уголовного судопроизводства выступает наличие процессуальной формы, определяющей порядок действий его участников. Наивысший уровень сложности и детализации такая фор-

ма приобретает после принятия решения о начале предварительного расследования. Вместе с тем, этап проверки сообщения о преступлении по сравнению с предшествующим законодательством получил развитую процессуальную форму.

Стадия возбуждения уголовного дела содержит многие элементы, характерные для производства предварительного расследования. В частности, речь идет о широком перечне следственных действий, производство которых возможно на этом этапе процессуальной деятельности. Развита правовая гарантия лиц, вовлеченных в проверку сообщения о преступлении. Они получили ряд прав, закрепленных в ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ. Среди нормативных положений, подчеркивающих развитие правовой формы, особо следует выделить ч. 1² ст. 144 УПК РФ, определяющую, что полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательства. Это означает, что стадия возбуждения уголовного дела, как и стадия предварительного расследования, способна формировать доказательства, которые могут быть положены в основу приговора.

Приведенная выше характеристика этапа проверки сообщения о преступлении возводит на качественно новый уровень актуальность вопроса о компетенции должностных лиц, обладающих правом на производство процессуальных действий и принятия решений в стадии возбуждения уголовного дела.

Сведения о событии, имеющем признаки преступления, могут поступать в различных формах и существенном объеме. Объективно, что их рассмотрением должен заниматься широкий круг субъектов, реализующих правоохранительные функции в части борьбы с преступностью.

В УПК РФ законодатель предусмотрел нескольких участников уголовного судопроизводства, которые обладают правом на проверку сообщения о преступлении и принятие итоговых решений стадии возбуждения уголовного дела. К ним относятся следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, орган дознания. Бесспорно, что часть должностных лиц, принимающих решения и осуществляющих проверочные действия в стадии возбуждения уголовного дела специально предназначены для формирования сведений, имеющих значение для его разрешения. Именно они образуют доказательства, оценивают источники доказательственной информации, принимают итоговые решения в досудебном производстве. В этом заключается их процессуальная функция.

Наряду с этим на этапе проверки сообщения о преступлении имеют место субъекты, предназначенные для осуществления так называемого

ведомственного процессуального контроля за деятельностью должностных лиц, собирающих сведения, необходимые для принятия итогового решения в стадии возбуждения уголовного дела. Кроме выполнения функций по реализации процессуального контроля законодатель предоставляет им право на участие в проверке сообщения о преступлении и принятия итогового решения.

Необходимо отметить особенность правового регулирования в этой части, которая проявляется в том, что ч. 1 ст. 144 и ч. 1 ст. 146 УПК РФ указывают лишь на одного такого субъекта. Речь идет о руководителе следственного органа. Применительно к деятельности органа дознания должностные лица, осуществляющие ведомственный процессуальный контроль, в ч. 1 ст. 144 и ч. 1 ст. 146 УПК РФ не указаны. В приведенных нормах законодатель обозначает лишь дознавателя и орган дознания в целом. Допустимо предполагать, что если орган дознания имеет право участвовать в проверке сообщения о преступлении и может принимать итоговое решение, то и руководитель данного органа обладает такой же правовой возможностью. Такие рассуждения не вызывали бы каких-либо сомнений в период действия УПК РСФСР, в котором применительно к органам дознания законодатель не выделял отдельные, самостоятельные правовые нормы, регламентирующие правовой статус лиц, предназначенных для осуществления контроля за процессуальной деятельностью должностных лиц подразделения дознания. Хотя при этом некоторые полномочия таких субъектов закреплялись в законе, в частности, в ст. ст. 117, 119, 120, 416 УПК РСФСР. Кроме того, в теории уголовного процесса отмечалось, что орган дознания представляет из себя определенную иерархию, которую возглавляет руководитель этого органа [1, с. 14]. Ученые-процессуалисты указывали в своих работах, что начальник органа дознания несет полную ответственность за качество и сроки расследования, утверждает постановления о производстве следственных действий в процессе дознания, а также непосредственно участвует в производстве следственных действий [2, с. 23]. В этих условиях допустимо было рассуждать, что уголовное дело направлялось в суд не конкретным должностным лицом органа дознания, а органом дознания в целом. Орган дознания, в том числе и его руководитель, был ответственным за результаты расследования. При таком правовом регулировании начальник органа дознания обладал правом на возбуждение уголовного дела.

Существующее правовое регулирование в части закрепления процессуального статуса должностных лиц органа дознания существенно изменилось. Причем такие изменения носили поэтапный характер. Так,

с принятием УПК РФ появилась самостоятельная норма, определившая процессуальный статус дознавателя. Затем в 2007 г. законодатель урегулировал правовое положение должностного лица, возглавляющего подразделение, предназначенные для производства расследования в форме дознания. Венцом этих преобразований стало включение в УПК РФ самостоятельной нормы, посвященной начальнику органа дознания. Указанное нормативное развитие изменило общую оценку правового положения органа дознания в целом. В нем появились субъекты, получившие свой собственный процессуальный статус. Законодатель определил права и обязанности каждого из них. Анализ правового положения должностных лиц, предназначенных для осуществления контроля за процессуальной деятельностью органа дознания, свидетельствует о различном объеме их полномочий. Так, на этапе проверки сообщения о преступлении правом на возбуждение уголовного дела согласно ч. 2 ст. 40¹ УПК РФ обладает только начальник подразделения дознания. Применительно к начальнику органа дознания законодатель такого права не закрепляет. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 40² УПК РФ начальник органа дознания лишь может лично рассматривать сообщение о преступлении и принимать участие в их проверке. Таким образом, анализ действующего законодательства, оценка существенного развития правового положения органа дознания в целом, характеризующегося выделением в его структуре отдельных субъектов, свидетельствует о том, что начальник органа дознания правом на принятие решения о возбуждении уголовного дела не обладает. Представляется, что в условиях процессуальной детализации действий должностных лиц на этапе проверки сообщения о преступлении, допустимости формирования здесь доказательств, правоприменитель должен четко определять объем полномочий лиц, входящих в орган дознания. Следует констатировать, что на сегодняшний день правом на возбуждение уголовного дела обладают только дознаватель и начальник подразделения дознания.

Список источников

1. Чувилев А. А. Дознание в органах внутренних дел. М., 1986.
2. Белозеров Ю. Н., Гуткин И. М., Чувилев А. А., Чугунов В. Е. Органы дознания и предварительного следствия системы МВД и их взаимодействие. М., 1973.

Профилактическая деятельность следователя при расследовании уголовного дела

Профилактическая деятельность органов предварительного расследования (следственная профилактика) — это система целенаправленных действий, решений и мер по выявлению, изучению и устранению (нейтрализации) обстоятельств, способствующих совершению преступления, иных нарушений закона в связи с расследованием уголовного дела сотрудниками органов предварительного расследования самостоятельно и с привлечением государственных органов, должностных лиц и организаций [1, с. 12].

Основным средством профилактического реагирования в процессуальной форме является представление о принятии мер по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступления или других нарушений закона, что вытекает из требований ч. 2 ст. 73, ч. 2 ст. 158 УПК РФ.

В юридической литературе под обстоятельствами, способствовавшими совершению преступления, понимаются совокупность всех юридически значимых фактов и явлений, подлежащих выявлению, доказыванию и устранению, которые при определенных условиях неизбежно способствуют и обеспечивают совершение уголовно наказуемого деяния [2, с. 20–21].

В. А. Передерий указывает, что под обстоятельствами, способствовавшими совершению преступления, понимаются причины и условия, которые обусловили совершение преступления данным лицом [3, с. 6–7].

Определяя понятие обстоятельств, способствующих совершению преступления, важно понимать, что такие обстоятельства имеют разнообразный характер и источник происхождения и включают в себя как причины, так и условия совершения преступления, установленные по конкретному уголовному делу.

Важное значение в профилактической деятельности органов предварительного расследования играют полномочия руководителя следственного органа, позволяющие ему в ходе проверки материалов уголовного дела давать указания следователю в отношении организации им профилактической работы. Анализ организации работы территориальных следственных подразделений МВД России¹ по рассматриваемому во-

¹ Нами изучен и проанализирован информационно-справочный материал об организации профилактической деятельности территориальных следственных подразделений МВД России за 2024 год, поступивший во исполнение запроса Следственного департамента МВД России.

просу позволяет сделать вывод о наличии комплексного подхода в осуществлении ведомственного процессуального контроля, выражающегося в следующих основных формах:

- ведение территориальными следственными подразделениями контрольно-наблюдательных дел, журналов профилактической работы, осуществление сверок по внесенным представлениям, направленным на поминаниям, поступающим ответам, а также контроль за работой должностных лиц по устранению причин и условий, способствовавших совершению преступлений;

- организация и проведение руководителями следственных управлений по субъектам РФ заслушиваний руководителей территориальных следственных подразделений о результатах профилактической работы;

- обобщение и анализ сведений о работе следственных подразделений по профилактике преступлений, подготовке и направлении в территориальные подразделения соответствующих обзоров, информационных писем, в которых отражаются недостатки в организации профилактики преступлений, в том числе по вносимым в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ представлениям, мероприятиям по их устранению, подготовке образцов представлений и других практических рекомендаций;

- изучение уголовных дел, находившихся в производстве следователей, с целью выявления причин и условий их совершения, проверки наличия в каждом уголовном деле внесенного представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступлений. Примечательно, что в отдельных следственных подразделениях предусматривается процедура согласования соответствующего представления с непосредственным руководителем следственного органа;

- проверка планов совместных следственных и оперативно-розыскных мероприятий, составляемых на первоначальном этапе расследования, на предмет отражения и планирования в нем мероприятий профилактического характера, а в случае отсутствия таковых, подготовке указаний в порядке ст. 39 УПК РФ с целью их проведения и др.

Отметим, что в большинстве территориальных подразделений уровня субъекта РФ деятельность по профилактике преступлений дополнительно регламентирована путем издания соответствующих распоряжений и указаний, в которых закрепляется порядок организации работы по осуществлению профилактической деятельности².

² Например, ГСУ по Нижегородской области; ГСУ ГУ МВД России по г. Москва, ГСУ ГУ МВД России по Новосибирской области и др.

Подводя итог, отметим, что установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, является одним из важных направлений деятельности должностных лиц органов предварительного следствия при расследовании каждого уголовного дела. В целях повышения ее эффективности в территориальных следственных подразделениях МВД России предусмотрены различные формы ведомственного процессуального контроля.

Список источников

1. Анучина О. В., Костин С. Г., Курилов С. И., Сатдинов Л. В. Профилактическая работа следователя и дознавателя органов внутренних дел : учеб. пособие. М., 2024.
2. Волкова Г. А. Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления: понятие и содержание // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2.
3. Передерий В. А. Криминалистическая профилактика преступлений органами предварительного следствия : методические рекомендации / под ред. А. М. Багмета. М., 2017.

С. Ю. Туров

Протокол судебного заседания: надежное доказательство или источник сомнения в уголовном судопроизводстве?

Обеспечение конституционной гарантии судебной защиты прав и свобод напрямую зависит от создания и стабильного функционирования эффективного механизма отправления правосудия, основанного на строгом соблюдении всех законных процедур. Основой системы уголовного судопроизводства, согласно ст. 85 УПК РФ, является доказывание. Решающим этапом формирования доказательств является объективизация сведений, воспринятых субъектом доказывания, путем их закрепления с использованием средств фиксации, установленных законом [1, с. 33]. Без надлежащего удостоверения фактических обстоятельств знание о них теряет процессуальную силу и не может использоваться для принятия решений компетентными лицами.

Одним из способов отображения информации о фактах и обстоятельствах является фиксация судебного заседания. В отличие от других видов доказательств, протокол судебного заседания консолидирует информацию, полученную как на стадии предварительного расследования, так и в ходе судебного разбирательства, превращая ее в доказатель-

ство. Это обусловлено тем, что суд, осуществляя доказывание, исследует не только материалы предварительного расследования, но и новые сведения, представленные участниками процесса или добытые им самостоятельно. Важной характеристикой протокола судебного заседания является последовательное отражение всех значимых действий, совершаемых судом и участниками процесса.

Диспозиция ч. 6 ст. 259 УПК РФ предписывает составлять протокол судебного заседания в трехдневный срок после завершения судебного разбирательства. Юридическую силу протокол обретает после его подписания секретарём (помощником судьи) и судьей. Однако положения ч. 6 и ч. 7 ст. 259 УПК РФ допускают отступление от общего правила, предоставляя судье дискрецию в отношении частичного изготовления протокола и продления срока его оформления при наличии уважительных причин. Следствием этого, учитывая продолжительность многих судебных процессов, являются ситуации, когда протокол составляется спустя значительное время после совершения судебных действий и вынесения итогового судебного акта.

Отсутствие законодательно закрепленного предельного срока составления протокола судебного заседания создает значительные препятствия для реализации сторонами права на ознакомление с данным документом и внесение в него замечаний. Действительно, представляется весьма затруднительным, даже для обладающих феноменальной памятью, достоверно восстановить содержание показаний потерпевших, свидетелей и иных участников процесса, данных, скажем, шесть месяцев назад, и объективно оценить точность их отражения в протоколе. Наряду с этим составление протокола после принятия итогового решения по делу фактически лишает суд возможности оценить его в соответствии с критериями, предусмотренными ст. 88 УПК РФ. Да и ссылка суда на сведения, не зафиксированные в протоколе и, следовательно, не обладающие юридической силой, противоречит требованиям законности.

В связи с этим в доктрине отмечается необходимость формирования протокола по окончании каждого дня судебного заседания и обеспечении возможности его изучения сторонами [2, с. 63], что не гарантирует исключения ситуаций, когда суд выносит итоговый акт, не располагая надлежащим образом оформленным протоколом, особенно при завершении рассмотрения дела в рамках одного заседания.

В этой дискуссии заслуживает внимания позиция О. Я. Баева, который предложил составлять протокол судебного заседания до прений сторон, после рассмотрения поступивших замечаний, поскольку лишь после

соблюдения указанных условий протокол может признаваться полноценным и достоверным доказательством, а решение, основанное на содержащихся в нем сведениях, законным [3, с. 224–225]. Сложно не согласиться с данным утверждением, ведь действительно, в отсутствие полного и надлежащим образом оформленного протокола судья вынужден оценивать полученные сведения на воспоминаниях и личных заметках, что может привести к неполному учету всех деталей, установленных в ходе судебного разбирательства.

Вопреки вышесказанному, в современной юриспруденции преобладает формальный подход, сводящий значение протокола к роли средства фиксации процессуальных действий и лишь в отдельных случаях — при рассмотрении дела в вышестоящих инстанциях или при повторном разбирательстве — наделяющий их статусом источника доказательств [4, с. 376]. Подобная двойственная трактовка создает логическое противоречие: если протокол обладает доказательной силой, то она должна распространяться на всех участников процесса и на все стадии судопроизводства, а не ограничиваться определенными целями или инстанциями.

Серьезным недостатком действующей правовой регламентации является невозможность для судьи, ведущего процесс, самостоятельно исправить неверные, по его мнению, сведения в протоколе, составленном секретарем (помощником), особенно если последний не согласен с правками, а стороны не представили замечаний. Дополнительно осложняет ситуацию требование обязательного совместного подписания протокола судьей и секретарем (помощником), ведь только такой способ утверждения придает ему свойство допустимого доказательства. Отсутствие взаимного согласия делает невозможным исправление обнаруженных ошибок, потенциально сохраняя неверные данные в протоколе.

По нашему убеждению, наиболее оптимальным вариантом, учитывая как теоретические, так и практические соображения, является составление протокола до того момента, когда суд удаляется для принятия решения. Не следует упускать из виду, что ценная информация аккумулируется не только в ходе исследования доказательств, но и во время выступлений сторон, а также при произнесении подсудимым последнего слова. Реализация предложенного решения позволит существенно снизить вероятность отмены или изменения судебных актов по основаниям, связанным с использованием судом искаженных или не исследованных сведений. Логичным полагаем закрепить исключительное право судьи на единоличное формирование и удостоверение содержания протокола судебного заседания. Совместное удостоверение протокола секретарем

суда (помощником) представляется излишним, так как функция последнего ограничивается техническим обеспечением процесса и фиксацией действий (схожей с той, которую специалист выполняет, помогая следователю в обнаружении и изъятии следов преступления), но не принятием процессуальных решений или формированием доказательства, коим является протокол. Обозначенный порядок позволит устранить потенциальные конфликтные ситуации (в том числе связанные с несоставлением протокола, его фальсификацией и пр.) и обеспечит надлежащий уровень независимости и ответственности в изготовлении названного процессуального документа. К тому же секретарь не входит в круг субъектов доказывания, а итоговое решение по замечаниям на протокол выносится и удостоверяется судьей единолично.

По аналогии с функциями помощника судьи, который занимается подготовкой проектов решений (ст. 244¹ УПК РФ), необходимо возложить на секретаря судебного заседания обязанности по ведению аудиозаписи и оказанию содействия судье в подготовке проекта протокола. По сути, и сейчас секретарь фактически составляет проект протокола, который приобретает силу доказательства лишь после подписания судьей.

Список источников

1. *Шейфер С. А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования : монография. 2-е изд., испр. и доп. М., 2021.
2. *Морицакова Т. Г., Петрухин И. Л.* Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам) / отв. ред. О. П. Темушкин. М., 1987.
3. *Баев О. Я.* О протоколе судебного заседания (критический анализ ст. 259 УПК РФ; предложения по ее совершенствованию) // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 1.
4. *Попова И. А.* Процессуально-правовая природа протокола судебного заседания // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3.

А. А. Фельк

Реализация полномочий прокурора на этапе окончания предварительного следствия

Прокуратура Российской Федерации занимает центральное место в системе органов, обеспечивающих законность и правопорядок, выпол-

няя функции надзора за соблюдением законодательства на различных стадиях уголовного судопроизводства. Особое значение приобретают полномочия прокурора на этапе окончания предварительного следствия, где осуществляется контроль за качеством расследования и принимаются существенные процессуальные решения, влияющие на дальнейший ход уголовного дела.

Актуальность изучения реализации полномочий прокурора на этапе окончания предварительного следствия обусловлена тем, что данный этап представляет собой ключевой момент уголовного процесса, в ходе которого формируются правовые основания для передачи дела в суд либо принятия иных процессуальных решений, определяющих судьбу уголовного преследования.

Формы завершения предварительного следствия, закрепленные в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ), включают следующие: во-первых, наиболее распространенная форма — направление уголовного дела в суд с обвинительным заключением, оформленным в соответствии со ст. 220 УПК РФ; во-вторых, прекращение уголовного дела на основании исключительных обстоятельств с вынесением мотивированного постановления, предусмотренного ст. 213 УПК РФ; в-третьих, передача уголовного дела в суд с постановлением о применении принудительных мер медицинского характера, регулируемая ст. 439 УПК РФ, а также иные формы, предусмотренные законодательством.

Ю. П. Якубина отмечает, что каждый процессуальный документ, будь то обвинительное заключение или постановление, составленный в рамках указанных форм окончания предварительного следствия, подлежит обязательной проверке и утверждению прокурором. На основании результатов такой проверки прокурор принимает соответствующее процессуальное решение, обеспечивающее законность и обоснованность дальнейшего движения уголовного дела, что подчеркивает центральную роль прокурорского надзора на данном этапе уголовного судопроизводства [1, с. 190].

Роль прокурора на этапе окончания предварительного следствия вызывает дискуссии относительно ее обвинительного или более широкого характера.

Например, Ю. В. Щетинина подчеркивает, что прокурор, проверяя материалы дела, оценивает доказательства и принимает решения, обеспечивая законность и подготовку к судебному разбирательству, акцентируя его обвинительную функцию [2, с. 140].

Однако Б. А. Касымов указывает, что полномочия прокурора зависят от процессуального документа (обвинительное заключение, акт или по-

становление), что выходит за рамки исключительно обвинительной роли [3, с. 5].

Таким образом, многообразие функций прокурора отражает его комплексную роль, сочетая поддержание обвинения с надзором за законностью и защитой прав.

Процессуальный статус прокурора и, соответственно, его полномочия подлежат закреплению в ст. 37 УПК РФ. При этом в рамках содержания данной статьи не происходит выделения полномочий прокурора, которые являются востребованными исключительно на том или ином этапе предварительного следствия.

По мнению Ю. П. Якубиной, полномочия прокурора на этапе окончания предварительного следствия непосредственно связаны с завершением досудебного производства и направлены на обеспечение законности и обоснованности дальнейшего движения уголовного дела. В соответствии с нормами УПК РФ, прокурор наделен следующими функциями: утверждение обвинительного заключения, подготовленного по итогам расследования; возвращение уголовного дела следователю с письменными указаниями, предусматривающими проведение дополнительного расследования; изменение объема обвинения; переквалификация действий обвиняемых; пересоставление обвинительного заключения либо устранение выявленных процессуальных недостатков [1, с. 150].

Таким образом, совокупность указанных полномочий прокурора на этапе окончания предварительного следствия ориентирована на обеспечение высокого качества досудебного производства, соблюдение принципов законности, обоснованности и справедливости, а также защиту прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства. Эти полномочия формируют правовую основу для перехода уголовного дела к судебной стадии либо принятия иных процессуальных решений, определяющих дальнейшую судьбу уголовного преследования.

Вместе с тем исследование особенностей реализации полномочий прокурора на этапе окончания предварительного следствия сопряжено с некоторыми проблемами, что связано с недостатками в соответствующей сфере правового регулирования.

В частности, спорным является вопрос объема полномочий прокурора, связанных с возможностью прекращения, изменения уголовного дела, что в конечном итоге приводит к затягиванию процессуальных сроков и снижению эффективности уголовного судопроизводства. Подобную точку зрения высказывает И. И. Ишбулатов, который определил подобное положение дел в качестве проблемы [4, с. 97].

Отсутствие четких законодательных критериев для полномочий прокурора создает риск субъективных решений, подрывающих единообразие правоприменения.

Примером служит дело, рассмотренное апелляционной инстанцией Верховного суда Республики Дагестан. Ленинский районный суд г. Махачкалы вернул уголовное дело прокурору по п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, ссылаясь на нарушения в обвинительном заключении, препятствующие вынесению приговора. Апелляционная инстанция установила, что суд не указал конкретных нарушений, не обосновал их неустранимость и вышел за пределы компетенции, оценивая доказательства [5]. Приведенное дело демонстрирует проблему неопределенности полномочий прокурора при устранении нарушений, что затягивает процесс и противоречит ст. 6¹ УПК РФ. Апелляционный суд отменил решение, так как обвинительное заключение соответствовало ст. 220 УПК РФ, а существенных нарушений не было.

Для решения проблемы неопределенности полномочий прокурора при возвращении уголовного дела на основании ст. 237 УПК РФ предлагается внести изменения в данную статью, дополнив п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ требованием обязательного указания в судебном постановлении конкретных процессуальных нарушений, их характера и причин, исключающих возможность вынесения приговора, с обоснованием их неустранимости в судебном заседании.

Можно заключить, что реализация полномочий прокурора на этапе окончания предварительного следствия представляет собой сложный процесс, требующий сбалансированного подхода к выполнению обвинительной, надзорной и правозащитной функций. Для устранения выявленных проблем предлагается не только совершенствование нормативной базы.

Список источников

1. Якубина Ю. П. Решения прокурора на окончании предварительного следствия // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 9 ноября 2022 года / отв. ред. Н. С. Диденко. Ростов н/Д, 2023.
2. Щетинина Ю. В. Функция прокурора на этапе окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения // Всероссийский научный журнал «Вопросы права». 2025. № 1.
3. Касымов Б. А. Полномочия прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением // Перо науки. 2022. № 53.

4. *Ишбулатов И. И.* О проблемах утверждения прокурором обвинительного заключения // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* 2023. № 11-1(86).

5. *Апелляционное постановление № 22-2189/2024 от 22 октября 2024 г.* URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fKA5aexvp4Un/> (дата обращения: 29.05.2025).

Д. П. Чекулаев

Подсудность и состав суда в уголовном процессе: соотношение понятий

В главе 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции Российской Федерации закреплено положение о том, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (ч. 1 ст. 47).

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) законодатель в ч. 3 ст. 8 закрепил схожую с конституционной отраслевую норму, указав на недопустимость лишения подсудимого права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено настоящим Кодексом. Данная норма структурно расположена в гл. 2 УПК РФ, относится к основополагающим началам организации суда и уголовно-процессуальной деятельности.

Однако, упоминая на конституционном и на отраслевом уголовно-процессуальном уровнях понятия «тот суд и тот судья» и «подсудность», законодатель их не раскрывает, правомерно оставляя доктрине возможность для толкования применительно к соответствующему виду судопроизводства. В том числе актуальным и неразрешенным в науке остается вопрос: включается ли состав суда в понятие подсудности либо наряду с подсудностью является одним из составляющих более широких понятий «право на законный суд» и «право на судебную защиту»?

В литературе высказываются различные точки зрения о соотношении рассматриваемых понятий. Например, К. Ф. Гуценко рассматривал состав суда как неотъемлемую часть института подсудности, «определить подсудность — значит определить тот суд, в котором должно быть разрешено по существу данное дело, и его состав» [1, с. 407]. Аналогичной точки зрения придерживается Л. А. Пупышева, рассматривая подсудность как «совокупность правил ... в соответствии с которыми определяется, какой суд должен рассмотреть и разрешить данное дело, и состав суда» [2, с. 104–105]. По мнению П. В. Кондрашина, право на законный

суд определяется как право на рассмотрение конкретного уголовного дела именно тем судом (составом суда), к подсудности которого относится данное уголовное дело. В отдельных государствах такое право еще называется правом на справедливое судебное разбирательство [3, с. 18].

В учебных изданиях высказывается подход, согласно которому «подсудность» означает: а) совокупность особенностей уголовного дела, с помощью которых из всей множественности судов, уполномоченных рассматривать уголовные дела, при соблюдении установленных законом правил (видов или критериев подсудности) определяется конкретный суд, который должен рассматривать это уголовное дело в качестве суда первой инстанции; а также: б) правила определения законного состава суда при рассмотрении этого дела [4, с. 658]. О составе суда как об одном из критериев, необходимых для исключения неопределенности в том, в каком суде и каким судьей подлежит рассмотрению то или иное дело (наряду с предметным (родовым), территориальным и персональным), указывается и в другой учебной литературе [5, с. 329-330].

Являясь в целом сторонником приведенных подходов, отметим, что некоторая часть ученых придерживаются противоположной точки зрения, согласно которой состав суда не входит в понятие подсудности. Например, И. С. Дикарев и Д. А. Лыков приходят к выводу о недопустимости смешения данных понятий, поскольку решения относительно подсудности и состава суда принимаются разными субъектами и в разное время; уголовное дело, подсудное одному и тому же суду, может рассматриваться разными составами суда; различны критерии определения состава суда и подсудности [6, с. 66-68].

Другие авторы отстаивают схожую позицию, согласно которой понятия «состав суда» и «подсудность» связаны между собой, но являются автономными уголовно-процессуальными институтами с собственным нормативным регулированием. Например, по мнению Е. Е. Коноваловой, законный состав суда является элементом права на судебную защиту, а не элементом права, предусмотренного ч. 1 ст. 47 Конституции РФ [7, с. 25]. Как утверждает С. В. Бехало, нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие подсудность уголовных дел, а также регламентирующие состав суда для его рассмотрения, находятся в постоянном взаимодействии и являются составными элементами механизма обеспечения конституционного права на законный суд (ст. 47 Конституции РФ) [8, с. 46-47].

Представляется, что в процессе будущих научных обсуждений необходимо определиться с доктринальным раскрытием существа консти-

туционной нормы (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ), о механизме реализации права каждого на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Полагаю, что термин «тем судьей» в его конституционно-правовом смысле подразумевает понятие законного состава суда. На правильность такого подхода косвенно указывает и Конституционный Суд РФ, который в известном постановлении от 16 марта 1998 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и ст. 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан», проводя подробный анализ релевантных к данному случаю общепризнанных принципов и норм международного права, указал: «право каждого на судебную защиту посредством законного, независимого и беспристрастного суда означает, в частности, что рассмотрение дел должно осуществляться законно установленным, а не произвольно выбранным составом суда, без предубеждения, полно, всесторонне и объективно. Поэтому статья 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации гарантирует, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом». Однако отметим, что Пленум Верховного Суда РФ в п. 19 постановления от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» в качестве примера нарушения, являющегося основанием для отмены судебного решения, приводит рассмотрение дела незаконным составом суда либо с нарушением правил подсудности. Приведенное разъяснение Пленума высшего суда нашей страны указывает на необходимость дальнейшего научно-практического исследования соотношения понятий подсудности и состава суда, а не ставит точку в этом вопросе.

В силу п. 2 ч. 2 ст. 389¹⁷ УПК РФ постановление приговора, вынесение иного судебного решения судом в незаконном составе является безусловным основанием для их отмены. Уголовно-процессуальный закон указывает именно на вынесение решения судом в незаконном составе, а не на постановление приговора «с нарушением правил подсудности», вероятно, полагая, что нарушение подсудности неминуемо влечет за собой незаконный состав суда.

Высказывание приведенной авторской точки зрения, возможно, будет способствовать дальнейшему широкому обсуждению института подсудности в уголовном процессе и взаимной связи этого понятия с составом (законным составом) суда в рамках отдельного «Учения о подсудности». Под таким учением предлагаем понимать целенаправленную

научную деятельность по комплексному изучению феномена подсудности на современном уровне развития судеустройственных и судопроизводственных процессуальных правоотношений, а также по разработке доктринально обоснованных рекомендаций по применению (правоприменительные предложения) и дальнейшему совершенствованию (законодательные предложения) норм о подсудности как в уголовном, так и в других видах судопроизводства.

Список источников

1. *Уголовный процесс : учебник / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 2007.*
2. *Пунышева Л. А. Феномен подсудности в российском уголовном процессе: проблемы теории и законодательного регулирования // Философия права. 2021. № 1(96).*
3. *Кондрашин П. В. Право на законный суд и его реализация в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2023.*
4. *Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2025.*
5. *Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. В. П. Божьева, Б. Я. Гаврилова. М., 2022.*
6. *Дикарев И. С., Лыков Д. А. Состав суда и подсудность в уголовном процессе // Законность. 2024. № 2.*
7. *Коновалова Е. Е. Реализация в российском уголовном процессе права на рассмотрение дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025.*
8. *Бехало С. В. Подсудность в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024.*

Т. Н. Шумилова

Участники судебного заседания в досудебном уголовном процессе

Правосудие в досудебном производстве представляет собой обособленный комплекс судебных процедур и отдельных процессуальных действий, предназначенных для разрешения по существу конкретных разновидностей юридических споров, отнесенных к компетенции суда и подлежащих рассмотрению в порядке уголовного судопроизводства [1, с. 112–113]. Эффективность деятельности судьи при подготовке к судебному заседанию определит возможность дальнейшего рассмотрения дела [2, с. 17].

Цели досудебного производства и деятельности судебной власти в досудебном производстве предметно совпадают в части обеспечения целостности функционирования судебной системы и ее ориентированности на обеспечение прав и законных интересов участников судопроизводства [3, с. 13].

Обязательным участником судебного заседания в досудебном уголовном процессе является судья, который предпринимает меры к обеспечению производства в условиях состязательности. При этом стороны, одной из которых являются представители государственной власти, второй — сторона защиты или участники уголовного судопроизводства, чьи законные интересы были нарушены, имеют равные процессуальные права. К числу наиболее значимых из них относятся: участие в судебном заседании, заявление отводов и ходатайств, ознакомление с позицией других участников судебного заседания, доведение и обоснование своей позиции до сведения суда, предоставление доказательств, участие в их исследовании и др. Иными словами, это те активные действия сторон, которые направлены на формирование у судьи внутреннего убеждения о необходимости удовлетворения конкретного требования определенной стороны.

В свою очередь, суд как орган правосудия призван обеспечить справедливую процедуру принятия решения, исходя из одинаковой природы и значения судебных гарантий для защиты прав и законных интересов личности вне зависимости от того, на какой стадии эти решения принимаются. В истолковании Конституционного Суда РФ закон предусматривает обязанность суда при рассмотрении споров в сфере уголовного судопроизводства оставаться объективным и беспристрастным арбитром [4].

Кроме того, в отличие от всех судебных процедур досудебного производства, предусматривающих обязательное участие прокурора в судебном заседании и наделение его соответствующими полномочиями, интерес представляет законодательная формулировка о праве прокурора на участие в судебном заседании при рассмотрении ходатайств следователя (дознателя) о даче судом согласия на проведение следственных и иных процессуальных действий (ч. 3 ст. 165 УПК РФ). При этом приказы Генерального прокурора РФ обязывают прокуроров не только принимать участие в судебном процессе, но и в каждом случае вынесения судом решения вопреки позиции прокурора тщательно изучать принятое судебное решение и при наличии оснований принимать меры к своевременному обжалованию (приказ Генерального прокурора РФ от 17 сентяб-

ря 2021 г. № 544 (п. 1.8); приказ Генерального прокурора РФ от 19 января 2022 г. № 11 (п. 24)). Интересна в этом отношении судебная практика, которая свидетельствует о значимости участия прокурора и демонстрирующая негативные последствия его отсутствия в судебном заседании в виде отмены судебного решения. Таким образом, участие прокурора в судебном заседании в уголовном досудебном производстве также является обязательным*.

Судье при подготовке и назначении судебного заседания надлежит принять меры к обеспечению участников уголовного судопроизводства, чьи права и законные интересы затрагиваются существом рассматриваемого вопроса. В этой связи важно учитывать, что этот срок нормативно не определен. Очевидно, что он должен быть меньше срока рассмотрения судом представленных материалов, определяемого в зависимости от существа дела (ч. 8 ст. 109 УПК РФ — 7 суток, ч. 11 ст. 110 УПК РФ — 3 суток, ч. 2 ст. 114 УПК РФ — 48 часов, ч. 2 ст. 115¹ УПК РФ — 7 суток, ч. 3 ст. 118 УПК РФ — 5 суток, ч. 3 ст. 125 УПК РФ — 14 суток, 5 суток, ст. 165 УПК РФ — 24 часа, 5 суток и др.) и составлять время, достаточное для принятия по ним решения. Это означает, что в каждом случае суду необходимо учитывать срок, установленный законом для принятия решения, который, по общему правилу, исчисляется с момента поступления материалов в суд.

Представляется целесообразным предусмотреть в уголовно-процессуальном законе право заинтересованных лиц участвовать в судебном заседании в досудебном уголовном процессе. В первую очередь это касается потерпевшего. Законодательное закрепление права заявлять отводы, ходатайства, довести до сведения суда свою позицию относительно рассматриваемых вопросов, обжаловать решения судьи, а также об ознакомлении с материалами, на основании которых судом принимаются указанные виды решений, будет являться гарантией защиты прав и законных интересов потерпевшего. Это позволит суду непосредственно воспринимать и учитывать данные о самом потерпевшем, обстоятельствах, подлежащих установлению, знать его мнение, оценивать полученные данные и принимать процессуальное решение, основываясь на их всестороннем исследовании.

Кроме того, считаем необходимым возложить обязанность по обеспечению обязательного участия защитника при рассмотрении инициа-

* См., напр.: *Постановление Президиума Ярославского областного суда от 21 февраля 2018 г. № 44у-9-2018*; *постановление Московского городского суда от 5 марта 2018 г. по делу № 10-3861/2018*. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тивных обращений должностных лиц органов предварительного расследования, направленных на существенное ограничение прав личности (преследуемого лица) на суд. Это создаст гарантии реализации конституционных установлений об универсальном праве на получение квалифицированной юридической помощи, а также принципов уголовного процесса, прежде всего — обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что законодательное закрепление обязательного участия прокурора, потерпевшего, защитника будет способствовать достижению назначения уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Азаров В. А., Константинова В. А. Система уголовного правосудия: судебные производства и решения // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2023. Т. 20, № 3.

2. Остапенко Е. П. Процессуальная деятельность судьи как фактор повышения эффективности правосудия по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011.

3. Гуськова А. П. К вопросу о процессуальной форме уголовного судопроизводства в России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 83.

4. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» (п 2.1) : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

РАЗДЕЛ IV. Трибуна молодых ученых

Д. А. Жилинский

К вопросу о классификациях процессуальных решений в уголовном судопроизводстве

П. А. Лупинская, говоря о значении существующих в науке классификаций, отмечала, что отнесение процессуальных решений к определенным группам имеет как теоретическое, так и практическое значение. Теоретическое значение, по мнению автора, выражается в том, что классификация процессуальных решений способствует уяснению общей природы процессуальных решений, особенностей отдельно взятых решений, а также законодательно установленных требований к таким решениям. Практическое значение, в свою очередь, заключается в том, что классификация решений направлена на обеспечение принятия законных, обоснованных и справедливых решений [1, с. 45].

Для начала стоит отметить, что попытки классифицировать процессуальные решения предпринимаются не только учеными-процессуалистами, но и законодателем. Комплексный анализ ст. 5 УПК РФ позволяет нам говорить о том, что в главном источнике уголовно-процессуального права решения сгруппированы в рамках трех основных критериев классификации: по форме, субъектам и значению [2, с. 111]. Вместе с тем в юридической науке имеется множество подходов, которыми руководствуются при определении сущности отдельных решений, а также их взаимодействия в рамках общего уголовно-процессуального механизма. Часто именно предложенные и устоявшиеся в науке классификации, практическое значение которых определено в трудах ученых, составляют основу законодательных положений, поэтому их изучение способно предвосхитить будущие изменения в уголовно-процессуальном законе.

Говоря о классификациях, не нашедших своего отражения в российском законодательстве, а представленных лишь в науке уголовно-

процессуального права, стоит отметить, что многие из них характеризуются серьезной степенью проработки и имеют практическое значение для правоприменительной деятельности.

Одной из наиболее масштабных классификаций является предложенное П. А. Лупинской деление процессуальных решений в зависимости от цели их принятия: на решения, принимаемые для обозначения возникновения и направления дела, обеспечения получения доказательств, обозначения процессуального положения участников процесса, устранения причин и условий, способствующих совершению преступления, и иные [3, с. 112].

С. Г. Леонов предложил разделение процессуальных решений, в основе которого заложено свойство процессуальных решений как юридических фактов приводить к возникновению, изменять или прекращать уголовно-правовые правоотношения или правоотношения, возникающие по поводу уголовно-процессуального права [4].

А. В. Миликова в своем исследовании провела масштабную классификацию уголовно-процессуальных актов органов предварительного следствия в зависимости от субъектов, принимающих решения, а также содержания этих решений [5, с. 20–21].

А. Б. Муравин предлагал разделить решения, принимаемые следователем, на две категории: решения, в которых формулируется обвинение, например, обвинительное заключение; решения, в которых разрешается обвинение на стадии предварительного расследования, например, постановление о прекращении уголовного дела [6, с. 14].

Р. Т. Гаприндашвили на основе классификации П. А. Лупинской, в основе которой лежит связь с предметом доказывания, предлагает рассматривать процессуальные решения как основные (в которых содержится ответ на основные вопросы уголовного дела) и вспомогательные (разрешающие предварительные вопросы) [7, с. 23–29].

Н. В. Костовская в качестве критериев дифференциации процессуальных решений рассматривает процессуальную форму и функциональную направленность. В зависимости от процессуальной формы решения могут быть письменными, устными, обязательная письменная форма для которых не предусмотрена (например, решение председательствующего о приглашении свидетеля в зал судебного заседания), и альтернативными, которые могут приниматься как устно в зале судебного заседания, с занесением в протокол, так и в письменной форме, в виде отдельного документа. В зависимости от функциональной направленности автор выделяет решения организационно-распорядительного характера (о на-

значении судебного заседания, о возвращении уголовного дела прокурору и т. д.); решения познавательной направленности (о допросе эксперта, об истребовании вещественных доказательств и т. п.); решения познавательно-распорядительного характера (приговор, решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, о приостановлении производства по делу) [8, с. 75–76].

Таким образом, можно с уверенностью констатировать тот факт, что разработка новых критериев для классификации на доктринальном уровне ведется особенно активно. В то же время следует согласиться с Ю. А. Дагуф, которая считает, что классификация, предложенная законодателем в УПК РФ, еще далека от того, чтобы считаться завершенной, и по-прежнему требует нововведений: изменения, которые были внесены в текст ст. 5 УПК РФ в 2010 г., закрепили новое основание для классификации, однако это было сделано лишь применительно к судебным решениям [2, с. 114]. Безусловно, исходя из теоретической и практической важности подобного деления, было бы хорошо продолжить курс на расширение закреплённых в законе классификаций, которые можно было бы применить к иным процессуальным решениям. Отметим, что, добавив в текст закона виды судебных решений, законодатель обошел стороной многочисленные решения, которые принимаются на стадии досудебного производства.

Список источников

1. *Лупинская П. А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд. М., 2010.

2. *Дагуф Ю. А.* Классификация процессуальных решений: постановка проблемы // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности. Т. 1. Краснодар, 2021.

3. *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации* : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2003.

4. *Леонов С. Г.* Виды и классификация уголовно-процессуальных решений как юридических фактов в досудебном производстве // Общество и право. 2010. № 2(29).

5. *Миликова А. В.* Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2019.

6. *Муравин А. Б.* Проблемы мотивировки процессуальных решений следователя : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1987.

7. *Гаприндашвили Р. Т.* Классификация уголовно-процессуальных решений // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2012. № 4.

8. Костовская Н. В. Процессуальная сущность решения суда первой инстанции по уголовному делу // Вестник Омского государственного университета. 2010. № 3.

А. А. Киселева

О доказательственном значении вербальной информации, полученной в ходе «невербальных» следственных действий

Центральное место в уголовно-процессуальном доказывании занимает вербальная информация, которая является доминирующим способом получения доказательств. Фактически любая информация, даже изначально представленная в виде материальных объектов, в конечном итоге преобразуется в словесное описание [1, с. 39]. Важную роль в вербальном уголовно-процессуальном познании занимают устные сведения участников судопроизводства, которые непосредственно представляют речевое (вербальное) сообщение.

Доказательственное значение имеет вербальная информация, сформированная в ходе следственных действий, непосредственно направленных на ее получение (допрос, очная ставка). Вербальная информация, сообщаемая участниками следственных действий, может являться формой выражения невербальной сущности следственных действий, не имеющих цели ее получения (предъявление для опознания, проверка показаний на месте). Производство этих процессуальных действий невозможно без словесного сопровождения, в связи с чем доказательственное значение произнесенных сведений не вызывает вопросов, хотя в результате формируются не показания, а иной источник доказательств — протокол следственного действия.

В уголовно-процессуальной доктрине дискуссионным остается вопрос о доказательственном значении вербальной информации, полученной в ходе следственных действий невербального характера (осмотр, обыск, выемка, следственный эксперимент и др.), где вербальная составляющая имеет исключительно описательное значение. Уголовно-процессуальным законом не предусмотрена возможность фиксации вербальной информации, сообщаемой участниками таких следственных действий, в соответствующем протоколе, но в правоприменительной практике такой подход распространен. В то же время подобный способ сохранения важной доказательственной информации в ряде случаев является единственным в отсутствие иного законного процессуально-

го механизма использования этих сведений, порой очень значимых для конкретного уголовного дела. В противном случае может быть утрачена информация, получить которую иным путем невозможно. Как верно отмечали в своей работе Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин, ситуацию, при которой первоначально сообщенные объяснения подозреваемого процессуально не оформляются в надежде, что они могут быть получены во время допроса, следует признать ненормальной [2, с. 157]. В данном случае очевидна аналогия. Например, в ходе обыска подозреваемый рассказал об обстоятельствах приобретения оружия, следовательно не занес эту информацию в протокол следственного действия, рассчитывая позднее допросить подозреваемого по этому предмету, однако в ходе допроса последний передумал оглашать ранее сообщенную информацию. В результате ценные доказательственные сведения безвозвратно утрачены, а вместе с ними возможность проведения на их основе следственных и иных процессуальных действий для формирования новых доказательств. С другой стороны, этот подход прямо не предусмотрен законом, поэтому требует выработки критериев допустимости использования вербальной информации, полученной в ходе «невербальных» следственных действий.

В уголовно-процессуальной доктрине рассматриваются различные подходы к решению рассматриваемой проблемы: от предложения считать любые устные сообщения лица, сделанные в ходе любых следственных действий показаниями [3, с. 23–24], до полного отрицания внесения в протокол «невербального» следственного действия объяснений его участников [4, с. 6].

Не впадая в крайности, считаем необходимым выработать оптимальный подход, не противоречащий требованиям закона, а также предельно не формализующий процесс доказывания.

Интересное решение предложено С. Б. Россинским. Он обосновывает идею «разумного наполнения отдельными вербальными элементами любого «невербального» следственного действия с приданием полученным результатам доказательственного значения» [5, с. 158]. Автор полагает, что вербальная информация, озвученная участниками процесса в рамках «невербальных» следственных действий, должна признаваться полноценными показаниями, при условии «гармоничного сочетания требований процессуальной формы, предъявляемых к получению соответствующих видов доказательств» [5, с. 158–159]. Это, по его мнению, позволит наиболее эффективно и рационально осуществлять деятельность по расследованию преступлений. На наш взгляд, такое смешение способов процессуального познания невозможно и каждое отдельное доказательство должно формироваться по соот-

ветствующим правилам следственного действия. Вербальная информация, зафиксированная в протоколе «невербального» следственного действия, не может иметь доказательственного значения показаний.

В целом возможность получения и использования вербальной информации в ходе любого следственного действия регламентирована действующим уголовно-процессуальным законом (ч. 4 ст. 166 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)), предусматривающим отражение в протоколе заявлений его участников. При этом, судя по контексту, в ч. 4 ст. 166 УПК речь идет не о заявлениях относительно порядка производства следственного действия и содержания протокола. Этому посвящена ч. 6 ст. 166 УПК. Однако неоднозначность термина «заявления» требует дифференцированного подхода к оценке допустимости вербальной информации, полученной в ходе «невербальных» следственных действий.

В рамках «невербальных» следственных действий следует различать два подхода к допустимости вербальной информации.

Добровольное сообщение лицом значимой для дела информации в ходе «невербального» следственного действия (например, указание на место сокрытия орудия преступления, пояснения о происхождении наркотиков и т. п.) следует рассматривать как «заявление», которое подлежит фиксации в протоколе соответствующего следственного действия и обладает доказательственным значением как сведения, сопровождающие невербальную сущность следственного действия, при условии разъяснения лицу положений ст. 51 Конституции Российской Федерации.

Инициативное получение следователем вербальной информации путем постановки вопросов противоречит целевой направленности «невербальных» следственных действий и не вписывается в законодательный термин «заявления», предполагающий добровольное предоставление сведений участником процессуального действия, а потому лишает полученную информацию доказательственного значения.

По нашему мнению, такой подход вписывается в требования процессуального закона и обеспечивает сохранение вербальной доказательственной информации, сообщенной участниками «невербальных» следственных действий.

Список источников

1. Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

2. Жогин Н.В. Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие. М., 1965.
3. Глобенко О. А. Показания обвиняемого в современном российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
4. Григорьева Н. В. Исключение из разбирательства дела недопустимых доказательств // Российская юстиция. 1995. № 2.
5. Россинский С. Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.

Н. Р. Максимов

О собирании доказательств консульскими должностными лицами Российской Федерации на территории иностранного государства

Собирание доказательств является неотъемлемой частью уголовного процесса, от которого во многом зависит результат рассмотрения и разрешения уголовного дела [1, с. 1]. При этом, на фоне все более активной деятельности Российской Федерации на международной арене, и, в частности, в сфере борьбы с преступностью, видится крайне ограниченным внимание законодателя к уголовно-процессуальным мерам противодействия общественно опасным деяниям, особенно к вопросам собирания доказательств вне юрисдикции государства, являющегося местом производства предварительного расследования. Как правило, исследователи сосредоточивают внимание на основном институте собирания доказательств за пределами Российской Федерации — правовой помощи по уголовным делам, заключающейся в направлении международного поручения о производстве процессуальных действий в адрес компетентного органа иностранного государства. Схожей позиции придерживается и законодатель, условно ограничивающий в ст. 455 УПК РФ перечень доказательств, получаемых с зарубежной территории лишь исполненным запросом о правовой помощи и приложениями к поручению об осуществлении уголовного преследования.

Тем не менее, на практике имеют место и иные процессуальные формы собирания доказательств на территории иностранных государств, одной из которых является процессуальная деятельность консульских должностных лиц. В науке указанная деятельность именуется «консульской правовой помощью» [2, с. 280], что, на наш взгляд, не совсем верно ввиду того что законодателем установлена единая процессуальная форма

правовой помощи — обращение в компетентные органы иностранного государства с просьбой о производстве ими необходимых процессуальных действий. Поскольку деятельность консульских работников не предполагает обращения к иностранным государственным органам с указанной целью, а представляет собой непосредственное производство ими процессуальных действий, можно сделать вывод о том, что такой способ собирания доказательств не относится к правовой помощи.

Целесообразным полагаем также и разграничить деятельность консульских должностных лиц по собиранию доказательств с реализацией ими процессуальных полномочий в качестве органов дознания по делам о преступлениях, совершенных в пределах консульских учреждений в соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 40 УПК РФ, в рамках которой руководители диппредставительств и консульских учреждений уполномочены возбуждать уголовное дело и производить неотложные следственные действия.

Здесь необходимо указать на проблему процессуального статуса консульского работника при собирании им доказательств. Дело в том, что статусом органа дознания консульский работник обладает лишь в указанном выше случае совершения преступления в пределах территории консульского учреждения. Соответственно, при производстве процессуальных действий в рамках исполнения поручений следователя или дознавателя на территории государства пребывания он подобным статусом не обладает и вообще перестает являться субъектом уголовного судопроизводства.

Требует уточнения вопрос о субъекте, которому дает поручение следователь в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, с учетом того, что консульское должностное лицо органом дознания не является. В настоящее время уголовно-процессуальным законодательством не регламентирован процессуальный статус консульских должностных лиц, за исключением руководителя консульского учреждения, вследствие чего полагаем, что, во избежание признания доказательств недопустимыми, производством процессуальных действий по поручению следователя / дознавателя на территории иностранного государства следует заниматься именно руководителю учреждения, как единственному субъекту, признаваемому законодателем правомочным на это, и применять положения ч. 3 ст. 1 УПК РФ как «расширяющие» перечень уголовных дел, по которым он может осуществлять свои процессуальные полномочия.

Также при собирании доказательств подобным образом необходимо учитывать общепризнанные принципы и нормы международного права, закрепленные Уставом Организации Объединенных Наций 1945 г. и Де-

кларацией об общих принципах и нормах международного права 1970 г., в частности, суверенитет государства пребывания и отказ от вмешательства в его внутренние дела. Соблюдение указанного принципа, по нашему мнению, возможно при уведомлении либо получении разрешения от государственных органов страны пребывания — в зависимости от его процессуального законодательства.

Подводя итог, необходимо отметить, что собрание доказательств консульскими должностными лицами на территории иностранного государства по своей процессуальной форме существенно отличается и от международной правовой помощи по уголовным делам, и от реализации руководителями консульских учреждений Российской Федерации за рубежом своих процессуальных полномочий как органов дознания и представляет собой специфический самостоятельный вид процессуальной деятельности. При этом для урегулирования правового статуса сотрудников консульских учреждений как качества участников уголовного судопроизводства, а также порядка собирания ими доказательств, предполагаем, что законодателю следует предусмотреть соответствующие процессуальные нормы, направленные на это.

Список источников

1. *Облога А. В., Короленко И. В.* Понятие и способы собирания доказательств // Столыпинский вестник. 2023. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-sposoby-sobiraniya-dokazatelstv> (дата обращения: 02.06.2025).

2. *Клевцов К. К.* Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: теоретико-правовые основы : монография. М., 2024.

А. В. Мокровский

Относимые доказательства по преступлениям, предусмотренным статьей 201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями»

Основные правила доказывания зависят от того, сколько нужно собрать сведений по уголовному делу, чтобы установить событие преступления и наказать виновного.

Эти правила основываются на общепризнанных принципах естественного разума и справедливости, но они обязаны соблюсти ту форму, в которой они действительно обнаруживаются, и в какой степени они со-

ответствуют уголовно-процессуальному закону, чтобы все это приобрело качество эффективного судопроизводства.

С целью отличия доказательств, получаемых в уголовном судопроизводстве, от обычных естественных доказательств, предмет доказывания которых находится вне понятий уголовного судопроизводства и юриспруденции вообще, и с целью показать существенные отличия и характеристики доказательств, получаемых в уголовном судопроизводстве, их принято называть в теории уголовного процесса «судебные доказательства».

Это позволяет прийти к выводу, что «судебными доказательствами» могут быть определены доказательства, полученные судами для подтверждения или опровержения фактов, о наличии которых идет речь в судопроизводстве. Под фактом здесь следует понимать обстоятельства, связанные с фактом, составляющим предмет доказывания по уголовному делу.

Основное правило известно с давних времен, оно гласит, что бесполезно доказывать то, что, будучи доказанным, не имеет отношения к делу, в этой фразе заключено смысловое значение доказательств, которые в нашем УПК РФ согласно ст. 88 носят название «относимые».

Одним из первых обратился к вопросу относимости доказательств в уголовном процессе П. Люблинский [1]. Далее к проблеме относимых доказательств обращались в своих работах В. К. Случевский [2, с. 26–51] и Д. Н. Стефановский [3].

За основу была предложена теория релевантных доказательств [4]. Как писал У. Бест, суд создается для определения вопросов, которые являются предметом спора между соперничающими сторонами, и все, что не имеет ни прямого, ни косвенного отношения к этим вопросам, должно быть немедленно отброшено как находящееся вне юрисдикции суда и как стремящееся отвлечь его внимание и потратить его время [5, р. 350].

Обобщая, можно сделать вывод, что относимые доказательства — это сведения, имеющие отношение к предмету доказывания по уголовному делу, с помощью которых возможно установить истину по делу и вынести справедливое и правосудное решение.

Полученные данные по результатам анализа правоприменительной практики* дают возможность установить, что суды определяют как отно-

* См., напр.: Уголовные дела № 66RS0005-01-2018-000224-66, 18RS0003-01-2019-002948-06 ; апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 марта 2014 г. по делу № 18-АПУ14-8 ; кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 мая 2013 г. по делу № 66-013-8 ; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26 января 2012 г. по делу № 73-Д11-2. Архив Верховного Суда РФ.

симые к предмету доказывания по обвинению по ст. 201 УК РФ, которые позволяют четко определить логическую связь между относимыми доказательствами для достоверного установления обстоятельств преступления, а также найти критерии, которые можно описать как особенности относимых доказательств для всех дел по обвинению по ст. 201 УК РФ.

1. Прямые доказательства преступной деятельности:

а) документы, подтверждающие полномочия обвиняемого: уставы организаций, трудовые договоры, приказы о назначении на должность, выписки из ЕГРЮЛ, протоколы собраний акционеров;

б) финансово-хозяйственные документы: договоры займа, кредитные договоры, платежные поручения, акты ревизий, бухгалтерские отчеты;

в) экспертные заключения: бухгалтерские, почерковедческие, строительные экспертизы, судебно-экономические экспертизы.

2. Косвенные доказательства (улики):

а) действия обвиняемого: создание подконтрольных структур, перевод средств на счета третьих лиц, подделка документов;

б) последствия преступных действий: финансовый ущерб, потеря активов или лицензий организаций;

в) нарушение процедур оформления документов: отсутствие согласования с коллегиальными органами, использование подставных лиц.

3. Свидетельские показания: показания сотрудников организации о нарушении внутренних процедур и о давлении со стороны обвиняемого, показания потерпевших — клиентов, не получивших деньги или имущество, показания лиц, чьи документы использовались без их ведома.

Основным критерием относимости доказательств, указанных выше, является их связь с предметом доказывания, а следовательно, они должны подтверждать полномочия обвиняемого, факт злоупотребления этими полномочиями, причинение ущерба или извлечение выгоды. Одновременно относимые доказательства должны подтверждать корыстную заинтересованность (например, выплаты подсудимому или аффилированному лицу денег) либо использование родственных связей. Нарушения законодательства должны носить системный характер (множественность эпизодов и повторяемость схем совершения преступных эпизодов). Во всех делах относимые доказательства комбинируются: прямые (экспертизы, осмотры) создают основу обвинения, свидетельские подтверждают мотивы и механизм преступления, а улики связывают действия обвиняемых с наступившими последствиями. Таким образом, убедитель-

ность обвинения зависит от взаимодополняемости всех трех групп относимых доказательств.

Список источников

1. *Стифен Дж.* Очерк доказательственного права (перевод с 8 англ. издания со вступительными статьями П. И. Люблинского). СПб., 1910.
2. *Случевский В. К.* О пределах власти уголовного суда при устранении обстоятельств, к делу не относящихся // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1880. Кн. 1.
3. *Стефановский Д. Н.* О пределах исследования в уголовном процессе. Очерк теории относимости доказательств. Ярославль, 1894.
4. *Stephen J. F.* A digest of the law of evidence / By James Fitzjames Stephen. 4. ed. London, 1881.
5. *Best W. M.* The principles of the law of evidence with elemenatry rules for conducting the examination and cross-examination of witnesses. London, 1870.

К. Р. Погорелова

Альтернативы уголовному преследованию как элементы восстановительного правосудия

Развитие современного уголовного судопроизводства направлено на внедрение идей гуманизма. Данная тенденция наиболее четко прослеживается в ювенальной юстиции, о чем свидетельствует активное применение восстановительных программ в отношении несовершеннолетних [1].

Отечественное уголовно-процессуальное и уголовное законодательство содержит в себе элементы восстановительного подхода. Они выражаются в закреплении оснований для прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования, оснований освобождения от уголовной ответственности, уголовного наказания. Исходя из наличия подобных правовых норм и правоприменительной, судебной практики, мы можем говорить об имеющихся элементах восстановительного правосудия в российском уголовном судопроизводстве, основными элементами являются возможность примирительных процедур и применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним.

Названные элементы восстановительного правосудия являются альтернативами традиционному уголовному преследованию. Развитие иных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов и применение альтернатив обусловлено несколькими факторами:

1) не всегда следует достигать цели претерпевания виновным неблагоприятных последствий за совершенное преступление путем наказания. По некоторым категориям уголовных дел достаточным является возмещение вреда и исправление осужденного;

2) возможность и целесообразность быстрого разрешения уголовно-правового конфликта, стремление к быстрому восстановлению его прав;

3) высокие экономические затраты на содержание исправительных учреждений и иных инструментов обеспечения исполнения уголовного наказания нецелесообразны при полном возмещении ущерба потерпевшему, восстановлении нарушенного объекта уголовно-правовой охраны;

4) заинтересованность государства в снижении рецидива, предупреждении совершения новых преступлений за счет учета личности виновного и его отношения к совершенному деянию и наступившим общественно опасным последствиям.

Говоря о неэффективности уголовного наказания, необходимости снижения рецидивной преступности, следует отметить, что высокие количественные показатели рецидивной преступности демонстрируют недостижение одной из основных целей уголовного наказания — исправление осужденного [2]. Зарубежные авторы отмечают перспективность программ восстановительного правосудия в снижении уровня рецидивизма среди участников по сравнению с традиционными карательными подходами [3].

Необходимость быстрого разрешения уголовно-правового конфликта обусловлена современной политической обстановкой. Внесение в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство соответствующих изменений способствовало данному процессу. Внедрение подобных альтернатив было обусловлено публичными интересами, что позволяет нам утверждать, что применение альтернатив уголовному преследованию обеспечивает как интересы отдельной личности (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, потерпевшего), так и интересы государства.

Альтернативные способы разрешения уголовных дел имеют свои достоинства и недостатки. Их применение является дискуссионным вопросом достаточно давно.

Так, еще в 2003 г. в своей докторской диссертации Л. В. Головкич [4] отмечал, что на Западе альтернативы уголовному преследованию рассматриваются как способ преодоления различных негативных эффектов традиционной реакции государства на преступление в форме уголовного преследования и наказания.

Мы считаем, что современное отечественное уголовное судопроизводство нуждается в развитии подобных альтернативных способов,

потому что стигматизация, вторичная виктимизация и «перегружение» органов уголовной юстиции (к тому же в условиях нехватки кадров) характеризуют современное состояние уголовного правосудия России.

Л. В. Головкин в одном из положений на защиту указывал, что чрезмерное использование альтернатив способно нанести урон достижениям уголовной юстиции [5, с. 13]. Альтернативы уголовному преследованию, по его мнению, должны применяться в строго очерченных пределах, распространяться исключительно на определенные категории преступлений.

Разделяя аналогичную позицию, Д. А. Власов подводит итог своей работы словами: «Тем не менее, переоценка альтернатив уголовному преследованию, их распространение на неоправданно широкий круг противоправных деяний, может повлечь неблагоприятные последствия [6, с. 465]».

В то же время О. И. Андреева утверждает, что поощрительные механизмы должны применяться в уголовном судопроизводстве не только наряду с принудительными, но и вместо них [7, с. 35].

Мы, в свою очередь, считаем, что не следует применять альтернативы ко всем общественно опасным деяниям, соглашаясь с мнением Л. В. Головкина. Однако, по нашему мнению, общество не готово к полному внедрению восстановительного подхода в уголовное судопроизводство. В общественном сознании коренится карательная идея уголовного наказания, что является одной из ступеней развития.

Наша точка зрения подтверждается мнением Т. В. Филоненко, которая рассматривает восстановительное правосудие и развитие альтернативных методов правового воздействия в целом как естественный этап эволюции институтов уголовного преследования и уголовного судопроизводства [8, с. 739].

Вектор гуманизации уголовного и уголовно-процессуального отечественного законодательства подтверждает наше мнение. Никакие изменения не происходят быстро. Общественное сознание, сформированное десятилетиями, не может трансформироваться мгновенно. Однако это вовсе не значит, что не следует развивать и внедрять новые идеи. Наоборот, необходимо это делать, но учитывая правовую действительность, условия реализации и готовность общества, публичных органов власти к воплощению в реальность нововведений.

Список источников

1. *Опыт* Архангельской области. Опыт Республики Коми. Опыт Пермского края. Опыт Кемеровской области — Кузбасса. Восстанови-

тельный подход в уголовном правосудии. Движение за распространение идей восстановительного правосудия (Россия). URL: <https://rj-rus.ru/вп-в-уголовном-правосудии/> (дата обращения: 13.05.2025).

2. Погорелова К. Р. Программы восстановительного правосудия как способ снижения рецидива // Шумиловские чтения : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Российская таможенная академия, 11 декабря 2024 года. М., 2025.

3. Latimer J., Dowden C., & Muise D. The effectiveness of restorative justice practices: A meta-analysis // The Prison Journal. 2017. № 97(6). URL: <https://doi.org/10.1177/0032885517733438> (дата обращения: 13.05.2025).

4. Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации: Современные тенденции развития : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.

5. Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации: Современные тенденции развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.

6. Власов Д. А. Перспективы развития альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта в отечественном законодательстве // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 5-1.

7. Андреева О. И. Альтернативы уголовному преследованию как мера поощрения социально полезного поведения лица, привлекаемого к уголовной ответственности // Поощрение как метод уголовно-процессуального регулирования : мат-лы всерос. круглого стола с международным участием. Санкт-Петербург, 4 февраля 2023 года. СПб., 2023.

8. Филоненко Т. В. Восстановительное правосудие как альтернатива уголовному наказанию // Право и государство: теория и практика. 2024. № 12(240).

А. А. Связенина

Альтернативные основания прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетних

Законодательное разнообразие в вариантах окончания предварительного расследования предусматривает наряду с составлением обвинительного заключения (акта, постановления) нерепрессивную форму завершения производства по уголовному делу — прекращение уголовного дела (уголовного преследования).

Институт прекращения уголовного дела (уголовного преследования), выступающий в качестве альтернативного механизма борьбы с преступностью, несмотря на богатую историю становления и развития, все же точно не определен законом. Фрагментарные законодательные упоминания не формируют единого представления о сущности и содержании, а лишь поверхностно разъясняют отдельные аспекты. Но, несмотря на это, перманентные доктринальные попытки исследования данной темы позволили обусловить наиболее оптимизированный подход к определению: прекращение уголовного дела (уголовного преследования) есть «принятое уполномоченным лицом на основании имеющихся в уголовном деле доказательств и установленных юридических фактов процессуальное решение, констатирующее отсутствие необходимых оснований для уголовно-процессуальной деятельности, либо наличие установленных законом оснований, препятствующих продолжению уголовно-процессуальной деятельности, либо установление оснований, позволяющих отказаться от применения мер уголовной репрессии к подозреваемому (обвиняемому) в совершении преступления» [1, с. 32]. Безусловно, данное определение есть закономерный результат анализа иных подходов к определению понятия, итогов правоприменительной деятельности, а также субъективных наблюдений, умозаключений. Поэтому, не требуя дополнительных разъяснений, полагаем, что приведенное понятие вполне обоснованно можно считать положительным, заслуживающим доктринального и законодательного закрепления.

Исходя из приведенного определения, прекращение производства по уголовному делу как юридический факт, прекращающий дальнейшее расследование и рассмотрение дела, наступает при наличии конкретных причин:

- отсутствие необходимых оснований для уголовного преследования (пп. 1–2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ);

- наличие законных оснований, препятствующих продолжению уголовно-процессуальной деятельности (пп. 3–5 ч. 1 ст. 24, пп. 3–6 ч. 1 ст. 27, ст. 28¹ УПК РФ);

- наличие законных оснований, позволяющих правоприменителю отказаться от применения мер уголовной репрессии к подозреваемому (обвиняемому) в совершении преступления (ч. 1 ст. 28, ст. ст. 25, 25¹, 427 УПК РФ).

Однако представленная классификация не единственная в науке уголовного процесса, авторы нередко указывают иные условия, дифференцирующие основания прекращения производства по уголовному делу. Так, Л. В. Головкин определяет альтернативные основания прекращения

уголовного дела (уголовного преследования), как разновидность нереабилитирующих оснований [2, с. 613], представляющих особый интерес для настоящего исследования.

Длительное время, используя исключительно традиционные формы окончания предварительного расследования — либо направление уголовного дела в суд, либо прекращение производства (при наличии формально-юридических препятствий), уголовный процесс не допускал альтернативные методы реагирования государства на уголовно-правовые конфликты. Однако широкое распространение новейших подходов, призванное сделать уголовную юстицию более гибкой, без потерь в эффективности и качестве, привело к интеграции в уголовное судопроизводство так называемых альтернатив уголовному преследованию — ст. ст. 25, 25¹, 28, 28¹, 28², 427 УПК РФ.

Сегодня институт альтернативного уголовного преследования представляет собой гуманный подход к завершению уголовного судопроизводства. Его цель — через примирение правонарушителя с потерпевшим, компенсацию причиненного вреда, восстановление нарушенных социальных связей и интеграцию правонарушителя в общество — способствовать снижению уровня преступности и конфликтности в обществе. Этот институт также направлен на развитие и совершенствование уголовно-правовых мер, которые не приводят к наступлению судимости. Тем не менее, несмотря на позитивные изменения в направлении гуманизации национального уголовного судопроизводства, законодательство по-прежнему не адаптирует институт альтернативного уголовного преследования к концепции «дружественного к ребенку правосудия» («child-friendly justice»), за исключением некоторых положений, таких как ст. 427 УПК РФ. Что, безусловно, препятствует эффективной правоприменительной деятельности по уголовным делам с участием и в отношении несовершеннолетних.

В ходе анкетирования сотрудников следственных подразделений было выяснено, что больше половины респондентов утверждают нераспространенную практику прекращения уголовного дела в досудебном производстве, в особенности, по делам в отношении несовершеннолетних; наиболее распространенным основанием признаются принудительные меры воспитательного воздействия, далее — судебный штраф.

Стало быть, причинами низкого уровня применения норм института прекращения производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних являются:

— отсутствие предметных законодательных положений об особенностях прекращения уголовного дела (уголовного преследования);

— отсутствие знаний и положительного опыта у сотрудников органов предварительного расследования о возможности прекращения производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних;

— дискреционность положений.

Преднамеренно предусматривая возможность принимать решения о прекращении производства по делу по собственному усмотрению с согласия руководителя следственного органа или прокурора, законодатель, с одной стороны, позволил должностному лицу индивидуализировать ситуацию, учитывать обстоятельства, а также прогнозировать посткриминальное поведение подозреваемого (обвиняемого), а с другой стороны, породил возможность злоупотребления должностными полномочиями и развития коррупции. В связи с этим сложившаяся следственная практика констатирует, что на стадии предварительного расследования руководитель следственного органа, прокурор, как правило, не допускает прекращение производства по делу, то есть умышленно «перекладывает ответственность на суд» [3, с. 14]. Однако такой подход, безусловно, исключит неправомерное поведение должностных лиц, но при этом и продлит нахождение лица с неустойчивым психическим фоном — несовершеннолетнего, в агрессивном поле уголовного судопроизводства.

В связи с этим для ограничения негативного влияния на психику несовершеннолетнего, а также следственной экономии, необходимо предусмотреть «недостижение совершеннолетнего возраста» в качестве условия, предопределяющего императивный характер прекращения уголовного дела (уголовного преследования). Так, предлагаем внести соответствующие дополнения в УК РФ и УПК РФ.

Очевидно, что данные идеи не представляет собой самостоятельно-го, оконченного исследования, ввиду ограниченного формата нам представилась возможность лишь тезисного оформления основных научных позиций.

Список использованных источников

1. *Кучеров Г. Н.* Прекращение уголовного дела и уголовного преследования по дискреционным основаниям : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.
2. *Курс уголовного процесса* / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Голловко. 4-е изд., испр. и доп. М., 2025.
3. *Давлетов А. А., Дидык В. В.* Проблема прекращения уголовного дела по нереабилитирующим компромиссным основаниям на этапе предварительного расследования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2.

Проблемные вопросы прекращения права частной собственности в уголовном процессе

Частная собственность как объект уголовно-процессуального регулирования представляет собой сложную и многогранную категорию, исследование которой актуально в условиях развития правового государства и усиления гарантий защиты прав собственников. Проблема прекращения права частной собственности в уголовном процессе связана с необходимостью баланса между публичными интересами правосудия и частными интересами граждан, что порождает ряд дискуссионных вопросов.

В уголовно-процессуальном и уголовном законодательствах прекращение права частной собственности чаще всего ассоциируется с мерами принудительного характера, такими как конфискация имущества, изъятие вещественных доказательств и арест имущества. Так, согласно статье 104¹ Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), конфискация имущества представляет собой принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства имущества, полученного в результате совершения преступления или используемого для его совершения.

Однако, как отмечает А. В. Смирнов, конфискация как мера уголовно-правового характера не всегда соответствует принципам соразмерности и справедливости, поскольку может затрагивать права добросовестных собственников [1, с. 45]. В этом контексте возникает проблема разграничения имущества, подлежащего конфискации, и имущества, принадлежащего лицу, непричастному к преступлению.

Судебная практика подтверждает сложность данного вопроса. Так, в одном из решений суд подчеркивает, что конфискация не должна применяться к имуществу, законное происхождение которого доказано, а также к имуществу третьих лиц, если они не знали о его преступном использовании [2, с. 3].

Тем не менее, на практике суды нередко сталкиваются с трудностями установления добросовестности собственника, что приводит к нарушению его прав. Например, Московским городским судом было установлено, что наложение ареста на имущество третьего лица, непричастного к преступлению, было признан незаконным, так как следствие не представило доказательств его связи с преступной деятельностью [3].

Еще одним проблемным вопросом является изъятие имущества в качестве вещественных доказательств. Согласно ст. 81 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ), вещественные доказательства подлежат хра-

нению до вступления приговора в законную силу, после чего могут быть возвращены владельцу, уничтожены или переданы в государственную собственность. В. В. Кожевников указывает, что длительное хранение имущества, особенно скоропортящегося или подверженного амортизации, приводит к фактическому лишению собственника права пользования и распоряжения своим имуществом, что противоречит принципу неприкосновенности собственности, закрепленному в ст. 35 Конституции РФ [4, с. 128].

В свою очередь судебная практика демонстрирует случаи, когда изъятое имущество утрачивало свою ценность в процессе хранения. Например, Краснодарским краевым судом собственнику был причинен ущерб из-за порчи изъятой техники, что повлекло обращение в суд с иском о возмещении убытков [5].

Другим вопросом, требующим внимания, является наложение ареста на имущество, применяемое в соответствии со ст. 115 УПК РФ, что также вызывает споры. Он направлен на обеспечение исполнения приговора в части гражданского иска, штрафов или конфискации, однако его применение часто носит избыточный характер. Л. Д. Калинкина подчеркивает, что наложение ареста на имущество нередко применяется без учета его стоимости и соразмерности заявленных требований, что приводит к необоснованным ограничениям прав собственников [6, с. 76]. Конституционный Суд Российской Федерации, в свою очередь, указал, что арест должен быть обоснован и соразмерен, а его применение не должно нарушать права третьих лиц, не вовлеченных в уголовное дело [7].

Однако на практике суды не всегда соблюдают данные требования. Так, в деле № 2-789/2022 Санкт-Петербургского городского суда арест был наложен на имущество супруги обвиняемого, несмотря на отсутствие доказательств ее причастности к преступлению, что впоследствии было признано нарушением [8].

Мнения ученых относительно путей решения обозначенных проблем расходятся. В. В. Кожевников предлагает усилить процессуальные гарантии прав собственников путем закрепления обязательного предварительного судебного контроля за мерами, связанными с прекращением права собственности [4, с. 130].

А. В. Смирнов акцентирует внимание на необходимости разработки четких критериев добросовестности собственника, что позволило бы минимизировать риски произвольного изъятия имущества [1, с. 47].

Л. Д. Калинкина настаивает на введении механизмов оперативного возмещения убытков, причиненных собственникам в результате незаконных действий правоохранительных органов [6, с. 78].

Судебная практика также свидетельствует о необходимости совершенствования законодательства. В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1 за 2025 г. отмечается, что суды должны более тщательно проверять законность происхождения имущества и учитывать права добросовестных приобретателей при принятии решений о конфискации или аресте [9, с. 12].

Кроме того, важным аспектом является международный опыт. Европейский суд по правам человека в деле «Денисов и Моисеев против Российской Федерации» (2011) указал, что конфискация имущества должна быть строго обоснована и не может применяться в отношении лиц, не признанных виновными в совершении преступления [10]. Этот подход может быть использован для совершенствования российского законодательства.

Таким образом, прекращение права частной собственности в уголовном процессе сопряжено с рядом проблем, связанных с недостаточной четкостью критериев изъятия имущества, слабой защитой прав добросовестных собственников и отсутствием эффективных механизмов возмещения убытков. Решение данных вопросов требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, усиление судебного контроля. Указанные меры позволят обеспечить баланс между интересами правосудия и защитой конституционных прав граждан.

Список источников

1. Смирнов А. В. Уголовное право и процесс: актуальные вопросы правоприменения. М., 2022.
2. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8.
3. Решение Московского городского суда по делу № 2-123/2023. URL: <https://www.mos-gorsud.ru> (дата обращения: 01.06.2025).
4. Кожевников В. В. Проблемы защиты прав собственников в уголовном процессе. СПб., 2023.
5. Решение Краснодарского краевого суда по делу № 1-456/2024. URL: <https://www.krasnodar-krai.sudrf.ru> (дата обращения: 03.06.2025).
6. Калинкина Л. Д. Арест имущества в уголовном процессе: теория и практика. М., 2021.
7. По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки И. К. Дашковой : постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2020 г. № 20-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Решение Санкт-Петербургского городского суда по делу № 2-789/2022. URL: <https://www.spb-gorsud.ru> (дата обращения: 02.06.2025).

9. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 за 2025 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 1.

10. Дело «Денисов и Моисеев против Российской Федерации» : постановление Европейского суда по правам человека от 14 июня 2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

А. А. Синекин

О современном понимании содержания принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела

Принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела был в свое время нормативно закреплён в советском уголовно-процессуальном законодательстве (в частности, в ст. 20 УПК РСФСР 1960 г.) и в настоящее время, претерпев некоторые содержательные изменения, сохранился в УПК Республики Беларусь (ст. 18), УПК Республики Казахстан (ст. 24), УПК Кыргызской Республики (ст. 19), законодательстве ряда других стран. Примечательно, что в УПК Азербайджанской Республики закреплён принцип «Объективность, беспристрастность и справедливость» (ст. 28), который подчёркивает содержательное единство всестороннего, полного и объективного исследования всех связанных с уголовным преследованием обстоятельств и справедливости уголовного процесса.

Принимая в 2001 г. УПК РФ, законодатель отказался от включения данного принципа во вторую главу, растворив его содержание в тексте нескольких статей уголовно-процессуального законодательства. Такое законодательное решение вызвало критику отдельных представителей научного сообщества и предложения внести соответствующие дополнения в действующую систему принципов уголовного процесса [1, с. 94, 392; 2, с. 131].

Одновременно в научной литературе имеет место позиция, согласно которой отсутствует необходимость в возрождении данной нормы-принципа в современном уголовном процессе, основанном на принципе состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), где суд выступает адресатом, а не субъектом доказывания [3, с. 173–174]. Всестороннее, объективное и полное исследование обстоятельств дела, по мнению сторонников данной точки зрения, должно быть основано не на активной роли суда в процессе доказывания, а на непредвзятой оценке позиций сторон защиты и обвинения [4, с. 2–3; 5, с. 97]. Однако позиция данной группы ученых

уязвима для критики, поскольку действующее уголовно-процессуальное законодательство предполагает участие суда в сборе, проверке и оценке доказательств (ст. ст. 86–88 УПК РФ), т. е. во всех этапах доказывания, предусмотренных нормой ст. 85 УПК РФ.

В рамках обсуждаемой проблемы интерес представляет обращение к законодательному опыту ряда стран постсоветского пространства. Так, сохранив в своем уголовно-процессуальном законодательстве принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, законодатель Республики Казахстан дополнил его нормами, требующими от суда объективности и беспристрастности (ч. 3 ст. 24 УПК Республики Казахстан), запрещающими ему по собственной инициативе собирать дополнительные доказательства в целях устранения неполноты досудебного расследования (ч. 1 ст. 24 УПК Республики Казахстан), обязывающими создать для сторон процесса необходимые условия для реализации их прав на всестороннее и полное исследование обстоятельств дела (ч. 3 ст. 24 УПК Республики Казахстан). Кроме того, согласно ч. 4 ст. 24 УПК Республики Казахстан, суд самостоятельно принимает решения по вопросам необходимости и достаточности исследования, имеющихся в деле и представленных в судебном заседании доказательств.

Требования объективности и беспристрастности суда содержат также уже упомянутые выше ст. 18 УПК Республики Беларусь и ст. 19 УПК Кыргызской Республики. Кроме того, последняя, также как и в казахстанском законодательстве, запрещает суду собирать дополнительные доказательства по собственной инициативе.

Таким образом, можно наблюдать, как сохранившийся в законодательстве ряда стран постсоветского пространства принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела претерпел вместе с тем глубокую модернизацию и в содержательном плане существенно отличается от нормы, изложенной в свое время в советском законодательстве.

Подчеркнем, что состязательность сторон в современном уголовном процессе является важным правовым механизмом, служащим как установлению истины по делу и обеспечению прав и законных интересов сторон и прежде всего (более слабой из них) стороны защиты. Однако принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела сам по себе не противоречит принципу состязательности сторон при условии, что суд, сохраняя объективность и беспристрастность, не берет на себя функцию обвинения, исследует имеющиеся в деле и представленные

ные доказательства исключительно способами, предусмотренными действующим уголовно-процессуальным законодательством.

Список источников

1. *Химичева Г. П.* Досудебное производство по уголовным делам: концепция досудебного совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М., 2003.

2. *Федоров И. З.* Принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела в уголовном процессе России // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. 2013. № 3.

3. *Лазарева В. А.* Объективна ли «объективная истина»? // *Библиотека криминалиста. Научный журнал*. 2012. № 4(5).

4. *Подольный Н. А.* Новый УПК — новая идеология уголовного процесса // *Российская юстиция*. 2002. № 11.

5. *Тхакушинов М. А.* Реализация принципов уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальной деятельности прокуратуры : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003.

Д. А. Шайденко

Правовая основа института задержания как фактического ограничения свободы

В юридической литературе задержание традиционно рассматривается как правовой институт, однако его содержание и место в системе права остаются дискуссионными. И. А. Веретенников определяет задержание подозреваемого как комплексный институт, включающий действия уголовно-процессуального и административного характера, что подчеркивает его неоднородную правовую природу [1, с. 61]. Вопрос о межотраслевых институтах, к которым многие относят задержание, является дискуссионным. Мы не согласны с излишне широким пониманием задержания, когда в его содержание включают действия с разрозненной правовой природой. Конституционное регулирование также недостаточно для признания задержания отдельным институтом, оно является одной из составляющих института ограничения конституционных прав личности [2, с. 589]. Последнее как раз является межотраслевым правовым институтом.

Подход, поддерживаемый Е. А. Киримовой [3, с. 26], предполагает, что правовые институты, как правило, являются отраслевыми. Уголовно-

процессуальное задержание регулируется нормами УПК РФ и входит в систему мер процессуального принуждения. Аналогично административное и уголовно-исполнительное задержания функционируют в рамках своих отраслей. Эти меры в нашем понимании являются, по сути, предварительными арестами, заключаются в принятии юридического решения о содержании под стражей не свыше 48 часов, они имеют сугубо обеспечительный характер и их нецелесообразно называть «задержанием». Фактическое ограничение свободы передвижения в их состав не входит. Соответственно, возникает проблема при анализе фактического захвата и доставления лиц, совершивших правонарушение. Эти действия, не являясь процессуальным задержанием, часто остаются вне четкого правового регулирования.

Правовые основания для захвата и доставления детально ни в каком нормативно-правовом акте не выписаны, тем не менее, отдельные фрагменты, указывающие на них, содержатся в статусных законах о правоохранительных органах (например, ФЗ «О полиции», ФЗ «О Федеральной службе безопасности», ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», ФЗ «О государственной охране» и др.). Эти нормы позволяют применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие для пресечения противоправных деяний, задержания и доставления лиц, их совершивших, но не требуют какого-либо предварительно начатого производства. С. И. Вершинина предлагает ввести в ФЗ «О полиции» «полицейское задержание» с четкими основаниями и сроками [4, с. 276], что могло бы устранить правовой вакуум между «фактическим» и «процессуальным» задержанием. Однако такая мера не решает проблему полномочий остальных правоохранительных органов.

Дискуссия о природе задержания затрагивает вопрос о полицейском праве как подотрасли административного права. В предмет данной подотрасли как раз входит регулирование полномочий «силовых» полицейских органов, в том числе по борьбе с преступностью. Ю. П. Соловей и другие ученые поддерживают эту идею [5; 6], тогда как И. Ш. Киясханов и Ю. Н. Стариков критикуют ее, считая искусственной [7; 8]. Тем не менее, фактический захват и доставление, даже осуществляемые в рамках поручения следователя, остаются административно-правовыми мерами.

Для более ясного отграничения от отраслевых обеспечительных мер применяемые правоохранительными органами в административно-правовом порядке силовой захват и доставление лиц, совершивших преступление или административное правонарушение, следует называть «задержанием». Без приписок «фактическое», «физическое», «полицейское», «административное» и т. п.

Таким образом, предварительные аресты (уголовно-процессуальный, административный, уголовно-исполнительный) являются отраслевыми институтами. Задержание (фактический захват) также является институтом административного права (или полицейского права, если признавать его существование в качестве подотрасли административного права). В межотраслевом аспекте данные отдельные институты могут восприниматься лишь в качестве составляющих института ограничения конституционных прав и свобод граждан. Причиной является то, что институты конституционного права являются одновременно как отраслевыми, так и всеобщими, определяющими для других отраслей права. Унификация норм о задержании в рамках правоохранительной деятельности, как это сделано в Республике Казахстан [9], представляется перспективным направлением для устранения пробелов в законодательстве.

Список источников

1. *Веретенников И. А.* Задержание подозреваемого как комплексный правовой институт : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
2. *Подмарев А. А.* Институт ограничения прав личности в Конституции РФ 1993 года // Юридическая техника. 2018. № 12.
3. *Киримова Е. А.* Правовой институт: понятие и виды : учеб. пособие / под ред. профессора И. Н. Сенякина. Саратов, 2000.
4. *Вершинина С. И.* Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования : дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017.
5. *Соловей Ю. П.* Полицейское право и его место в системе современного административного права // Полицейское право. 2005. № 1.
6. *Бекетов О. И., Сургутсков В. И.* Полицейское право России: прошлое, настоящее и будущее // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8.
7. *Старилов Ю. Н.* О полицейском праве, или Не всегда хорошо забытое старое является новым // Полицейское право. 2005. № 1(1).
8. *Килясханов И. Ш.* «Полицейское право» и административно-правовые реалии // Полицейское право. 2005. № 3(3).
9. Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 г. № 380-IV «О правоохранительной службе». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30916594&pos=3;-108#pos=3;-108 (дата обращения: 26.04.2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Любовь Леонидовна — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск)

Ахпанов Арстан Нокешевич — доктор юридических наук, профессор, профессор Высшей школы права. Astana International University (г. Астана, Республика Казахстан)

Баранов Александр Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, Заслуженный юрист Российской Федерации

Белокурова Юлия Сергеевна — кандидат педагогических наук, начальник кафедры организации и обеспечения раскрытия и расследования преступлений Тверского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Бондаренко Антон Алексеевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

Борков Виктор Николаевич — доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России

Булатов Борис Борисович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, Заслуженный юрист Российской Федерации

Васильева Елена Геннадьевна — кандидат юридических наук, доцент, судья, председатель пятого судебного состава судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции (г. Москва)

Галимова Алина Олеговна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск)

Дежнев Александр Сергеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

Жилинский Даниил Андреевич — аспирант Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского

Кальницкий Владимир Васильевич — кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, Заслуженный юрист Российской Федерации

Карпова Олеся Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

Каршиев Миролим Рустамович — старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова

Киселева Александра Алексеевна — адъюнкт адъюнктуры Академии управления МВД России (г. Москва)

Козловский Петр Валерьевич — кандидат юридических наук, докторант научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России

Комарова Наталия Сергеевна — преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

Коробкова Елена Евгеньевна — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

Костенко Роман Валерьевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Кубанского государственного университета (г. Краснодар)

Крипиневиц Светлана Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой уголовно-процессуального права им. Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Москва)

Крылова Дарья Сергеевна — кандидат юридических наук, научный сотрудник научно-исследовательской группы Тверского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Куяхова Татьяна Владимировна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

Латыпов Вадим Сагитьянович — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России

Липинский Александр Павлович — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры публичного и частного права Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии РФ (г. Санкт-Петербург)

Лопотенко Вероника Симоновна — преподаватель кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета (г. Краснодар)

Лютынский Антон Мечиславович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Вологда)

Максимов Никита Романович — адъюнкт адъюнктуры Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Мокровский Андрей Викторович — аспирант Ульяновского государственного университета

Накиб Даниель Викторович — мировой судья судебного участка № 5 г. Армавир Краснодарского края

Нисневич Алена Константиновна — преподаватель кафедры информационной безопасности Санкт-Петербургского университета МВД России

Новокшонов Дмитрий Вячеславович — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры отраслевых и юридических дисциплин Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии РФ (г. Санкт-Петербург)

Павлов Антон Васильевич — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

Пилюшин Игорь Павлович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

Погорелова Ксения Руслановна — адъюнкт адъюнктуры Санкт-Петербургского университета МВД России

Поддубная Екатерина Валерьевна — дознаватель отделения дознания ОМВД России по Саргатскому району Омской области

Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон — доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Академии МВД Республики Таджикистан (по научной работе) (г. Душанбе)

Савченко Анна Николаевна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

Самарин Вадим Игоревич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского государственного университета (г. Минск)

Сафронов Дмитрий Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России

Свяженина Анна Андреевна — адъюнкт адъюнктуры Уфимского юридического института МВД России

Семенов Илья Александрович — адъюнкт адъюнктуры Барнаульского юридического института МВД России

Синекин Александр Александрович — адъюнкт адъюнктуры Академии управления МВД России (г. Москва)

Скорев Василий Александрович — руководитель пресс-службы судебной системы Омской области, председатель Нововаршавского районного суда Омской области в отставке

Спесивов Никита Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, директор Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии

Стельмах Владимир Юрьевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П. М. Давыдова Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург)

Степанцова Марина Викторовна — научный сотрудник научно-исследовательского отдела Управления организации научной деятельности и редакционно-издательской деятельности Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Супрун Сергей Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

Табачков Сергей Анатольевич — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

Ткачёва Екатерина Сергеевна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

Туров Сергей Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Удмуртского государственного университета (г. Ижевск)

Фадеев Павел Владимирович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Федорова Анна Александровна — судья Перовского районного суда г. Москвы

Фельк Алексей Александрович — преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России

Чекулаев Дмитрий Петрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Шайденко Даниил Александрович — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Шумилова Татьяна Николаевна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Ахпанов А. Н. Начальный этап досудебного расследования: теоретические и прикладные вопросы	3
Баранов А. М. Виды мер пресечения	10
Борков В. Н., Булатов Б. Б., Павлов А. В. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты заключения под стражу (Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации)	16
Дежнев А. С. Защита имущественных интересов потерпевшего при прекращении уголовного преследования	20
Кальницкий В. В. Принуждение после истечения срока давности нуждается во взвешенной регламентации	23
Костенко Р. В. Синтетические доказательственные данные в уголовном процессе: постановка проблемы их появления и дуализма использования	29
Латыпов В. С. Размышления о влиянии технологий искусственного интеллекта на уголовно-процессуальный институт ходатайств и жалоб.	34
Рахмаджонзода Р. Р. Актуализация некоторых направлений уголовного судопроизводства Республики Таджикистан	39
Стельмах В. Ю. Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения: реальность и перспективы	43
Фадеев П. В. К вопросу о хранении вещественных доказательств при производстве по уголовному делу	47

РАЗДЕЛ II.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ — ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПРАКТИКИ

Васильева Е. Г. Уточнение судом фактических обстоятельств уголовного дела	52
Накиб Д. В. Анализ института частного обвинения и проблем его применения при особом порядке судебного производства	55
Поддубная Е. В., Супрун С. В. Поручение производства уголовно-процессуальной деятельности начальником органа дознания дознавателю органов внутренних дел: проблемы правового регулирования	57
Скорев В. А. Суд милостивый: эволюция и перспективы института смягчающих обстоятельств в российском уголовном законодательстве	61
Федорова А. А. Проблемные вопросы применения норм об отстранении законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) от участия в уголовном судопроизводстве	67

РАЗДЕЛ III.

ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Абрамова Л. Л. К вопросу о статусе преследуемого лица в первоначальной стадии уголовного процесса	71
Белокурова Ю. С., Крылова Д. С. Стратегия разрешения следователем конфликтных ситуаций при производстве обыска	77
Бондаренко А. А. Процессуальный статус участников уголовного судопроизводства при выделении уголовного дела	81
Галимова А. О. Проблемы доказывания специальной цели уклонения от административного надзора	84
Карпова О. В. Охранительные начала в системе принципов уголовного судопроизводства Российской Федерации	87
Каршиев М. Р. Поручение следователя как форма содействия при применении мер уголовно-процессуального принуждения	91

Козловский П. В. Понятие и роль «начала» в уголовном процессе: теоретический анализ	96
Комарова Н. С. Предмет доказывания по преступлениям, предусмотренным статьями 264 ¹ , 264 ² , 264 ³ Уголовного кодекса Российской Федерации.	99
Коробкова Е. Е. Представление результатов работы инспектора по делам несовершеннолетних следователю	102
Крипиневи́ч С. С. Индивидуализация уголовно-процессуальной формы как средство обеспечения прав участников уголовного судопроизводства	105
Крылова Д. С., Степанцова М. В. Правовая природа быстроты предварительного расследования в российском уголовном судопроизводстве	109
Курахова Т. В. «Нормативные» разъяснения порядка возвращения судом уголовного дела прокурору.	113
Липинский А. П. Понятие и виды принуждения в уголовном процессе: сущность, классификация и проблемы правового регулирования	115
Лопотенко В. С. Гуманизация уголовного судопроизводства: новые гарантии для предпринимателей при избрании мер пресечения	119
Лютынский А. М. Региональное правотворчество в раннесоветском уголовном процессе (1918–1919 гг.): по материалам Вологодской губернии	123
Нисневич А. К. Защита доказательственной информации в условиях цифровизации уголовного процесса.	127
Новокшенов Д. В. Допрос: правовое регулирование и практика производства в период ведения боевых действий	129
Пилушин И. П. Комбинированная мера пресечения	133
Савченко А. Н. Реализация прав стороны защиты при электронной форме досудебного уголовного производства	138
Самарин В. И. Институт или подотрасль? К вопросу о правовой природе международной правовой помощи по уголовным делам	141

Сафронов Д. М. Обеспечение оперативного реагирования на изменяющуюся обстановку в особых условиях: четыре шага к трансформации уголовного судопроизводства	145
Спесивов Н. В. Проблема эффективности и качества уголовного судопроизводства в контексте расширения его транспарентных начал	149
Табакوف С. А. Должностные лица органа дознания как субъекты принятия решения о возбуждении уголовного дела . .	152
Ткачёва Е. С. Профилактическая деятельность следователя при расследовании уголовного дела	156
Туров С. Ю. Протокол судебного заседания: надежное доказательство или источник сомнения в уголовном судопроизводстве?	158
Фельк А. А. Реализация полномочий прокурора на этапе окончания предварительного следствия.	161
Чекулаев Д. П. Подсудность и состав суда в уголовном процессе: соотношение понятий	165
Шумилова Т. Н. Участники судебного заседания в досудебном уголовном процессе	168

РАЗДЕЛ IV. Трибуна молодых ученых

Жилинский Д. А. К вопросу о классификациях процессуальных решений в уголовном судопроизводстве	172
Киселева А. А. О доказательственном значении вербальной информации, полученной в ходе «невербальных» следственных действий	175
Максимов Н. Р. О собирании доказательств консульскими должностными лицами Российской Федерации на территории иностранного государства	178
Мокровский А. В. Относимые доказательства по преступлениям, предусмотренным статьей 201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями»	180
Погорелова К. Р. Альтернативы уголовному преследованию как элементы восстановительного правосудия.	183
Свяженина А. А. Альтернативные основания прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетних	186

Семенов И. А. Проблемные вопросы прекращения права частной собственности в уголовном процессе	190
Синекин А. А. О современном понимании содержания принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела	193
Шайденко Д. А. Правовая основа института задержания как фактического ограничения свободы.	195
Сведения об авторах	198

Научное издание

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО:
ДОКТРИНА, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО,
ПРАКТИКА

Редактор Н. В. Матвеева

Корректura Л. И. Замулло

Технический редактор М. Ю. Чалкова

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 24.11.2025. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 12,1. Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 115 экз. Заказ № 276.

Редакционно-издательский отдел

Отделение полиграфической и оперативной печати

644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7